

Полина Амор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОРОЧНОЕ ТРИО
ДЛЯ СВОДНОЙ

18+

Полина Амор

Порочное трио для сводной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70538989

SelfPub; 2024

Аннотация

Будучи обычной студенткой, оказаться внезапной наследницей многомиллионного состояния – могу, умею, практикую. Но в довесок к богатству я обрела и двух сводных братьев. Один характером спокоен как вода, второй – буйный как огонь, но оба – сущие демоны, что пытаются соблазнить меня на странную игру. Не знаю, что убивает меня больше – их порочное влечение ко мне или страшные тайны моей новой «семьи». Которые могут заставить меня отказаться от наследства и... любви? В тексте точно будут: горячие сцены; эмоции на грани; магия и тайны. И точно не будет: жести, крови, убийств или избиений, плохого финала. Приятного прочтения!

Содержание

1	4
2	10
3	30
4	49
5	68
6	90
7	103
8	123
9	143
10	163
11	173
12	188
13	208
14	229
15	246
Эпилог	263

Полина Амор

Порочное трио для сводной

1

Я знала, что в этом доме творится что-то неладное. Знала, у моих сводных братьев есть тайны, и одну из них вижу перед собой. На экране камеры идет «кино» в черно-белых тонах, которое является одной из граней, той жуткой реальности, что мне открывается в последние дни.

Всех «актеров» знаю лично: мои сводные братья Максим и Виктор и одна из наших горничных Оля. Одеты, видимо специально для этого «мероприятия» в подвязки, не закрывающему ни одно из самых сокровенных мест женского тела.

Сначала она прикована мягкими наручниками к специальной металлической палке, свисающей с потолка. Безвольно лишь принимает очень грубые ласки Виктора, который просто по-хозяйски трогает её тело, будто пробуя товар. Однако взгляд девушки, направлен не на неё, а на Максима, который наблюдает за этим. Он сидит вальяжно в кресле и только его полурастегнутая рубашка и топорщащиеся брюки, выдают его возбуждение.

Как же это порочно, стоять в комнате охраны, и понимая, что никого нет наблюдать за тем, каким странным утехам

предаются мои, так называемые, родственнички. Но почему-то я не могу оторвать глаз от этой картины, и внизу живота предательски разливается приятое напряжение.

Смотрю на Максима, который, как всегда, с истинно королевским терпением, просто выжидает. Виктор, же, тоже как всегда, подготавливает всё для брата, больше трудится, говорит, активничает. А потом передает Максу бразды правления. Причем делает это с удовольствием.

Оба мужчины одеты, причем в настолько дорогие костюмы, что обычному человеку показалось бы святотатством не снимать их, готовясь к тому, чтобы отыметь в подвале дома девицу. Но, им все равно. То, что они одеты, а она нет, видимо придает им еще большего ощущения власти над девушкой.

Хотя большего и не надо, даже через экран камеры я понимаю, что даже если она это согласилась на это за деньги, сейчас она готова раствориться в обоих мужчинах. Отдать им всю себя, подчиниться и в этом и найти своё счастье. Как-то дикая, инстинктивная часть меня с ней согласна. Порой, это всё, чего мы хотим. Но не каждый достоин нашего подчинения.

Вдоволь наигравшись с её телом, Виктор говорит так громко, что я слышу его голос из наушников, лежащих рядом со мной.

– Девочка готова!

Максим что-то отвечает, видимо приказывая её привести.

Виктор одним движением снимает наручники с палки, но оставляет на девушке, берет её за тесный чокер и ведет, задрав ей голову к брату. Ставит на колени и опять же, слишком громко говорит, что я могу расслышать.

– Сделай приятно своему хозяину.

Девушка кивает несколько раз, и он отпускает её чокер, она в наручниках, что явно неудобно, но все равно решительно и резво тянется к брюкам Максима, который специально ей не помогает. Её лица или его члена я не вижу, но вижу, как Максим откидывается на кресле и задирает голову, как рукой придерживает девушку за волосы, а она двигается ритмично и быстро.

– Старательная девочка? – спрашивает Виктор, снова громко.

Максим что-то отвечает, и Виктор лишь усмехается в ответ. Смотрит на то, что девушка занята, и я уже думаю, что сейчас он подойдет и возьмет её сзади. Но у него, будто другие планы. Он отходит куда-то в угол, достает непонятную для меня статуэтку, ставит на стол и... я не понимаю, что он делает. Вроде бы как, двигаются его губы, но что, он шепчет статуе? Что за бред?

В любом случае, он разворачивается к девушке, и я замечаю в его руке презервативы. Ну что же, теперь игра доходит до самого главного действия.

Не слышу и не вижу, как он надевает защиту и входит в девушку, но вижу его гримасу наслаждения и чуть закатив-

шиеся глаза. Что же, теперь, я знаю, как он выглядит, когда занимается сексом. И я совру, если скажу, что не думала об этом недавно.

Мечты сбываются, блин.

Он начинает двигаться сразу резко, быстро, отрывисто. В наушниках слышно какое-то шипение и я не сдерживаюсь. Оглядываю комнату охраны, все равно никого нет и быстро надеваю наушники. Есть некоторые помехи, но очень хорошо слышны заглушаемые женские стоны, переходящие в крики и сопение, переходящее в рычание и пошлый шепот её мужчин.

Я ей не завидую, не завидую. Снимаю наушники, и понимаю, что томление в моем теле слишком сильно. Надо бы пойти в душ и сбросить с себя это, но главное там, не думать о том, что хочется оказаться на месте девушки. Нет, они, конечно, обалденные парни, да и секс втроем это моя любимая фантазия и жанр порно, но все-таки. Слишком уж я их не выношу, особенно после недавних событий.

«Они вообще два эгоистичных подонка. С такими один раз трахнешься, фиг разгребешься потом от проблем. Нет-нет», – уговариваю я себя.

В видео все становится еще интереснее, девушку буквально насаживают на Макса, а Виктор снова пристраивается сзади. С удивлением приподнимаю брови, когда вижу, что та статуэтка, будто бы горит. Не понимаю, пытаюсь присмотреться и вижу вокруг неё что-то вроде дыма. Типа аромати-

ческая какая-то?

Странно. Перевожу взгляд на троицу, девушка в объятьях двух кричит и задыхается от яркого наслаждения, а Виктор, схватив её волосы задирает ей лицо, будто заставляя смотреть прямо в камеру.

Это немного странно. Еще страннее, то, что я вдруг, понимаю – это не Оля. Это её сестра Карина.

Только вот Карина пропала три дня назад, и у нас даже была полиция по этому поводу. Получается, что она все это время здесь и трахается с ними?

Не успеваю я зависнуть с этой мыслью, и начинаю рассматривать помещение, в котором они веселятся. Точно ли я его знаю, вдруг это и не наш подвал и не подвал вовсе?

Замечаю часы на стене, большие, цифровые, удобные чтоб с этого ракурса увидеть время: 16:03.

Сердце падает в пятки.

На часах уже 16:04 только сейчас и обеда нет. Я лениво и обреченно смотрю на собственные часы: 11:21. Это не прямой эфир.

Это запись. В комнате охраны, так вовремя начавшая играть.

Я понимаю одну очень важную мысль – меня надули.

Все подстроено.

Им нужно было, чтобы я это увидела. Увидела пропавшую девушку и их странный, дикий, хоть и завораживающий секс.

И самое жуткое, я не знаю, в чем их цель. А то, что все подстроили братья, у меня нет ни малейшего сомнения.

Дверь сзади открывается и закрывается очень резко. Я успеваю только обреченно заметить, как Виктор защелкивает замок и поднимает на меня взгляд.

Пошлые звуки того, как он на пару с братом имеют Карину по-прежнему раздаются из наушников, но их перебивает голос Виктора из реальности.

– Ну как тебе?

За несколько недель до этого.

День с утра не задаётся. Сумка, между прочим, единственная, порвалась еще с самого утра. Пока я стою на очереди на распечатку курсовых, прямо передо мной что-то ломается в принтере и мне нужно под дождем идти до соседнего копицентра через дорогу. В общем, весь день идет на смарку и нет ощущения, что как-то запомнится кроме кучки мелких неудач.

Все меняется в тот самый момент, когда после предварительной защиты дипломов, я со своей сокурсницей и приятельницей Машей решаю зайти домой. Проходя по длинному коридору на этаже, я ощущаю стойкий запах тяжелого алкоголя.

Мысленно хмыкаю, что, вроде, алкашей среди соседей не было, а мысль, что это может быть из моей квартиры я отмечаю. Мать прекратила пить уже больше двух лет и намеков на возможный срыв вроде не было.

Вроде.

Пока я не открываю дверь и первым делом замечаю приговор. Приговор в виде бутылки коньяка на нашем кухонном столике.

– Ой, может я позже зайду? – начинает лепетать Маша.

– Все нормально, – киваю я.

Нихера не нормально.

Нахожу мать в нашей комнате, она в неадекватном состоянии валяется на моем разложенном диване, даже не осилив расстояние до её половины комнаты.

– Оооо, – говорит она радостно.

– Зачем ты это сделала? – спрашиваю я холодно.

Желание развернуться, уйти, закрыть дверь и навсегда забыть о существовании этой женщины, становится слишком сильным. Как-то выживу без неё. Мешает только мысль о том, что без моих подработок она точно окажется на мусорке, а то и в гробу через месяцок.

– Зайка, Крисик, – лепечет она. – Ты не поняла, зайка. Мы богатые. Мы богатыми стали!

Качаю головой без интереса слушая этот бред.

– Эм, Кристин, там рядом с коньяком конверт лежит с письмом. Прочитаешь?

– Да мне пофиг, – хмыкаю я, думая, что делать с матерью.

– Э... Кристина, прочитай, пожалуйста, – настаивает Маша.

Я оборачиваюсь, нехотя выхватываю листок А4 в каком-то золотистом обрамлении. Первым делом, я думаю, что это письмо Нигерийского принца или какая-то лотерея. Мать развели, может даже забрали её украшения – остатки былой роскоши и напоминание о богемной и богатой жизни.

Но имя подчеркнутое жирным шрифтом заставляет меня приподнять брови в удивлении:

Малышев Юрий. Это же мой отчим.

Моя мать была моделью в своё время и когда мне было лет семь вышла замуж за бизнесмена Малышева. Потом развелась, когда мне было одиннадцать. Ничего толком не помню о том времени, кроме того, что было сытно и спокойно и я чаще сидела в большом уютном доме, а не у бабушки.

А теперь завещание. Получается, он умер? И что-то оставил мне? Очень мило с его стороны, учитывая, что моим отчимом он был четыре года и не особо уделял мне внимание.

Пробегаюсь по куче юридического текста, чтобы найти своё имя с дополнением про какую-то мелочь, которую он мне оставил. Нахожу.

Кристина Ивановна Похольчук... 50% всего моего имущества движимого и недвижимого, акции, активов, долей.

Стоп.

Еще раз вчитываюсь. Моё имя и 50%.

– Маш, прочитай, я не понимаю, – прошу я.

– Да я прочитала уже.

– Тут сказано?... – я даже не могу этого произнести.

– Что ты получаешь ровно половину всего имущества этого Малышева. А у него много? Квартирка есть?

Да, так, пару домов. Не в этой стране.

– Погугли, – говорю я побелевшими губами. Может он обнищал? Может это ошибка, может...

Маша копается в телефоне, пока я оглядываюсь на мать.

– Так не бывает, понимаешь? – говорю я, пытаюсь досту-

чаться до её пропитых мозгов. – Это ошибка какая-то, я не могу стать наследницей...

– Божечки, Крис! Он миллионер! – кричит Маша.

Так, деньги не профукал. А что же так? Весь в долгах и пытается их на меня свалить? Да что происходит?

– У него такие симпатичные сыновья, ты видела? – протягивает мне смартфон. На экране вижу трёх мужчин. Одному лет пятьдесят, двум около тридцати. Юрий и его сыновья, конечно же. Максим и Виктор. Максим старше, спокойнее, а Виктор все время хулиганил и шкодил. Доводил наших нянь до белого каления.

– Это Макс и Виктор. Они в завещании упомянуты? – спрашиваю я.

Маша дрожащими руками берет бумагу.

– Да, тут сказано что Макс получает 25% и Виктор тоже 25%. Получается, что разделено на три части, но при этом напополам между вами. То есть тобой и ними.

– Это что-то значит?

– Грубо говоря, вы не можете продать ничего если не согласуете втроем. Ну или, хотя бы вдвоем.

– Бред какой-то! Это просто бред! С чего ему так делать, Маш? Мы не виделись сколько? Лет пятнадцать! Как это возможно?! – взрываюсь я.

– Крисик, – мама хватает меня за руку и чуть сжимает. – Ну ты подумай, какой это шанс? Даже если не 50, даже 10, даже 5 процентов нам хватит с тобой до конца жизни. Кри-

сик. Там визитка была нотариуса. Позвони.

– Позвоню, чтобы убедиться что это какой-то идиотский и позорный розыгрыш, – рычу я.

– А вдруг тебе просто повезло? – мямлет Маша.

– Глупостей не говори. Просто так такого не бывает. Здесь или ошибка или такой жесткий подвох, что можно не расхлебаться за всю жизнь.

– Не доверяешь ты миру, – говорит мама.

– Угадай, благодаря кому.

Вечером, выпроводив перевозбужденную Машу и позволив маме протрезветь, я звоню по номеру телефона на визитке.

– Добрый вечер, меня зовут Кристина Похольчук, – начинаю я, но он меня перебивает.

– Здравствуйте, очень рад вас слышать! – по голосу, кажется, что он действительно рад, и от этого становится чуть не по себе. – Отлично, что вы позвонили. У нас немного времени и полно дел. Как скоро вы сможете выехать?

– В смысле? Куда выехать?

– Очень хочу, чтобы вы приехали. И поговорили с остальными наследниками. Дело в том, – он будто чуть мнетя. – Понимаете, есть две версии завещания, та, что у вас она более, ну, общественная. Есть вторая, она более скрыта от чужих глаз, но более четкая и юридически верная. Вам нужно ознакомиться именно с ней. Это не должно касаться посто-

ронних людей.

Что-то *очень* странное.

– Простите, но это же, наверное, какая-то ошибка, потому что мы не виделись с моим отчимом очень много лет. И вообще не общались. С чего бы ему оставлять мне пятьдесят процентов своего наследства?

– Послушайте, Кристина. Проблема в том, что вы действительно плохо помните Юрия, он никогда не был обычным человеком, поэтому говорить о его странностях, наверное, не совсем корректно. Давайте так. А все вопросы должны будут решены всё-таки коллегиально наследниками. А их трое, вы, Максим Юрьевич и Виктор Юрьевич. Поэтому вы должны встретиться. И ознакомиться со второй частью завещания. Я думаю, тогда вам многое станет понятно. Как скоро вы сможете выехать?

Он не спрашивает поеду ли я, только «когда». НЛП сельского разлива, блин.

– Я не собираюсь никуда ехать. Пообщаться можно и по видеосвязи.

– Это секретная информация, как я её по видеосвязи расскажу! – вдруг пылит он с той стороны трубки.

– Секретная? – переспрашиваю я.

– Кристина, я не помню, как вас по отчеству... Я куплю вам билет, обеспечу всю поездку. Просто нам надо поговорить лично. Пожалуйста. Удивительно, что я уговариваю вас принять такую сумму денег и имущества, что вам и мне даже

сложно представить.

– Да, – соглашаюсь я после недолгой паузы. – Почему это вам так важно?

– Я обязан исполнить последнюю волю усопшего.

– Это имеет настолько большое значение для вас?

– Вы не представляете, насколько.

В этот момент во мне борются две сущности. Одна умная и рассудительная, вторую гложет любопытство и... надежда.

В конце концов, побеждает вторая. Потому что говорит первой что с меня то уж точно нечего взять. Чтобы продать в бордель схема слишком странная, мутная и долгая. Да и не такая я уж и красотка, чтобы за меня биться. Сотня девочек сама идет, с внешностью и получше. Чтобы ограбить? А что с меня взять? Ну, кроме почек?

Пообещав сдавшейся умной части своего «Я» что буду вести себя осторожно, я вздыхаю и киваю.

– Ладно, куда нужно ехать?

– Санкт-Петербург. Там вас отвезут.

– И что дальше?

– Вам нужно вылететь чем раньше, тем лучше. Опять же, у нас не очень много времени.

– А может, меня хотят принести в жертву древнему боже-
ству?

– Для этого надо быть девственницей, – отвечает мне Леша, мой парень, на груди которого я лежу вечером перед по-

ездкой.

– А вдруг, они думают, что я девственница? – сонно бурчу я.

– Давай снимем порнушку и выложим в инет. Я точно покажу, что ты не девственница ни в одном своем месте.

Он улыбается плотоядно, и наверное, думает, что сексуально. Иронично, но хоть он мой первый и пока единственный, я чувствую с ним себя какой-то нимфоманкой.

Хочется больше, ярче, интереснее. Едва я успеваю что-то почувствовать, как он уже успокоился и готов сладенько храпеть. Ну а наша самая частая поза это я сверху, пока он сжимает до боли мою грудь.

Но себя он считает, при этом, половым гигантом, который разбудил во мне женщину.

Я как-то поделилась этим с Машкой, она сказала, что его нужно срочно бросать. Но как это бросить кого-то только из-за секса? Это глупо. Тем более так, мы хорошо общаемся, он меня понимает, поддерживает. Мы думаем о свадьбе, в конце концов. Это мужчины женщин бросают если что-то не так в постели.

А мне нормально, вроде бы. С остатками возбуждения обычно справляюсь сама в ванной. Представляя какого-то симпатичного актера. Даже за это ощущаю вину, ведь это вроде как, ментальная измена. Но успокаиваю себя тем, что актер из очередной драмы или турецкого сериала меня точно не знает. Так что реальная измена невозможна.

Ну и окончательно я себя успокоила на тему ментальной измены после того, как Леша предложил секс втроем в качестве подарка ему на день рождения. Я прикинула, что он и со мной-то не справляется и собирается разочаровать еще какую-то девушку. И нам придется с ней видимо друг другом и утешаться, под его довольное сопение. Вслух я мягко отказалась, а он же подумал, что я стесняюсь темы и стал включать ролики по тегу «секс втроем».

Только он тогда не сообразил, что это ролики и с двумя парнями и одной девушкой. Так я увидела картину, мгновенно меня возбудившую. Двое мужчин и девушка. Два крепких, красивых тела и девица между ними, что задыхается от восторга.

Меня это так завело, что я сама испугалась своей реакции. Но потом, в ванной мне нужно было лишь представить сразу двоих, чтобы тело благодарно подарило мне сладкую разрядку. Наверное, это клево. Четыре руки, две пары губ, два члена и все это принадлежит только тебе. И все это только для того, чтобы тебе было хорошо.

Но предложить такое Леше я не смела, а то назовет парой нелицеприятных слов и свадьбу точно не будет. Но на случай, если захочу с ним расстаться и не выглядеть тварью, что послала хорошего мальчика с собственной квартирой – оставила себе этот путь отхода. Должен сработать безотказно.

Ну, или он согласится, и я впервые кончу от мужчины, а не душа и пальцев.

Так и так выиграю.

– Ладно, слушай, – я приподнимаюсь на кровати и смотрю на Лешу. – Что, если он, этот Юрий поссорился с сыновьями, и сделал это завещание на нервах? Они его замочили и не знали о нем. И теперь, выманивают меня срочно, чтобы убить, пока не стукнуло полгода после его смерти? А? Логично?

– Логичнее было бы тебя тут зашибить, под грабеж все подстроив. Типа наркошик решил ограбить студентку на айфон и, не рассчитав, сильно стукнул по голове. Это бы не вызвало никаких подозрений, ты бы, и сама о наследстве никогда не узнала.

– Ну да, – киваю я. В чём-чём, а в логике Леша был хорош. Правда тренировал её в компьютерных играх все время. – А если типа, им деньги, а мне долги? Такое возможно?

– Нет, насколько я знаю. При наследстве ты наследуешь и долги, и имущество. Ну, или ни того ни другого.

– Леш, поехали со мной? – вдруг говорю я то, о чем думаю все время.

– Зачем? – удивляется он.

– Ну мне страшно. Это какой-то стрем. Что-то непонятное, и я не понимаю что. Ты заметишь, защитишь меня. Тем более, эти мои «братики» будут явно недовольны тем, что я забираю у них половину их состояния, если это правда, а не развод какой-то. Два мужика против меня одной. Мне нужна защита.

– Зай, ну у меня работа. Как я отпуск возьму? Я маме отпуск обещал. У нее дача ж в Гурзуфе, надо там помочь. Ты тоже приглашена, кстати.

– Будешь тренироваться копать, полезно, когда будешь раскапывать мой труп в ближайшей лесополосе, – рычу я.

– Зай, ну что ты придумываешь? – начинает он.

Я только злая собираюсь, и по приложению заказываю такси сразу до аэропорта. К матери ехать не хочу, Машка далеко. Так что ночь посижу в зале в ожидания, чтоб не тратить денег лишний раз.

– Крис, времени еще много же. Куда собираешься? Может повеселимся еще на дорожку?

Молчу, чтобы не послать. А хочется послать нахуй. А я девочка вежливая. Приходится молчать.

Быстро прощаюсь и натягиваю улыбку на лицо, все-таки нельзя расставаться в ссоре.

Остаток ночи сижу в железном неудобном кресле зала ожидания Домодедово и рассматриваю улетающие самолеты в теплом свете фонарей.

Можно было поехать «Сапсаном», но нотариус сам мне предложил оплатить перелет. И я воспользовалась, потому что, никогда не летала и интересно испытать этот опыт. Мало ли, когда еще в жизни такое подвернется.

Все впечатления смываются тем, что я засыпаю во время взлета и просыпаюсь при посадке с гудящей головой. В аэро-

порту Питера меня уже встречает нотариус Владимир Жданов. Он галантно забирает у меня мой маленький чемодан и ведет на выход.

Владимир открывает дверь на заднее сиденье машины, я юркаю туда в прохладу кондиционера, и мы едем через весь город. Молча.

Честно говоря, мне бы хотелось с ним поговорить, но он отмалчивается и это меня тоже напрягает. Пару раз только сказал, что все будет понятно на месте, что я должна поговорить с Максимум и Виктором.

Думаю о том, что они еще с детства были не разлей вода. Макс мне казался в детстве слишком скучным, суровым. Он был похож на Знайку из сказки Носова. Весь такой правильный, умный, понимающий.

Сейчас понимаю, что это просто, как говорят, подарочный ребёнок. Спокойный тихий. Не приносящий никаких проблем. Виктору судьба решила раздать хулиганство за двоих. Правда однажды, когда мне было одиннадцать и я была малышкой, а они уже подростки – Вите четырнадцать и шестнадцать Макс, я подслушала их и поняла. Что Макс-то хитрый и чуть ли не более коварный чем Витя.

Сейчас, вспоминая их поведение и обрывки подслушанных разговоров я понимаю, что Макс отвечает за ум, вежливость, спокойствие. А Виктор за грубую силу и хитрость. Он никогда не любил, когда его называли «Витя». Только Виктор – только Победитель.

Мелькает мысль, что, если они меня убьют Макс решил, как это скрыть, а Витя сделает всю грязную работу.

Ладно, стоп. Меня не убьют. Меня позвали дать денег и...

Вдруг, приходит в голову идея, как можно сделать так, чтобы волки, к которым я еду были сыты, а я, овечка – цела. Идеально. Поговорю с ними, когда Владимир уйдет.

Мы подъезжаем к трехэтажному особняку, закрытому железными воротами. Да, здесь я и жила в детстве. Да я много, где жила, но именно тут было самое спокойное время. Возможно даже, то, что можно назвать счастливым детством.

Владимир, слегка стучит и включает аварийку привлекая внимание к нам. Ворота открываются, и мы въезжаем на территорию.

– Правило, что только машины Малышевых могут подъезжать напрямую к дому, поэтому я вас высажу и припаркуюсь, а вы идите по тропинке к дому.

Я послушно выхожу и иду по каменной тонкой дорожке среди ухоженного леса. Подхожу к особняку, где на пороге меня встречает полная женщина и низенький, лысый мужчина. Последний хватает у меня чемодан и вносит в дом.

Женщина же спускается ко мне и громким голосом объявляет:

– Я Оксана, я ваша горничная.

– Да мне не нужна горничная, – пожимаю я плечами.

– Виктор Юрьевич приказал чтоб была, чтоб все было в лучшем виде, вы не беспокойтесь. В чемодане есть вещи в

стирку?

Какая глупость класть в чемодан грязные вещи. Я качаю головой.

– Понятно, ну, если что, не стесняйтесь мы выделили вам шикарную комнату на втором этаже.

– Ага, спасибо, – криво улыбаюсь я. Она что-то лепечет и провожает меня внутрь. После прихожей я попадаю в большой зал теплых оттенков, с большим длинным камином под стеклом, черными кожаными диванами, расставленными в круг перед низким журнальным столиком.

– Уютно, – говорю я. Помню я внутреннее убранство дома иначе. Ну, логично, за такое количество лет уже и ремонт можно было сделать по последней моде.

Осторожно сажусь на диван и замечаю впереди себя картину. Огромный рисунок обнаженной смуглой женщины. Она высоко поднимает изящные руки и не стесняясь показывает обнаженную грудь и легкий черный пушок внизу живота.

Отличает её от обычной женщины только одно. Мелочь одна. Голова у нее худой коровы. С рогами, шерстью. А посреди рогов будто корона с огромным зеленым диском по центру.

– Это что? – шепчу я.

– Это богиня Хатхор, – кивает Оксана. – У нас много картин с ней. У нее разные облики, но она всегда прекрасна, сексуальна. Иногда с человеческой головой, иногда с голо-

вой коровы.

Да, это я и забыла. По дому было всегда полно какой-то египетской атрибутики. Помню даже, как однажды всех нас троих детьми собрал Юрий и стал рассказывать египетские мифы как сказки.

– Хатхор это дочка бога Ра, да? – спрашиваю я, не зная, зачем. Просто почему-то привлекает эта картина и я смотрю на неё заворуженно. Кажется, будто художник внес в неё не только образ и внешнюю красоту но и что-то еще. Будто энергетику особую, или что-то такое. Не знаю.

Следующим чувством, я вдруг четко ощущаю стрем. Не страх, не ужас, а именно такое достающее, как зуд, ощущение недоверия, непонимания, неуверенности.

– Ага. Это богиня любви, красоты, плодородия. Афродита и другие уже после неё появились, она была первой из таких богинь.

– Понятно, – бурчу я.

Дверь открывается и с летней жарой в дом входят двое. Я их видела на фотографиях, с непослушными светлыми волосами крупный парень и утонченный второй. Оба смотрят на меня оценивающе несколько секунд, и я замечаю, как взгляд Виктора будто физически ползет по моим ногам, отчего, с одной стороны, хочется одернуть юбку как хорошей девочке.

Но что-то внутри пакостно подсказывает, что можно сесть иначе, и юбка задерется чуть выше.

– Наша сестричка оказалась красавицей, – говорит Вик-

тор, отчего я непроизвольно краснею.

– Рад встрече, – бурчит Максим.

Нихера не рад. Видно, по мрачному лицу и колкому взгляду, который будто пытается вскрыть меня и вынуть душу. Хороши оппоненты.

Один будто готов трахнуть прямо сейчас, второй вырвать сердце.

– Привет, давно не виделись, – говорю я откровенную глупость.

– Лет так десять, или чуть больше, – замечает Виктор.

– Меньше, девять с небольшим, – поправляет Макс. –
Вспомни, её мать была до Жанны.

– А, точно, – кивает Виктор.

– У него было много жен? – спрашиваю я.

– Много-много, – кивает Виктор и садится на диван рядом со мной. Я даже ощущаю запах его тяжелого древесного парфюма. – Но последней официальной была твоя.

Он кладет руку на изголовье дивана, и я понимаю, что это неприлично близкое расстояние, но отодвигаться как-то нелепо. Он снова проходится взглядом по моему телу и мне становится неловко и очень жарко.

– Поэтому?... – шепчу я и вопрос висит в воздухе.

– Нет, – отвечает Макс резко и качает головой. Он стоит на месте и взгляд становится чуть мягче. – Мы не знаем, почему ты здесь. Но вряд ли из-за того, что твоя мать была официально за ним замужем. До неё тоже были официаль-

ные жены и с детьми.

Когда входит Владимир я успокаиваюсь и тут же сердце падает в пятки от одной фразы Виктора, которую он говорит, глядя на меня, но явно обращаясь не ко мне.

– Можете быть свободны, вы нам не нужны.

– Но я должен... – лепечет Владимир. – Виктор резко к нему оборачивается и встает. Мне становится легче дышать, но сердце отстукивает чечетку неровным ритмом. Понимаю, что-либо я сейчас срочно спрячусь, уеду куда-нибудь на границу с Канадой или... или останусь в компании этих двух и очень подозрительных парней.

– Вы же понимаете, что это не дело одного дня?

– Но...

– Вон. Встретимся в назначенный моим отцом срок.

– Я надеюсь, вы сможете, – говорит Владимир после паузы. Пробегает по мне странным взглядом, и я не понимаю его эмоций. Осознаю только, что мне безумно страшно.

Он уходит, Оксана тоже нас покидает, и мы остаемся втроем. Макс садится напротив меня, Виктор рядом. Молчим и я решаю начать разговор.

– Так, ну, я не дура и понимаю, что происходящее какая-то полная нелепица, и ваш отец, наверное, сделал это не в очень адекватном состоянии. Я думаю, я должна написать отказ от наследства и всё. Буду рада, небольшой финансовой помощи как покрытие финансовых расходов, там морального ущерба. Небольшой, – произношу я. Или не торговаться?

Я почему-то точно уверена, что они могут убить меня к черту за это наследство и всё. Может не надо торговаться, лишь бы уехать живой?

– Ты не откажешься от наследства, – вдруг говорит Макс и у меня начинают дрожать губы от нервов.

– Это как? Я думаю, что...

– Последняя воля нашего отца была таковой, значит ты получишь столько, сколько он сказал.

– Ну... я ничего не понимаю. Владимир говорил про какое-то другое завещание.

– Вот debil, а? – рычит Виктор.

– Успокойся, так даже лучше. Покажи ей, – кивает Макс.

Виктор встает, заходит куда-то за камин, и я понимаю, что там длинный ящик, в котором лежат документы. Он приносит мне нечто. Иначе и не скажешь: лист очень плотной и очень желтой бумаги.

– Что это?

– Читай, там по-русски.

Беру лист в руки. Написан текст красными чернилами и разобрать его очень трудно.

– Это не завещание, это договор, – тихо говорю я.

– Именно, читай.

Пробегаюсь по тексту. Там сказано, что Юрий клянется передать свое наследство и права по договору трем наследникам – Максиму, Виктору и мне. Я обязана пройти обучение и вступить в наследство через полгода после смерти

Юрия. В случае, если этого не произойдет все договоренности и имущественные и неимущественные права всех наследников аннулируются.

– Стоп, что? – я поднимаю глаза от бумаги и смотрю на братьев.

– Ты прочитала, – мрачно улыбается Виктор.

– Если я не вступлю в наследство и не обучусь им управлять, вы его потеряете?

– Если вкратце, то да, – кивает Макс.

– А если не вкратце?

– Права и договоренности, девочка, которые здесь указаны это не вот это всё. Это лишь следствие, – взмахивает Виктор руками показывая на дом. – Если мы не исполним договор... мы погибнем, в прямом смысле этого слова.

– Что? – шепчу я. Мозг окончательно меня покидает и я просто не понимаю ничерта.

Но Виктор будто не понимает этого и продолжает:

– Поэтому, как бы ты ни хотела, милая, тебе придется остаться здесь, с нами. Понимаю, ты, наверное, думала, что мы хотим убить тебя как лишнего наследника или что-то такое. Сидела тут такая смешная: «Я откажусь от всех денег, не обижайте меня, можете дать копейку на дорогу», – передрознивает он меня. -, Но проблема в том, что это мы из-за тебя можем умереть. Спасибо нашему папочке за такой интересный квест.

– Я не понимаю, – отчаянно произношу я.

– Поймешь, не переживай. Все будет нормально, – произносит Макс и неожиданно берет меня за руку. Я удивляюсь этой внезапной нежности и вдруг, вижу в его глазах тепло и спокойствие. – Главное, не бери в голову, не сходи с ума. Все будет хорошо, ты вне опасности.

– О чем мы говорим, о каком именно наследстве, чему я должна научиться?

– Всему своё время. Если тебе сказать все сразу, ты можешь сойти с ума. И тогда мы все трупы, кроме тебя, – говорит Виктор и обескураживает своей прямоотой.

– Ей и так надо многое переварить, не дави на неё, – говорит Макс и обращается ко мне: – Иди к себе, милая, ты можешь поспать, разобрать вещи. Все будет хорошо.

Но мне что-то, так не кажется.

3

Но мне что-то, так не кажется.

– Я все равно ничего не понимаю, – отчаянно шепчу я. – Какое наследство? О чем вообще идет речь? Чему я должна научиться? Это какой-то бизнес или что? Вы можете примерно объяснить?

– Нет, увы. Тебе придется все постигать медленно, милая, – меня смущает нежность Макса, и я оглядываюсь на Виктора.

– У нас есть полгода, ну немного меньше, где-то 5 месяцев, – бурчит он.

– Да, отец умер примерно месяц назад, – кивает Макс. – Пока тебя искали, все такое. Прошло время, так что у нас сто пятьдесят дней, чтобы сделать тебя своей.

«Сделать тебя своей» – странно прозвучало, но меня больше беспокоит другое:

– Вы хотите, чтобы я здесь жила 150 дней?

– Это не то, что мы хотим это то, что будет, – говорит Макс. – Ты проживешь с нами здесь, все это время. И будешь постепенно постигать своё наследство.

– Нет! – я резко встаю. – Я студентка, я учусь, у меня курсовая. У меня жених, в конце концов!

Поражаюсь тому, что сама называю Лешу женихом. Ну ладно, не надо посвящать их в подробности нашей личной

жизни.

– Ну ты можешь взять академический отпуск или как называется? – лениво отзывается Виктор, и я понимаю, что они и думать не желают о моем сопротивлении. Они уже всё решили за меня.

Приходит в голову мысль: «Я могу сбежать?»

– Да я могу взять академический отпуск, – послушно киваю я, надеясь, что моя ложь не сильно заметна. – Но это мне нужно делать там, в Москве.

Я не знаю, насколько это палевно, но Виктор сразу же качает головой.

– Сделаешь это удаленно. Ты не будешь отсюда уезжать.

– Это нельзя сделать удаленно. А вы не можете держать меня в плену...

– Можем. – Перебивает Макс. – Именно это мы и делаем. И ты влияешь только на то, насколько тебе в нем будет комфортно. Пока ты делаешь всё, чтобы оказаться в цепях как дикая непослушная собака. А ведь мы хотим, чтобы ты была нам как сестра.

Я вдруг понимаю, что их игра в хорошего и злого полицейского абсолютно напускная. Они оба дикие звери, просто одному нравится быть в роли интеллигента, а второму нравится быть хулиганом.

– А я хочу, чтоб ты сопротивлялась, – слышу хрипотцу в голосе Виктора. Я снова ловлю себя на мысли, что это звучит двусмысленно. Точнее, звучит-то нормально, но вот в

его взгляде есть что-то, что точно выдает двусмысленность. Становится неловко. – Тогда мы тебя просто спрячем, тебя отчислят, а мы инсценируем твою смерть. И никаких проблем, женихов. Ты будешь официально мертва. И с тебя не попросят никакой курсовой. Отлично придумал?

– Я возьму академ, – слышу я свой тихий голос, теперь действительно послушный.

– Малышка, ты просто пойми. Ты здесь не гостья, тем более не та, кто может назначать правила. Ты наша пленница, наша ученица, наша *сестра*, – выделяет последнее слово Макс. – Наша жизнь зависит от тебя. И поэтому, мы не будем считаться с чем-то или кем-то, что является важным для тебя. Это твои проблемы, и ты их должна решить. Как? Нам все равно. Если не захочешь решать, решим мы, но тебе это не понравится.

– Так брат остынь, – теперь уже Виктор включает «доброе полицейского». – Всё нормально. Девочка просто еще не привыкла к ситуации, но все будет хорошо.

– Хорошо, ты прав, – вежливо кивает ему брат. – Прошу прощения за грубость, Кристина. Просто пойми ситуацию. Твои слова меня немного. Взбудоражили. Мы найдем как разобраться с твоими проблемами, и, скорее всего, по звонку мы действительно организуем тебе академический отпуск. Хотя, честно говоря, я не думаю, что спустя полгода ты захочешь возвращаться в свой задрипанной вуз, где-то на краю города. Обладая всеми богатствами и знаниями, которые те-

бе перепадут в ближайшее время.

– Это моя жизнь, я сама разберусь.

– Ага. Как знаешь. Итак, чтобы ты постигала азы жизни нашего семейства, и того, что пропустила за последние лет пятнадцать я придумал игру.

– Вся внимание, – бурчу я, снова усаживаясь на диван. Виктор щелкает пальцами, подзывая симпатичную, стройную горничную. Что-то шепчет ей, и она, кивнув, уходит.

– Правила просты: каждый день ты по мотивам событий, которые с тобой произошли, сможешь задать нам с братом один вопрос за вечерним ужином, на который мы оба сможем ответить.

Виктор продолжает:

– Игра, в которой невозможно проиграть, потому что, если ты задашь вопрос, на который мы не можем пока ответить, мы на него не ответим. Вопрос останется за тобой. Если ты сегодня вопрос не задала вопрос переносится на следующий день, так что можешь скопить и вечером задать сразу пяток вопросов, к примеру. Если вопрос слишком тупой, я могу тебя даже попросить переформулировать его.

Девушка возвращается с подносом, на котором стоят маленький чайник и несколько белых чашечек.

– И как они будут у меня появляться именно те самые, нужные вопросы? – говорю я в пустоту, наблюдая за тем, Виктор берет поднос у девушки и наливает чай в чашечку.

– Поверь, будут. Ты не запутаешься, – отвечает Макс. –

Если что, мы поможем. По крайней мере, первое время точно можно будет так. По крайней мере до тех пор пока ты не... – задумывается и замолкает на полуслове.

– «Не» что? – подгоняю я.

– Не знаю. Пока не дойдешь до уровня тех знаний и того понимания, что есть у нас. Но нас готовили к этому с 10 лет, малышка. А ты уже взрослая личность, которая делает вид, что что-то понимает. Что у тебя устоявшееся мнение. Поэтому это будет сложно. Опять же – спасибо отцу за этот квест.

– Вы можете просто мне всё рассказать, а не устраивать какой-то деревенский «Форт Баярд», – хмыкаю я, уже достаточно осмелев и глотнув горячего напитка.

– Когда ты узнаешь всё, ты поймешь, почему сейчас неправа, – тихо говорит Виктор.

Тем днем я просто гуляю по территории вокруг дома. Созваниваюсь с Машей, нехотя, созваниваясь с мамой с Лешей, говорю им о том, что я здесь немного задержусь. На всё вопросы отвечаю скомкано и говорю, что потом все расскажу подробно.

Хочется просить помощи, звонить 911, в полицию, пожарным и кому угодно. Но с другой стороны, я понимаю, что если кто-нибудь попробует попытаться меня спасти, то явно только сам навлечёт на себя беду.

Да и, честно говоря, захочет это сделать только Маша. Мать забухает по дороге, а Леша поедет к своей маме в Гур-

зуп на дачу. Плохо за свою жизнь не иметь толком друзей, а друзья – это лучшая ценность. Кажется, я поняла это только сейчас.

Возвращаюсь в свой новый дом, когда уже наступили сумерки. Сбрасываю обувь и нахожу взглядом ту самую горничную, что несла мне чай. По ней видно, что ей не хватает немного ухода за собой и она была бы настоящей красавицей как Меган Фокс.

– Добрый день. Я Карина, – говорит она мягким голосом. – Я здесь работаю. – улыбается.

Я вежливо киваю в ответ.

– А вы давно здесь работаете? – спрашиваю я, чтоб хоть как-то вести беседу.

– Ой, еще с пятнадцати или шестнадцати лет. Я росла на глазах у наших мужчин, – лепечет она, и мне кажется, что чуть краснеет, когда говорит «наших мужчин».

– Понятно.

– Принести что-нибудь вам на ужин? Братья сказали, что первый ужин вы проведете у себя в комнате, если не пожелаете сами спуститься. А в дальнейшем, вы должны будете каждый вечер ужинать с ними.

Грубо говоря, не сказали, что сегодня могло обойтись без вопроса, а дальше каждый день по вопросу. По правилам нашей идиотской, странной игры, которую они затеяли. Понятно.

– Я поем у себя, – киваю я.

Мы обмениваемся с ней ещё несколькими подобными вежливыми фразами. И я ухожу в свою комнату. Впервые разбираю чемодан, даже достаю маленький местный сувенир, который я намеревалась подарить своим «родственникам».

Щас! Обойдутся.

Чуть позже Карина приносит мне еду. Ужином оказывается салат из огурцов и помидоров, а также мелко нарезанный кролик в сметанном соусе вместе с картофельным пюре.

Выглядит все не слишком элитарно, хотя, когда я пробую даже обыкновенный салат, я ощущаю столько ноток вкуса того самого огурца и понимаю, что это настоящий фермерские, свежайшие огурцы.

То же волшебное чувство, я испытываю, откусив сочную помидорку, прохладный сок которой, чуть проливается мне на подбородок. А кролик оказывается слишком мягким, будто бы тает у меня на языке.

Заканчивается ужин травяным чаем. Братья заботятся о том, чтобы мой сон был здоровым. Я бездумно листаю социальные сети и не собираюсь выходить вниз. Смотрю ролики с пошлыми шутками и котятами смешно куда-то прыгающими, пока телефон не разогревается в моих руках.

В девять часов решаю лечь спать. Принимаю душ и надеваю свою самую нарядную сорочку, которую специально берегла дома, и не надевала, кроме как на «ночевки». Белую, струящуюся, мягкую. Подарок Маши.

Надеюсь, что, учитывая все стрессы этого дня, мне ничего не приснится.

Как же я ошибаюсь.

Проснутся в пещере это странно. Еще страннее, сразу же сообразить, что ты не проснулась, а спишь. Такое спокойное понимание, как то, где встает солнце по утрам и что полночь это двенадцать часов ночи.

Я сплю, точнее я проснулась, но не в реальность, а в сон. Максимально осознанный, насколько это можно представить. Опускаю глаза на своё тело – я в той же одежде, в которой пришла сегодня к братьям. Деловая блузка, юбка-карандаш и колготки.

Оглядываюсь – весь свет мне дают только факелы на стенах. Хочу взять один из них и попробовать начать искать выход. Но не тут-то было.

По звуку понимаю, что здесь кто то есть. Пытаюсь приглядеться, вижу только тени. И далеко не сразу понимаю, что Тень не находится на стене. Она стоит передо мной. Просто тень без человека.

Тень стоит и смотрит, пока я смотрю на нее.

Знакомимся, видимо. Или она ждет пока я заорю?

Снова вспоминаю, что это всего лишь сон, и думаю, что это такой странный вид кошмара. Успокаиваю себя этим и подхожу к Тени на два шага, чтобы попробовать прикоснуться к ней, понять, какая она или оно будет на ощупь.

Пытаюсь коснуться щеки безликого существа, когда оно хватается меня за запястье и я понимаю, что чувствуется оно вполне теплым человеческим. Я почти что ощущаю кожу, правда очень грубую.

Насколько это может быть человеческим существом? Не знаю. Но знаю, что это мужчина, уж точно. Не отпускает мою руку и ведет к лежбищу обратно. Я послушно ложусь, по-прежнему держа в голове, что это сон. Существо не может мне навредить. Ведь так?

– Что тебе надо? – спрашиваю я тихо.

Тень нависает надо мной сверху.

– Как ты хочешь, чтобы я выглядел? – вдруг спрашивает он. У него будто нет одного голоса, он звучит сразу сотней разных мужских голосов.

– Я... что ты такое? – качаю я удивленно головой.

Тень не отвечает, и я вижу на его лице будто бы помехами появляется лицо Леша. Но быстро сменяется лицом Виктора. Примерив на себя его лицо, Тень ухмыляется его улыбкой и не сводя с меня взгляда наглых глаз опускает голову.

Руки Тени уже оказываются на моих бедрах и разводят ноги как-то, нагло и совсем уж бесцеремонно.

«Ладно, это всего лишь сон», – думаю я. И, если сон хочет быть реалистичным и эротичным, почему нет? Закрываю глаза и позволяю существу ласкать моё тело.

Его руки оказываются горячими, сильными, но одновременно умелыми. Они сжимают мне внутреннюю сторону

бедра, и я ощущаю мягкость его касания, даже через шелк. Его ладони без спроса, медленно двигаются к моему белью.

– Что скажешь? – спрашивает существо и снова приподнимается надо мной. Вижу лицо Виктора и оцениваю его без всякого контекста. Да, он сексуален. Эта легкая щетина, наглость веселых глаз, губы, которые кажутся такими мягкими. Высокий рост, огромные руки.

– Не отвлекайся, – бурчу я и прижимаю его к своему лицу. Он улыбается, будто своей победе, мы целуемся жадно, существо раскрывает мне рот и вторгается в него языком.

Чувствую спиной холод камня и думаю, о том, какая же дурацкая у нас локация. Неужто мой мозг решил, что Виктор – это главный предмет моих эротических фантазий? Во-первых, у него есть брат. Весьма симпатичный, во-вторых, я никогда не мечтала быть трахнутой в месте, похожем на склеп.

В этот же момент понимаю, что стало очень мягко сзади. Оглядываюсь, отрываясь от поцелуя Тени и под его взглядом оцениваю внезапную шикарную комнату. Мы теперь на кровати, а сверху висит балдахин.

– Это что? Чья комната? – спрашиваю я.

– На эту ночь наша. – отвечает существо.

Оно смотрит мне в глаза, и я ощущаю его пальцы на самом интимном месте. Чувствую, как оно раскрывает мои складки, как изучает моё тело и мои реакции на его ласки.

– Ты ведь моё подсознание,? – спрашиваю.

– Можешь называть меня как хочешь.

– Ты же знаешь, чего я хочу.

– Скажи это.

– Я хочу грубее, – шепчу я.

Ментальный любовник понимает меня, услужливо кивает и переворачивает на живот одним резким движением. Садится мне на ноги и одной рукой быстро хватает оба запястья и прижимает к кровати.

Я в нетерпении двигаю задницей и чувствую, как существо её сжимает. Чуть шлепает и меня пронзает легкая боль с нарастающим возбуждением. Самый реалистичный сон, который я испытывала. Юбка, разрывается с громким звуком. Колготки тоже рвутся, а трусики сдвигаются в сторону.

Ну? – спрашиваю я, когда он вдруг замирает. Ощущаю как горячий орган касается моих губок, медленно двигается по ним, дразня меня.

– Ну? – спрашиваю я снова.

– Ты должна быть послушной девочкой, чтобы заслужить это. Попроси.

– Нахал, – пыхчу я.

– Попроси меня, – сжимает мне волосы и чуть задирает мне голову.

Меня сейчас трахнут. Причем наверняка охуенно. То, что нужно.

Резкий звук чего-то разбитого меня будит. Просыпаюсь и резко сажусь на кровати.

– Блять, – рычу я, поняв, что сон закончился, а Тени нет. Тело готовое и жаждущее, но мастурбировать здесь я боюсь. Вдруг, камеры стоят какие-то. Да и вообще, что-то неловко в чужом доме.

Фантазии фантазиями, а эротические сны мне еще не снились. Может и снились, конечно, но не такие яркие и... шикарные.

Качаю головой будто пытаюсь вытряхнуть возбуждение. Не помогает, я решаю накинуть халат и пойти на кухню, выпить воды. Она, надеюсь, остудит мой пыл.

Выхожу из спальни, спускаюсь на первый этаж и нахожу Виктора в зале, сидит с горой каких-то бумаг и выглядит уставшим. Становится даже неловко оттого, что его образ только что собирался меня знатно отыметь. Наверное, если бы это произошло, мне было бы еще более странно, сейчас смотреть на его сонную физиономию. Так он выглядит даже милым.

– Как спалось? – спрашивает он.

– Нормально, – вру я. Ощущение такое будто не спала вообще. – Сколько сейчас времени?

– Часа два ночи, можешь спать дальше.

– А ты не спал?

– Нет, как видишь, я занят, – кивает он на грудку бумаг на столе. – Текущих вопросов никто не отменял, даже пока наследство толком не поделено.

– Я могу помочь?

– Пока нет, милая, но спасибо, – улыбается он мне.

– Да иди ты спать. Ну что ночью сидеть тут? – пожимаю я плечами.

– Не знаю, может ты и права? – тихо говорит он. Встает и вдруг замирает, будто впервые меня увидел. Я лихорадочно вспоминаю насколько непрозрачный мой халат. Сорочка-то точно полупрозрачная, шелковая, и я без лифчика. А соски точно стоят, особенно после такого сна.

– Можно задам неприличный вопрос? – вдруг говорит он.

– Ну, задать-то можешь, но это не значит, что я отвечу.

– Ну я попробую: ты девственница?

Эм. Интересно, с чего он взял? Ну наверное, это здорово, что я выгляжу настолько невинно, что он думает, что, несмотря на мои двадцать один с хвостиком, я еще девственница.

– Эммм, – не знаю, даже что и сказать, но он вдруг улыбается как-то странно.

– Это хорошо, что нет.

Сейчас он мне точно напоминает своего двойника из моего сна и мне становится не по себе.

Он же не может залезть мне в сон? Такое вообще возможно?

– В смысле? – не понимаю я.

– Ну, я люблю, когда девушка знает, чего она хочет и кого она хочет, – говорит он, сделав пару шагов ко мне. Чувствую его запах, почему-то он кажется мне похожим на шо-

колад. Что-то сладкое и горькое одновременно. – Потому что я знаю, чего я хочу. И кого я хочу.

Ладно, это звучит не двусмысленно, а вполне определенно. Во сне он может и хорош, но только во сне, а мне не нужны неприятности, связанные с плохими парнями.

– У меня есть парень, жених, – говорю я, будто бы пытаюсь напомнить ему, да и себе, что у меня есть обязательства.

– Вот мне интересно, ты вообще соображаешь, что через несколько месяцев станешь одной из богатейших женщин этой страны? Расскажи мне, неужели, находясь уже на таком уровне, ты действительно будешь держаться за этого парня?

– Я сама разберусь, – говорю я.

– Хорошо.

Он кивает и уходит не прощаясь, а я остаюсь со своими мыслями наедине.

– Дурдом, – шепчу я свой вывод.

За завтраком я и братья собираемся молча. Тихо едим и это выглядит даже слегка жутковато. Только звон посуды и звуки пережевывания еды. Вот салат плюхается в тарелку, вот нож разрезая мясо с противным скрежетом попадает по фарфору.

Я первая не выдерживаю.

– Ну и что я должна делать? Как я должна обучаться, чему-то?

– У тебя появился вопрос? – спрашивает Виктор.

– Да нет, – пожимаю я плечами.

– Начнем с того, что тебе нужно нормально выглядеть, – говорит Макс. – Подчеркивать свою красоту, а не прятать. Поэтому сегодня ты в сопровождении нашей горничной отправишься в магазин. Тебе поможет Карина.

– У меня нет денег на шоппинг. И я нормально выгляжу, – рычу я.

– Нормально для своего уровня, сейчас твой уровень и статус изменился. Ты должна быть другой.

– Блин, я вам не кукла, – бросаю вилку и вскакиваю. – Я вам не кукла и не ваша любовница, чтобы вы решали, что мне носить!

– Ты не наша любовница, – соглашается Виктор. – Ты наша сестра, а это значит, ты будешь делать то, что мы скажем. Да и не мы будем тебя одевать, ты сама решишь.

– И что дальше? – всплескиваю я руками.

– Правила ты помнишь? В твоей жизни будет достаточно событий, которые будут наводить тебя на всякие умные вопросы. Просто правильно их формулируй.

– Вы два психа, – говорю я.

– Ты поймешь нас, поверь мне, – говорит Макс. И кажется, верит в то, что говорит.

Дальше день проходит удивительно прекрасно. Мне выдали золотую кредитную карточку, и я даже не знаю, сколько там денег. Понимание, что я могу купить всё, что есть в магазине чуть срывает мне крышу и я начинаю набирать вещей

столько, сколько физически сложно унести.

Но все это чудесное, праздничное настроение сменяется после того, как мне уже после обеда по видеосвязи звонит Леша.

– Аллэ?– спрашиваю я в экран смартфона, улыбаясь.

Вижу взволнованное лицо, что смотрит куда-то вверх камеры.

– Привет, Крис. Мы должны расстаться, – говорит он очень быстро и скомкано.

– Не поняла, – застываю я.

– Кристина, мы не подходим друг другу, мы должны расстаться. Ты должна быть счастлива.

Серьезно?!

– Лёша, тебе кто-то угрожает? – я даже не спрашиваю, и так понятно. Но он отмахивается.

– Нет, нет, всё хорошо, Кристина. Ты в общем, меня поняла, не пиши мне не звони мне больше никогда. Всё, до свидания!

Резкий сброс. Я встаю с телефоном в руке и просто глупо хлопаю глазами.

Обалдеть.

Они повлияли на моего Лёшу. Заставили его меня бросить?

Домой я еду молча, Карина пытается что-то мне сказать, как-то меня развеселить, но я лишь отмахивалась. Понимаю, что сейчас будет.

Захожу домой, прохожу мимо зала иду до столовой с большим длинным столом, за который меня приглашают, за которым я должна есть каждый вечер.

Для меня стоит кресло во главе стола, но я лишь отодвигая его. Встаю, глядя на братьев сверху вниз.

– Какого черта вы сделали с моим Лёшей? – кричу я.

– Зайка, ну ты помнишь? – очень спокойным тоном, говорит Виктор. – Ты же помнишь, что нужно правильно задавать вопросы? Ну, то есть, мы можем сейчас, конечно, тебе ответить, но по моему ты и так всё поняла. Ты же умная девочка.

Действительно. Я и так все понимаю, я же умная девочка. Ненавидя себя за это, я принимаю правила их дикой игры, переформулирую вопрос.

– Зачем вы сделали это с Лёшей?

Нет, снова неверно, поднимаю руку, чтобы не дать им принять этот вопрос.

– Зачем вы заставили Лёшу меня бросить?

Да, вот теперь звучит более сформулировано.

– Первое, не «вы» а «я». Это моя инициатива, – говорит Виктор поднимая руку. – Во-вторых. Потому что твои мужчины, или женщины – это всё временно, эфемерно, они уходят и приходят. Константа в твоей жизни одна – это я и Макс.

Ну это уже никуда не годится!

– Ты не имеешь права, заставляя меня быть одной! Или что, всех будешь отметать, пока не останешься ты? Ты вооб-

ще в курсе, что ты мой родственник, ты мой брат?

– Ну я тебе напомню, что между нами нет ни капли кровного родства, – улыбается Виктор.

– Знаешь, это не повод тебе тут сосать, – вырывается у меня, прежде чем, я успеваю сообразить, но Виктора это только забавляет.

– Так всё, – Максим поднимает руку, приказывая нам остановиться.

– И это очень грустно, но я бы нашел другой повод, – бросает Виктор и я понимаю, что этот словесный поединок, я точно проиграла.

Красная не только от злости, я сажусь за свой стул. Смотрю на Максима не мигая.

– Виктор все правильно сказал, – говорит тот. – Мы теперь часть твоей жизни. Ты можешь кривить носик сколько угодно. Честно говоря, мы тоже не в восторге, ты знаешь. Но мы зависим от тебя, поэтому мы сделаем всё чтобы ты подчинялась нам. И на тебя не влиял кто-то со стороны. Поэтому, Виктор и предложил разорвать связь с твоим женихом. Как думаешь, как долго он боролся за тебя? Он пытался тебя защитить от нас, даже не понимая, что с тобой, и насколько велика угроза над тобой нависшая?

Он меня вообще не защищал. Я понимаю это, но в слух вру.

– Я не знаю, – качаю я головой.

– Ты понимаешь, – бурчит Виктор. – Просто признай это.

– Кристина, мы в ловушке, в цепях и ты вместе с нами. Нам не нужно, чтобы на тебя влиял хоть кто-то. Тем более что скоро, ты станешь нашим равным партнером. Равным настолько, что твой милый голосок будет значить ровно столько же, сколько я и мой брат вместе взятые. Это слишком ответственно для нас, это слишком важно, чтобы подпускать к тебе кого-то.

– Я не хочу быть одной, – шепчу я.

– Ты не одна, и ты никогда не будешь одной. У тебя есть мы, Кристина. Просто пойми это – говорит Виктор, сейчас более мягко, чем обычно.

Ужинаем мы молча.

4

Иду по коридору в свою спальню, обнаруживаю ещё одну картину Хатхор и останавливаюсь, чтобы её разглядеть.

Здесь у неё уже человеческое лицо и тоже привлекательное тело. Одета она, как ни странно, в очень современное женское бельё. И снова такая же корона на голове. Похоже, Юрий, или дизайнер его дома был слишком большим любителям египетских мифов.

Опустив глаза, я понимаю, что внизу картины сделана выемка. Будто такой небольшой реальный заборчик. И в нем находится бутылки с вином, что меня искренно удивляет. Я беру одну из бутылок, рассматриваю, вижу, что там, где-то наполовину налито вина.

Какой идиот оставляет открытое вино не в холодильнике, а посреди коридора?

Захожу в свою комнату и смотрю на двадцать пакетов переполненных одеждой. Быстро раздеваюсь и укладываюсь в постель. Засыпаю.

Просыпаюсь на шикарном ложе и снова сразу же понимаю, что нахожусь во сне.

Тень подходит ко мне с лицом Виктора.

– Пошел он к черту, я не хочу его.

Застывает.

– Меняй. Ты моё подсознание, ты знаешь, чего я хочу. А на этого мудака я обиделась.

– Я знаю, чего ты хочешь, и поэтому, я не могу убрать это лицо.

Мудила правдолюбивый.

– Я обижена. И вообще, не в настроении, верни меня просто спать, а? – прошу я.

– Я знаю, кто тебе нужен, – Тень улыбается и в улыбке с Виктора превращается в Макса.

Опять в цель.

Он... Красивый, сексуальный, уверенный в себе, сильный. Высокий, мощный, с темными волосами и темным же взглядом, от которого ты мгновенно хочешь сесть и слушаться каждого его слова. Вот кто он.

Оба брата слишком хороши.

– Это как-то похабно, в эту ночь с одним, в другую с другим, – думаю я вслух, пока существо подходит ко мне ближе.

– Здесь не осудят, – говорит он и целует. Как мне и кажется, и это логично, поцелуй Максима оказывается глубоким, не жадным как Виктора, но тоже требовательным. У меня начинает кружиться голова.

Может быть реально, просто поспать?

Существо снимает с себя черную рубашку, и я вижу торс, рельефные кубики на белом теле. Становлюсь на колени и прохожусь по ним дорожкой поцелуев. С Максом хочется быть нежной и в подчинении а с Виктором... хочется чего-то

дикого.

Я решаю, что назову своего партнера ментальный любовник. Наблюдаю за тем, как он глубоко дышит, принимая мои нежные, пока невинные поцелуи и покусывания. Как только я отстраняюсь, он берет меня на руки, кладет на кровать и наваливается сверху.

Целует так упоенно, нежно, долго, что я путаюсь в приятных ощущениях. Кажется, что он любит и будто обожествляет каждый миллиметр моего тела. Будто я королева, ну а он – наверняка король.

Снова ложится на меня всем телом, я ощущаю сладкую тяжесть и жду, пока он войдет в меня.

– Твои фантазии очень обыденны девочка, – шепчет он мне на ухо.

Отлично, меня осуждает собственное подсознание за скудность воображения и сексуального опыта.

Во сне.

Ну окей.

– Придумай что-то жаркое для нас, будь смелее, малышка, – он так приятно говорит «малышка» и зная, как это заводит меня, входит в этот же миг.

Шиплю от наслаждения и чувствую его член, что начинает двигаться размашисто и быстро.

Ладно, может говорить все что угодно, лишь бы уже удовлетворил.

Двигается быстрее, прикусывает шею и проводит по ней

же языком. Массивная рука сжимает мне грудь.

– Блядь, да! Ещё! – произношу я, теряя остатки осознанности.

Подмахиваю его движениям и чувствую, как уже почти-почти падаю в пропасть удовольствия.

Звон разбитого стекла бьет по ушам. Вскакиваю. Резко включаю свет.

Я дома. Опять.

Что это разбивается вторую ночь?

Блин, я снова просыпаюсь и не успеваю дойти до самой точки наслаждения. Чувствую себя, будто бы меня переехал грузовик. Этот сон слишком яркий, как будто я по-прежнему живу там, как будто бы в сутки не заканчиваются.

Надо подышать свежим воздухом.

Заматываюсь в халат и решаю выйти из комнаты. Снова застаю картину с Хатхор и даже хочу шутливо с ней поздороваться.

Мелькает мысль, что может быть, стоит хлопнуть вина, чтобы легче спалось? Становлюсь на колени и снова смотрю на бутылки. Вдруг осознаю, что они пустые.

Все.

Интересно, кто это мог выпить? То есть, кто-то пришел и среди ночь набрал всех бутылок и всё выдул? Это хобби Виктора? Он типа чуток сумасшедший?

Скорее сбрендил я. Кажется, Макс был прав, и его пожелание мне «не сойти с ума» очень актуально.

Беру холодную воду на кухне в графине, наливаю в стакан. Пью и думаю о том, какая странная сейчас у меня жизнь. Возможно, я просто ударилась головой и всё, что тут происходит это уже часть моего воображения.

Оттуда и мои сводные братья, что выросли в охрененных красавцев, оттуда же странные события, яркие сны. Хатхор по всему дому. Только сейчас замечаю, что даже на кухне вижу маленькие статуэтки с узнаваемым образом.

Кто-то помешан.

Так что логично что я сбрендил и это всё – моё странное видение. Я поднимаюсь обратно. В коридоре неожиданно встречаю Карину, которая стоит у той самой картины с Хатхор. Она делает то, что меня шокирует и я жалею, что не хлопнула чего-нибудь покрепче.

Карина меняет пустые бутылки на заполненные. Причем, когда ставит заполненную бутылку с вином, немного приоткрывает их штопором.

– Что это такое? – спрашиваю я и тем самым, случайно её пугаю. Она дергается и чуть не подпрыгивает, глядя на меня.

– А это стилистика такая. Нужно ставить бутылки здесь. Хатхор. Она как бы, любила вино.

– Богиня? – задаю я глупый вопрос.

– Ну да, есть даже такая шутка, что то, что она восхваляла сейчас можно назвать тремя словами «секс, наркотики и рок-н-ролл». Потому что она обожала музыку, вино и любовь.

Карина так лепечет, что я понимаю, что она пытается заговорить мне зубы.

– Ты меняешь пустую бутылку на полную, – напоминаю ей я.

– Ну да, они тот долго стояли. Пустые бутылки. И хозяйева решили, что можно поставить их наполненными. Это нормально, – говорит она, и как-то глупо быстро кивает.

– Они всегда были пустыми? – спрашиваю я её.

Соврет, сучка. Точно соврет.

– Ага, – кивает.

Я схожу с ума. Или они все тут ёбнулись. Не знаю, что хуже.

– Ясно, – только и могу сказать я.

Захожу в свою комнату и закрываюсь изнутри. Сумасшедший дом.

Всю ночь снова не сплю. Наутро адски болит голова и тошнит. Есть не хочу, понимаю, что желудок выдаст все содержимое сразу же обратно. Но выйти нужно. Мне очень надо поговорить с братьями.

На утреннем завтраке, взгромоздившись на стул я начинаю говорить, не дождавшись пока мои братья со мной поздороваются.

– Я прошу дать мне ответ на вопрос, не дожидаясь ужина. Мне нужно знать сейчас, – говорю я.

– Конечно. Если у тебя возник какой-то хороший вопрос, мы ответим, – кивает Макс.

Ладно, разрешение получено. А теперь, надо это сказать. Надо сформулировать. Но страшно. Страшно, что, если я скажу это, я навсегда закрою какую-то дверь и открою другую.

– И? – подгоняет меня Виктор.

– То, что здесь происходит... это? Это паранормальное? Мистическое, да? – спрашиваю я и поднимаю глаза на мужчин.

Все. Дверь приоткрыта, я заглянула в щелочку. Как хочется, чтобы они сейчас посмеялись с моей глупости. Я бы сама похихикала вместе с ними.

Засмейтесь, пожалуйста. Не надо смотреть на меня так серьезно, так проникновенно и так понимающе. Нет!

– Да, Кристина. То, что здесь происходит, происходило многие годы, и будет происходить в дальнейшем – это паранормальное. Наш договор, и вся наша жизнь с братом. Это не является тем, к чему все привыкли. Люди, обычно называют это мистическим, сверхъестественным или как ты говоришь – паранормальным. Я рад, что ты сама задала этот вопрос и что задала его, так быстро. Это хороший знак.

Всё, я вошла внутрь в ту самую страшную дверь. И она закрылась за моей спиной, а позади неё рухнули камни.

– Ты девушка, наблюдательная, умная, открытая, это меня радует... – продолжает Макс.

– Мне надо сесть, – произношу я одними губами.

– Ты уже сидишь, – напоминает Виктор.

– Это хорошо.

Макс продолжает меня хвалить но я его перебиваю:

– Кто несет вино? Что тут происходит? С кем договор?

– Тихо, – прерывает меня Виктор и неожиданно для меня, встает со стула и садится на колени рядом со мной. – Тише.

– Что ты делаешь? – не понимаю я.

– Успокойся, тебе нужно осознать первое, а потом постепенно все остальное, – говорит он. – Если бы мы сразу тебе сказали, что здесь творится что-то мистическое, ты бы на нас просто наорала и назвала бы психами. Тебе нужно это прожить самой и только тогда, ты примешь это.

– Так нельзя...

– Так и нужно, я знаю это. Твоя задача – сохранить рассудок и привыкнуть, осознать и принять происходящее. Это делается постепенно, и только так.

Он хватает меня за руку и этот жест мне кажется очень нежным. Сердце предательски ёкает, и не только оно. Наверное, если бы я чувствовала себя лучше, я бы уже смущалась собственного возбуждения. Но сейчас я могу проникаться к нему симпатией исключительно платонически.

– Мой брат прав, – слышу голос где-то высоко. Оборачиваюсь и вижу, что Макс уже встал рядом со мной с другой стороны. Он кладет руку мне на плечо и мне становится тепло от этого касания. – Тебе нужно понять только одно, Кристина. В этом доме, любое существо или человек – безопасны для тебя. Никто и никогда здесь тебе не навредит. Поэтому

му, ты можешь изучать всё, что здесь есть. Постепенно.

– Это и есть моя учеба?

– Это только первая её часть, – лукаво усмехается Макс.

Мне так тепло и приятно чувствовать касания их обоих! Кажется, будто я реально защищена. Я понимаю, что сейчас нахлынут чувства и, вырвав руки у Виктора и Макса, встаю и ляпнув что голова сильно закружилась, бегу в свою комнату. Закрываюсь, чтобы они не увидели и меня и медленно сползаю по двери на пол.

Я защищена. Всю жизнь я чувствовала себя как загнанный ёжик. Сначала с бабушкой, к которой ходили пьяные соседи. Они пугали меня своим поведением, запахом и убили её, когда она отказалась одолжить в очередной раз двести рублей.

Мне безумно повезло, что за пару дней до этого моя мать увезла меня к своему мужу – Юрию. И там, среди чужих людей и с матерью (которую я называла не иначе как «Тетя Жанна», потому что не могла привыкнуть, что это моя мать), я не чувствовала себя любимой и защищенной в большом и пустом доме. Красивом, дорогом, но очень чужом и холодном для меня.

Потом мама развелась и забрала меня. Она сама не осознавала, как скатывалась из модели и начинающей певицы в обычную алкоголичку, что постоянно рассказывала о своих любовных подвигах и том, как когда-то переспала с известным актером. А я снова видела эти движения, запахи и снова была не защищенной.

Потом вуз, потом Лёша. А теперь... дом, наполненный чем-то страшным. Но эти двое... Они пугали меня всё время, а сейчас проявили заботу. Они защищают мою психику, мою душу, мой разум, и уговаривают меня, что мне здесь ничего не угрожает. Моя мать не защищала меня, когда меня хотел изнасиловать её очередной мужчина. Я просто отбилась и ушла «гулять» на пару дней, а когда вернулась, она сделала вид, что ничего не произошло.

А они, пытаются сделать так, чтобы я не боялась. Да, наверное, они делают это потому, что я нужна им из-за договора. Конечно.

Но в их глазах было столько теплоты, искренности.

Так или иначе, от души или нет, они проявили то, чего я никогда не знала. Заботу и защиту. Это оказалось слишком приятным, слишком теплым чувством.

Дальнейшие несколько дней я помню очень плохо. Когда мне звонят или пишут по телефону, я выдумываю любые отмазки, чтобы сбросить вызов. Ночью снова встречаюсь с Тенью и, честно говоря, это почти не доставляет мне удовольствия. Тень услужлив, но он раздражает меня этим. Я не получаю с ним разрядки. И поняла, что разбиваться просто нечему – это дом, или кто-то так будит меня.

Другое дело что во сне я чувствую себя полной сил и энергии, а утром кажусь себе убитой. Проходит уже девятый день моего существования в этом доме. Но последнюю неделю я

ощущаю себя ходячим зомби. Даже тот эпизод, когда мне ответили на вопрос «паранормальное» меня не сильно колыхнет. Мне бы поспать пару месяцев и тогда смогу снова чего-то пугаться.

Видя мое состояние, Максим разрешает находиться в своей комнате и копить вопросы.

На десятый день мне снова снится Тень. Как и в последние ночи, оно не знает, какую форму ему принять и меняется, будучи то Виктором, то Максимом. В последнее время он меняет лица быстрее чем новогодняя гирлянда цвета. Это даже раздражает.

– Хватит мигать, выбери уже кого-нибудь.

– И это *ты* говоришь мне? – смеется Тень ехидно.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я всего лишь, проводник твоих фантазий, но ты до сих пор их себе не разрешаешь. Даже здесь, со мной.

– Ты не моё подсознание, верно?

Я слишком долго думала о том, кем является Тень и что со мной происходит во сне. Даже чуть погуглила и, кажется, нашла ответ.

– Я могу быть тем, кем ты меня назовешь.

– Но ты можешь себя назвать?! – вспыхиваю я.

– Нет, – качает он головой.

Новые дурацкие правила новой дурацкой жизни. Ладно, мы пойдем другим путем.

– Я могу тебя назвать, а ты скажешь правда это или нет?

Максим пожимает плечами, а уже Виктор говорит:

– Можем попробовать.

– Ты суккуб, – говорю я победно.

– Нет, – сбивает мою спесь и добавляет: – Ты ошиблась

на пару букв.

– Каких?

– Замени «су» на «ин»

– Инкуб? – уточняю я, будто пробуя название на вкус.

– Да.

– И в чем разница?

– В том, кто сверху, – улыбается он усмешкой Виктора.

Внизу живота становится теплее от этого вида. Наверное, я

уже привыкла к мысли, что меня влекут оба эти мужчины.

Инкуб, мне это точно доказал.

– И что теперь? Зачем это всё было?

– А ты не знаешь?

– Мне сказали, что в этом доме ничего не будет пытаться

мне навредить. А ты пьешь мою энергию? Хочешь убить?

– Я пью не больше, чем чтобы провести с тобой же ночь.

– Зачем?

– Чтобы разбудить тебя.

– Я в реальности скоро коньки откину из-за тебя, – фыр-
каю я. – Это не похоже на попытку разбудить.

– Я хочу разбудить тебя не от сна, а от своего же стыда.

А ты не откинешь ничего, ведь мы встречаемся последний

раз. И я прощаюсь с тобой, Кристина. Надеюсь, ты примешь

себя, ипустишь в своё сердце любовь. Именно это отправит тебя в рай.

Не успеваю я что-то сказать или попрощаться как проваливаюсь в бездну, уютную и теплую. Я просыпаюсь легко, не от звука разбитого стекла и с удивлением, глядя на часы, обнаруживаю 16:00. А последний раз часы показывали 18:00.

Похоже, я проспала двадцать два гребанных часа!

Но зато чувствую себя относительно нормально. Так, немножко кружится голова от пересыпа. В целом, я голодная и какая-то ослабевшая, но это гораздо лучше, чем то, что было раньше.

Я привожу себя в порядок. Впервые за все это время, немножко подкрашиваюсь. Причёсываюсь, и выхожу к ужину. Красивой в одном из новых купленных нарядов, который так и валялся бесхозно в пакете.

Одега я в темно-коричневое платье с длинным вырезом и блестками.

– О-па, – радуется Виктор, глядя на меня. – Ну и кто говорил, что она красотка?

– Я этого никогда и не отрицал, – отвечает Макс, не спуская с меня взгляда.

Становится приятно от их оценивающих глаз. Внизу живота скапливается приятная тяжесть от того, что я вижу их обоих и того, как они смотрят на меня.

Я довольно замечаю, что Виктор с улыбкой рассматривает разрез платья, доходящий почти до середины бедра.

Благодарю мужчин, улыбаюсь и присаживаюсь за стол.

– Ну что? Наконец-то тебе стало лучше, и это прекрасно. У тебя есть вопросы? – говорит Виктор, и продолжает смотреть на мою ногу.

На самом деле есть один, но задавать его страшно.

– Тебя что-то гложет? Ты можешь с нами поделиться? Мы – семья, – говорит Максим.

– Ну, это может прозвучать странно то, что я сейчас скажу, – начинаю я.

– Крис, давай уже, – лениво улыбается Виктор.

– Ну ладно. Я видела сны. Странные. И никак не могла не проснуться. Или выспаться, потому что, было ощущение... Я даже не знаю, как это выразить...

– Будто во время сна это попадаешь в некое параллельное измерение, где всё строят для тебя. Ты легко, можешь им управлять, но не можешь на самом деле из него сбежать и очень сильно устаешь по утрам. Я правильно понял? – говорит Виктор.

– Я этого не говорила, – цежу я. – Это вы сделали? Виктор, ты это сделал специально?!

Меня охватывает внезапная жуткая злость. Если они или только Виктор как-то магически это подстроили, чтобы потом издеваться надо мной. Хочется расцарапать им лица, вытащить из них глаза. Но я сжимаю только кулаки и жду ответа. Резко встаю и смотрю на Виктора, который лишь смеется от моей реакции.

– Если это твой вопрос, то отвечаю – нет это не я сделал, – ухмыляется он. – А почему ты думаешь, что это сделал я?

– Я не понимаю, – качаю я головой и смотрю на Макса.

– Я понимаю, что у тебя сегодня аж восемь вопросов, – напоминает он.

– Откуда ты знаешь, что со мной было во сне? – спрашиваю Виктора. – Говори!

– Умничка, отличный вопрос. Я знаю это, потому что, я прошел через то же самое что и ты, – говорит он медленно, чтобы я поняла, каждое слово.

– То есть?

– Осталось 6 вопросов, – бубнит он, напоминая и продолжает. – То есть я испытал то же самое. Давно. Мне было тогда лет шестнадцать, кажется. Только-только начал постигать науку любви.

– Надо понимать, – добавляет Максим. – Что это существо, суккуб или инкуб, они не являются перед девственниками. Виктор встретил своего суккуба, когда ему было шестнадцать, я лишился невинности ровно в восемнадцать лет. С одной из элитных эскортниц этого города. И после этого пережил тот же десятидневный марафон, который сейчас пережила ты.

– Она брала на себя образы всех моих одноклассниц, которых я хотел, каких-то актрис. Она была и Мерлин Монро и моделями, и даже Хайди Клум.

– Ну, мне скромнее, она была похожа на мою первую лю-

бовь и на одну из актрис тех турецких сериалов что смотрела Жанна.

– Да ты однолюб – смеется, Виктор.

Пока они обсуждают это между собой, у меня кружится голова еще сильнее. Но я боюсь задать неправильный вопрос, поэтому молчу и присаживаюсь, пытаюсь осознать, как его правильно задать.

– Это существо. Зачем ему это? – все же говорю я.

– Осталось 5 вопросов, – произносит Макс.

– Это существо, должен раскрыть твою сексуальную энергию на максимум. Для этого ему нужно воплощать твои фантазии, которые ты ему позволишь, но не дать тебе разрядки. Ему важно, чтобы ты была на грани. Ему нужно испортить тебя, грубо говоря, развратить.

– И зачем ему развращать меня... и вас? – спрашиваю.

– Осталось четыре вопроса и на этом мы остановимся. У тебя может быть перегруз информации, милая, – спокойно говорит Максим.

– Он низший демон, его посылают более высшие создания. Так что считай, он работал по приказу. Но в этом нет ничего особенного, все члены семьи это пережили. И Юрий, и его отец и все наши предки. Это часть инициации, вернее её начало.

– Зачем тому, кто приказал ему нас развращать? – поднимаю я голос.

– Три вопроса, – кивает Виктор недовольному Максиму, тот

сжимает губы, но позволяет мне еще один вопрос. – Затем, что магия, которая питает наш дом и все остальное основана на сексуальной энергии. Смотри, в мире есть всего 2 вида энергии, которые можно превратить в магию. Первая энергия жизни. Вторая – энергия смерти. Смерть – это страх, кровь и прочее. А любовь – её самая сильная энергия – это секс. То, что дает жизнь. Если мы будем стесняться его, мы не сможем им пользоваться этой магией. Она просто будет закрыта от нас.

– Понятно, – киваю.

Да надо задать еще вопросы про Хатхор про вино. Но я вдруг понимаю, что Макс прав, и у меня реально кружится голова. Если я узнаю ещё немножко чего-то подобного, мне кажется, я реально взорвусь. Потому что это всё звучит настолько нереально... Всё настолько непохоже на то, что я когда-либо знала и во что верила...

Тем вечером я иду в свою комнату и снова по дороге встречаю портрет Хатхор. Опускаю глаза и вижу бутылки вина, которые расставила при мне Карина – полупустые.

Меня это даже не удивляет, и я пугаюсь этого. Не Хатхор а самой себя, своего спокойствия. Кажется, начинаю привыкать к новой норме. Я возвращаюсь в свою комнату. Закрываюсь там, но не на ключ. Хочу лечь спать и готова уже снять своё платье, но слышу стук в дверь.

Открываю её, думая, что это Карина или Оксана, но за дверью стоит Виктор.

– Я хочу подарить тебе пару вопросов, – заявляет он с порога.

– Отличное предложение, – бубню я. И он без спроса заходит в комнату.

– Я задаю вопрос, ты отвечаешь правду и получаешь два вопроса, которые задашь мне и Максусу, – говорит он горячим шепотом, и я чувствую, куда это может привести. Будто, позволяя ему войти в свою комнату, я позволяю ему, что-то ещё.

Он закрывает дверь за собой. И запирает её на ключ. Сердце у меня падает в пятки, но одновременно с этим, я чувствую какой-то душевный подъем и легкое напряжение ниже живота.

От Леша я чувствовала такое уже в его постели. А от Виктора тогда, когда я просто вижу его взгляд, сосредоточенный на том самом разрезе моего платья.

– Какие у тебя вопросы? – спрашиваю я.

– В кого именно перевоплощался инкуб? Ты так наорала на меня сегодня, и я понял... Он был с моим лицом?

Всё, теперь точно падаю в пропасть. Страшно, но безумно любопытно. Я решаю сказать ему правду.

– Он был не только с твоим лицом, – говорю я.

Первый вопрос отвечен. Правда сказана.

Наверное, это глупо. Если я хочу сейчас с ним переспать, наверное, не надо говорить о том, что ночью о фантазировала о нем и его брате. Но какая-либо логика давным-давно меня покинула.

– С чьим еще? – спрашивает он.

– Макса. Я видела тебя и Макса.

Кивает. Удовлетворён ответом. Даже не злится, что странно.

– Круто.

– Я ответила на два твоих вопроса, и у меня плюс четыре, да? – напоминаю я.

– Конечно. Теперь один мой вопрос, и ты получишь четыре за правдивый ответ.

Четыре вопроса – это серьезная сделка.

– Задавай, – решаюсь я, догадываясь, что последует дальше.

– Что именно мы делали с тобой?

5

– Ну, в шашки мы не играли, – вырывается у меня.

– Переформулирую: как мы тебя имели? Нежно, грубо?

По очереди, или одновременно? – он говорит, не уводя взгляд, и подходит с каждым словом ближе. Я же отстраняюсь назад, хотя сзади только кровать. Так что, веду сама себя в ловушку.

– Я буду кричать, – предупреждаю я.

– Очень бы хотелось, – замечает он. – Так что?

– Вы, – произношу я, чувствуя, что уже касаюсь спиной края постели. – Вы были по очереди, каждую ночь кто-то другой. И... я не уверена, что это правильно, Виктор.

– Вопрос был не об этом. Как мне сейчас тебя трахнуть?

С этими словами он уничтожает расстояние между нами парой шагов. Хватает меня за волосы одной рукой и заставляет смотреть ему в глаза. Второй рукой проникает в тот самый разрез и медленными, сильными движениями ласкает моё бедро.

От одного этого разум окончательно застилается розовым дымом похоти и желания.

– Долго, – отвечаю я. – Я никогда не испытывала... не...

– Не кончала? – у него от удивления приподнимаются брови.

Киваю.

Больше он ничего не говорит, одним резким движением чуть приподнимает меня, как куклу, и я поражаюсь, насколько же он сильный. Бросает меня на кровать, и я приземляюсь прямо в центр, чуть отодвигаюсь и смотрю на него.

Виктор, не отрывая от меня взгляда, с наглым лицом, не терпящим возражений, снимает ремень с брюк. Чтобы я наблюдала за тем, как он раздевается, показывая, что я в его власти и у меня нет выбора. Следом рубашка, которую он снимает через верх, и я в восторге смотрю на его накачанное тело.

Хочется коснуться себя в том самом сокровенном месте, начать гладить, мять себя, ласкать. Но рядом со мной мужчина, который сам должен подарить мне удовольствие.

Виктор медленно подходит ко мне, становится у моего лица и, снова схватив за волосы, пододвигает к себе. Я послушно тянусь к нему, говорить вслух не надо. Касаюсь его члена через черные боксеры и нервно сглатываю, осознав размер. Инкуб этого не знал.

Мну его сначала через трусы, но подгоняемая рукой Виктора, что по-прежнему на моих волосах, вытаскиваю его и послушно вбираю в рот, насколько могу.

– Закрой глаза, – велит он мне. Я закрываю, чувствуя, как его рука оказывается у меня бедрах, и, судя по легкой прохладе, он обнажил мне ноги и легким шлепком по бедрам заставил их раздвинуть.

Сосу его горячий, солоноватый член, облизываю голов-

ку. Стараюсь любить его как могу, заранее в благодарности что он скоро меня отымеет. Но сосредотачиваться становится сложно, когда рука Виктора уже исследует пальцами мои складки через влажную ткань моего кружевного белья.

Чтобы случайно его не прикусить, отстраняюсь и всхлипываю от резкого удовольствия. Не успеваю сообразить, как он хватает меня за горло и придавливает к кровати, навалившись сверху. Сел и прижал меня так, что мои ноги раздвинуты и я, даже если бы хотела, не избежала б того, что сейчас случится.

Но он не торопится, издевается надо мной. Слышу треск упаковки, понимаю, что это презерватив. Поражаюсь тому, что Виктору еще хватает разума думать о защите. Ощущаю тепло и близость его члена так близко к своей вульве, что, чуть подмахивая, будто пытаюсь на него нанизаться скорее.

Пытаюсь что-то сказать, но выходят только легкие всхлипывания и тихие невразумительные стоны. Когда мой рот открывается Виктор впивается мне в губы, требовательно входит в него языком и вырывает длинный, пошлый, жаркий поцелуй. Я понимаю, что он целуется так, как другие не трахаются и свободной рукой лишь прижимаю его голову к себе ближе, чтобы это не заканчивалось.

Слышу треск ткани и понимаю, что он разорвал мое платье по разрезу. Хватает мою грудь и дарит ей грубые ласки, на грани к боли. Но почему-то меня это только заводит. Он не выпускает моих губ из своих, и я стону ему в рот.

Он не выдерживает, отстраняется от меня одной рукой опять схватив за шею.

– На меня смотри, – рычит и второй рукой помогает себе войти в меня.

Отслеживает мою реакцию на то, как сначала членом он водит по моим губам, дразня. Потом чуть приоткрывает их и проникает. Хочется выгнуться, но не получается, из-за его руки на моей шее. Могу только вцепляться руками в простыню и смотреть из будто бы тумана на его усмешку. На то, с каким довольным видом повелителя, он наблюдает за изменениями на моем лице, пока медленно вторгается все глубже в моё лоно.

Я удивляюсь, но эта махина заходит так легко полностью в меня, и я ощущаю его максимально глубоко. От одного этого я уже готова визжать от наслаждения. Хватаюсь за его руки, пытаюсь сказать ему, чтобы двигался уже. Но он так и стоит внутри меня, и двигаться вверх и вниз начинаю я.

Какой же он горячий, как же от него хорошо! Пытаюсь нанизаться еще глубже, и встречаю усмешку Виктора.

– Хочешь сама меня трахать?

Не успеваю я ответить, как он совершает одно резкое движение, от которого я кричу пронзенная острым удовольствием.

– Еще? – спрашивает он издевательски.

– Да, – послушно двигается еще раз.

– Ты говори, когда еще нужно? – шепчет он невинным

ГОЛОСОМ.

– Блядь, – ругаюсь я от его идиотской игры, но он только смеется.

– Тебе идет мат, тебе вообще идет всё, когда ты на моем члене.

– Ещё, – прошу я, он двигается как в танце и каждым миллиметром своего лона я ощущаю, показывая удовольствия. Будто вся я внизу превратилась одним большой нерв. – Ещё, ещё, ещё!

Я командую все быстрее и быстрее и он, поняв меня, также увеличивает скорость, из медленных и похожих на танец проникновений в бешеный темп. Кровать обиженно трясется и скрипит, тела шлепают в пошлой симфонии. Виктор тяжело дышит, и я вижу, как меняется его лицо, я же могу только умолять «Ещё, ещё»

В какой-то момент он снова наваливается на меня, сжимает грудь и впивается в меня поцелуем, продолжая быстро и неумолимо иметь меня, уже не спрашивая моих команд.

Тогда я и получаю первый в жизни оргазм от мужчины. Он оказывается таким глубоким и сильным, будто прошибает до глубины души. Я кричу, дергаюсь в сладкой судороге, царапаю до крови спину Виктора. Он чуть отстраняется, но не выходит из меня, наблюдая за тем, как на моем лице проявляется это удовольствие.

Кажется, будто я куда-то отлетела из тела и вернулась обратно уставшей, но счастливой.

– И как оно? – спрашивает он ехидно.

– Спасибо, – только и могу сказать я.

– Пожалуйста.

Он резко выходит из меня, только чтобы поднять за волосы, развернуть спиной к себе и заставить руками схватиться за решетку у изголовья кровати.

– Готова ко второму раунду, киска? – слышу его горячий шепот на ухо. Дыхание у моего затылка вызывает мурашки по всему телу, и я только и могу кивнуть.

– Да, да...

Шлепок по заднице, отчего я её выставляю чуть дальше к нему. Замечаю себя в зеркале у кровати, вижу свое красное лицо и его взгляд на моё тело. Полный такой безграничной похоти, такого неумного желания, что я решаю его подразнить, двигая попкой и наблюдая за его лицом.

Реакция оказывается необычная, он целует мне спину и неожиданно садится на колени. Один миг и я чувствую, как он языком проходится между моих губок.

Я могу только стонать в ответ ощущая как он мягко и умело ласкает меня там языком. Приподнимается и снова целует в спину, вижу через зеркало его мягкий взгляд, и он утыкается носом мне в затылок.

– Приготовишь мне попку, на будущее? Она ведь девственна.

– Да, да, – киваю я.

– Умничка.

Входит в меня медленно, одной рукой держит моё горло, второй орудует между моих ног. Я не могу ни вцепиться в него, ни продолжать ласкать. Только держатся за изголовье кровати и кричать от подступающего второго оргазма.

Его рука отпускает мне в шею, чтобы схватится за лицо и войти средним пальцем мне в рот. Послушно сосу его, облизываю. И чувствую, как второй оргазм уже подступает. Он будто сшибает меня, я кричу и трясусь снова, но Виктор не отпускает меня и двигается быстрее, отпустив себя. Будто теперь он не человек, а дикое животное, ведомое только инстинктом.

Он кончает вслед за мной и впивается напоследок зубами мне в плечо.

Я обессилено падаю на кровать, вижу, как он снимает презерватив и быстро завернув уходит в ванную. Не успеваю сообразить, как он возвращается ко мне, и ложится рядом, обнимая.

Тянусь губами к его груди, шее, которые не успела зацеловать сегодня.

– Спасибо, – только и могу сказать я.

– Тебе спасибо, дурочка, – отвечает он.

Последнее, что я помню, это усталый поцелуй, его руки, нежно глядящие мою попку и то, как я проваливаюсь в глубокий сон.

Почему-то мне то ли снится, то ли кажется. Но я будто слышу диалог.

– Ну и как?

– Макс, она охуенная.

Наутро видение забывается как пустой сон.

Утро встречает меня пасмурным видом из окна. В кровати Виктора нет, и только одежда на полу напоминает о вчерашней ночи. Улыбаюсь себе. Иду в душ, замечаю, что теперь спокойно хожу по этой комнате голой. Раньше, даже чтобы вылезти из постели и залезть в душ, я надевала халат, а теперь нет.

Одеваюсь в легкий брючный костюм бутылочного цвета. Выхожу из комнаты и с удивлением слышу незнакомый мужской голос.

Круглолицый, крупный и низкий мужчина общается о чем-то с Максом. Судя по отрывкам слов, которые я слышу, Макс уже провожает гостя обещая позвонить «если что-то узнает».

Провожая гостя взглядом, и когда он выходит за дверь, я с удивлением понимаю, что он садится в полицейскую машину.

– Полиция?

– Оля вызвала, – говорит он с явным неудовольствием.

– Почему?

– Потому что Карина уехала.

– Куда? – я начинаю чувствовать себя глупо, задавая эти вопросы, но все же задаю.

Макс вздыхает с видом «как же вы все надоели», объясняет:

– Карина уехала, нашла другую работу. Оля, которая её старшая сестра и которая за ней носится будто той два года решила, что Карина пропала и вызвала полицию.

– И Карина просто не сказала, что она уезжает?

– Ты не знаешь, что такое гиперопекающие родственники? – спрашивает Макс.

– Я не знаю, что такое опекающие родственники, – парирую я.

Хмыкает, выдает грустную, сочувственную улыбку и мне становится неловко.

– А где?... где Виктор? – пытаюсь спросить я, как можно менее эмоционально.

– Уехал на пару дней. Мы вообще одни на некоторое время, Оксана уехала по делам, отпросилась, Оля тоже. Карина ушла. Виктор поехал по делам нашего бизнеса. На время ожидания полугода после смерти отца он остался как доверенное лицо.

– Понятно, – киваю я. От мысли, что останусь с Максом несколько дней одна, становится... будто немного беспокойно. Не страшно, но беспокойно.

– У тебя появились вопросы?

– Потом, когда Виктор приедет.

– Хорошо.

Несколько часов я просто сижу в своей комнате и читаю.

Потом решаю, что это невежливо и выхожу к Максусу. Он оказывается на кухне и возится с продуктами.

– Ты готовишь? То есть, ты умеешь готовить?

– Это тот навык, который нужен каждому человеку. И да, на твой следующий вопрос отвечаю, я люблю готовить. Это мое хобби.

– Даже не думала, – удивляюсь я.

– Почему?

– Ну, ты такой brutальный, наверное, – неуверенно мямлю я.

Он поднимает на меня взгляд с хитрой усмешкой.

– Поверь, одно другому не мешает.

Мне так нравится наблюдать за его улыбкой, но я осекаюсь. Я ведь уже выбрала Виктора, я вчера с ним переспала, так что всё. Нечего заглядываться на его брата.

Хотя это оказывается сложным.

Оказывается, мужчина, который готовит, не теряет своей сексуальности. Даже наоборот, уверенность его движений, ловкие руки вызывают какое-то эстетическое наслаждение. Я просто наблюдаю за тем, как Максим в белой рубашке и темных простых брюках ходит по кухне и что-то делает, взбивает, насыпает, чуть пробует.

Будто ходит по химической лаборатории. Ощущение, что всё, что вокруг него подчиняется ему. И это так и есть. Но при этом, он заботливый хозяин. И эта смесь нежности, заботливости, властности, уверенности выглядит безумно кра-

сиво. Может я не того все-таки выбрала?

– Хватит на меня пялиться, ты не в театре, – говорит он мне, когда замечает мой взгляд.

– Прости, я просто никогда не видела, чтобы мужчина готовил. В моей семье считалось, что это не мужское дело. Мама всегда готовила.

– Нет мужских и женских дел. Если они не связаны с физиологией, конечно. Я не могу рожать, ты не можешь тащить машину. Попробуй, – он неожиданно подходит ко мне с ложкой рагу. Мне это кажется пошлым, но я приоткрываю рот и облизываю ложку. Не догадываюсь отвести от него взгляда и выглядит все это точно двусмысленно.

– По-моему, чудесно, – говорю я, пока по горлу растекается приятнейшая смесь вкусов.

– Надо мёда, ложечку, будет слаще, – качает он головой.

Ладно, всё равно.

Он достает маленькую баночку, раскрывает.

– Попробуй этот, фермеры для нас делают такой, – он подносит слова ложечку но чуть выше моего рта, я пытаюсь языком словить тоненькую струйку густой сладости. Неудачно. Капля падает в рот, а остальное оказывается на губах и на декольте.

– Ой, – только и могу сказать я.

– Там есть влажные салфетки, – кивает он на подоконник. Киваю, и ощущая себя очень неловко стираю с себя это. Решаю больше к нему не подходить, а то все это выходит за ка-

кие-то грани. А идти к себе в комнату и сидеть одной, тоже странно.

Я от нечего делать начинаю бродить по кухне. Вообще странно что здесь кроме всех шкафчиков, столешницы и нужных принадлежностей есть еще большой, длинный стол без стульев. Зачем? Столовая тут отдельно. А если здесь салаты резать, то он далековато, да и неудобный. Громоздкий какой-то, и отличается по дизайну, темный и гладкий.

Замечаю в углу какие-то цепочки, наклоняюсь и тупо смотрю на то, что открыто передо мной. Это явно наручники. Кожаные. То есть, что?

Изучаю остальные углы. Да, кандалы на коротких цепочках, кожаные заклепки. Тупо смотрю на них и замечаю опять насмешливый взгляд Макса.

– У меня же полно вопросов осталось, – бурчу я.

– Ну, если ты хочешь спросить про это, то мистики тут нет. Так что можешь спрашивать безлимитно. Хотя ты вроде взрослая девочка, должна понимать, что это.

– Это для человека...

Два варианта, либо они каннибалы, либо...

– Если это для того, что я думаю... почему это на кухне?

– Ты когда-то слизывала мёд с человеческого тела. Или с твоего слизывали?

Мед на теле. Да, сейчас был на моем. Боже, неужели он специально это сделал?

– Нет. Ну то есть, это еда, зачем её портить, – говорю я,

пожимая плечами.

Вчера нанизывалась на член его брата, а сегодня рядом с ним, чувствую себя девственницей, которую пытается со-
сратить очень опытный мужчина. И да, мне явно нравится
эта роль.

– Контраст ощущений, холод, вязкость. а потом нежность,
влажность. В наслаждени любого толка все так, на контра-
сте. В еде тоже. Так больше удовольствия. Твоё тело это ат-
тракцион чувств и ощущений. Почему, нужно какие-то от-
вергать?

– А почему на кухне-то? – нервно хихикаю я.

– Ну а зачем мне тащить все нужное через весь дом? Тем
более, если у женщины не закрыты глаза, а сюрприз хочется
сделать. Чтобы она не знала, что сейчас ощутит. Страх уси-
ливает чувства. Усиливает ощущения, их остроту. Поэтому
и хотят быть привязанными. – Он говорит это так спокойно
и как-то очень долго протирает руки белым маленьким по-
лотенцем. Я фиксирую взгляд на этих руках, чтобы не смот-
реть ему в глаза.

– Это странно, – говорю я.

– Поможешь нарезать сельдерей? – неожиданно спраши-
вает он.

Киваю, подхожу к нормальному разделочному столу, еще
раз бросив взгляд на ненормальный стол. Специально ста-
новлюсь напротив Макса, но он подходит ко мне и становит-
ся за спиной. Какое-то время слышен только звук готовки.

Но понаблюдав за мной Макс возвращается к прошлому разговору.

– Ты просто мало знаешь в науке удовольствия, это нормально для твоего возраста. Многие вообще не знают о чем я, и довольствуются обедами. Во всех смыслах. А ты, хотя бы знакома с теми, кто немного в этом понимает, – говорит он тихо.

– Ты про себя? – хмыкаю я.

– Ну а про кого ещё?

– Ты... ты так флиртуешь? – все же говорю я это вслух и на несколько секунд прекращаю нарезать. Интересно, он специально дал мне нож, чтобы я чувствовала себя в безопасности? Типа того, что я могу его прогнать, могу защитить себя если не хочу.

– Да, – соглашается он. – Прости меня, я не особо умею это делать. Я слишком издалека говорю, люблю долго томить. Но, если в готовке или в сексе это отличное качество, то во флирте случается, пока женщина поймет, что я ей заинтересован, она успевает уже пару раз развестись. Это мой брат умеет подойти к любой и нашептать, как и когда её будет «любить».

– Мне кажется, правильно где-то посередине, – не знаю, зачем я поддерживаю эту странную беседу.

– Мы братья, у нас плохо с умением делится. Что-то научились делить, а вот качества какие-то вроде и не смогли до сих пор. Так и ходим на грани, он на одной я на против-

положной.

– Да, Виктор... я переспала с ним вчера. Ну, этой ночью.

Начинаю резать быстрее. Я рассчитываю, что Макс вздохнет, отвернется, и будет заниматься своими делами. Может даже извинится, или наоборот фыркнет что-то о том, что я выбрала не того брата. Но он лишь качает головой.

– Да, звукоизоляция у нас отвратительная.

– В смысле? – не понимаю я. Застываю с ножом, а потом понимаю и очень глупо краснею. – Боже... Ты слышал всё.

– У тебя красивый голос, тебе нечего стесняться, – улыбается Макс.

– И ты... зная это, сейчас... – тут до меня доходит, как обухом по голове. Ну конечно. Сыграно как по нотам. – Он специально уехал! Оксану вы спровадили, чтобы дома никого не было. Для тебя.

Кивает.

– Вы два извращенца, – шепчу я.

– Да, Виктор говорил, что ты очень красива. А я скажу, что ты очень наблюдательна.

Психи, только и могу подумать я. Макс уже выключил конфорку и смотрит на меня. Молчит. Ждет чего-то.

– Что? – спрашиваю я, сама не зная чего.

– Я жду твоего согласия.

– И на что я должна согласиться?

– На всё, – его голос, до этого казавшийся спокойным, выдает его волнение легкой хрипотцой. Будто он на мгновение

его потерял.

Сердце начинает биться где-то в горле, разум сопротивляется, но я понимаю, что хочу его. Полное безумие, но в этом доме иначе и нельзя.

– Да, – шепчу я так тихо, что кажется, будто он не услышал. Хочу повторить, но по его рукам, быстро ласкающим меня от талии до груди и сжимающих её – понимаю, что он всё услышал.

Бросаю нож, закрываю глаза, предаваясь новым ощущениям. Макс не торопится, целует шею сзади, затылок. Бросаю взгляд на тот длинный стол.

– К этому, ты еще не готова, милая, – говорит он. – разворачивает мягко мою голову к себе, и мы целуемся. Ведет в этом пошлом танце он, я подчиняюсь, но почему-то понимаю, что он очень внимательно следит за моей реакцией. Виктор все делал так, как нравилось ему, и это доставляло мне удовольствие. Макс же прислушивается к моим ощущениям.

Разворачивает меня к себе, мягко садит на стол, и я вижу в темных от страсти глазах какую-то невыносимую нежность. Сама тянусь от этого к его щеке и глазу по ней, ощущая чуть колющую щетину.

Он быстро сбрасывает с меня мою одежду, ставит в удобную ему позу, придвигая к себе ближе, и садится на колени на пол. Я могу поставить ноги на его спину, и просто принимать ласки. Принимать как он касается моих бедер кончи-

ками пальцев, а губами приближается к самому сладкому и самому жаждущему его любви месту.

Я могу только распластаться на столе, пока он, уже стянув с меня белье, изучает языком каждую складочку. Хочу коснуться его головы, прижать к себе, но он неожиданно отвлекается от своего занятия.

– Коснешься меня или себя руками, и я уйду, – вдруг говорит он.

Быстро киваю, удивляясь тому, как резко стала слушаться.

Кажется, об этом он говорил «люблю томить». Томление именно так и можно назвать, то, что он со мной делает. Медленно, долго, с чувством он заставляет меня томиться в ожидании чего-то быстрее, жестче. Не имея права касаться ни его ни себя, я только хватаюсь за стол, сжимаю его края выдавая едва сдерживаемые стоны.

Он встаёт надо мной, касается лица невесомыми движениями.

– Я бы тебя связал, но ты еще не готова, – говорит он с легким сожалением в голосе. В миг подхватывает меня, и я успеваю, только схватится за его плечи. Как-то быстро двигает к себе стул и садится на него, сажая меня сверху.

Удивленно понимаю, что его член уже свободен и в полной боевой готовности. Макс быстро помогает мне насадиться на себя, но, когда я ощущаю его в себе, позволяет привыкнуть.

– Ты. Такой. Нежный, – только и могу сказать я.

– Это только сейчас, милая моя, – отвечает он и гладит меня по щеке. Начинает двигаться. – Правило прежнее, тебе нельзя меня касаться.

– Нахальство, – говорю я и теряю воздух, от того, как чувствую его глубже в себе. Наблюдает, внимательно изучает моё лицо и все эмоции на нем, когда погружается в меня. – Я так упаду.

– Ладно, разрешаю держаться, – кивает он и я хватаюсь за его плечи. – Но запрещаю говорить, – с этими словами он неожиданно задирает мою кофту и подносит её ко моему рту.

– Что? – не понимаю я.

– Прикуси.

Послушно хватаюсь зубами за собственную одежду и вижу на лице Макса победную улыбку. Теперь он видит мою небольшую грудь и тянется к ней губами, взяв в плен сосок и чуть его прикусив. Такое простое движение, вкупе с его членом в моем лоне вызывает во мне волну неистовых чувств. Я стону в подобие кляпа и запрокидываю голову назад. Не держалась бы за его плечи, точно упала бы.

Он начинает убыстрять движения. Хотя я сверху, я понимаю, что он тут властвует надо мной. Какое-то чувство полного подчинения и осознания, что моё положение сейчас говорит не о статусе, а о том, что хозяин хочет полюбоваться тем, как меняется моё лицо и подпрыгивает грудь. И я, понимая это, делаю всё, чтобы картина была еще красивее.

Мы занимаемся любовью. Не трахаемся, а медленно и нежно любим друг друга. В первую очередь он меня, а я уже стараюсь держаться и ловить ускользящее наслаждение.

Сладкая волна завершения подходит ко мне, я кричу, и кофта падает, неожиданно закрыв моё тело. Что-то недобро рыкнув, Макс сбрасывает её и выбрасывает. Я, вцепившись в плечи Макса просто обессилев сижу на нем пока он ловит свою порцию удовольствия.

Так и полусидим-полулежим.

– Ты можешь встать? – спрашивает он.

– Не хочу. – честно говорю я.

– Придется, зая, – усмехается он. – А то останемся голодными без всех наших горничных.

Встаю, едва держусь на ногах, поднимаю трусики, брюки. Он тоже поправляет одежду и продолжает смотреть на меня.

– Ну что? – спрашиваю я.

– Ты прекрасна, а больше ничего, – говорит Макс.

– Иди ты.

День проходит пусто и немного сумбурно, мы отведываем его обед, плавно переходящий в ужин. Я думаю, что можем еще раз заняться любовью, но почему-то Макс вежливо прощается и уходит к себе, меня не позвав. Пожимаю плечами и иду к себе.

На следующее утро за завтраком вижу Виктора, конечно уже приехал после всех дел. Не особо стесняюсь и сажусь рядом с ними. Мужчины смотрят на меня выжидающе, будто

я должна что-то сказать. Интересно, все уже обсудили между собой?

– Вы оба развели меня на секс, молодцы, – говорю я. Виктор улыбается, Макс чуть прищуривается. – И зачем теперь смотрите на меня?

– Спрашивать кто лучше, не будем, это будет пошлово, – замечает Виктор. – Другое дело, хочу понять, готова ли ты к нам вообще? Ну к повторению нашего приятного опыта, так сказать.

– Я не знаю, – честно говорю я. – Если это один раз, я могу списать на... опыт, но, если это постоянно то, у нас вроде как, отношения?

Я перевожу взгляд с одного на другого. Отношения с кем? И как? Они не могут быть официальными, наверное.

– У нас троих и так есть отношения, мы же не в пустыне живем. Общаемся, относимся друг к другу это и есть отношения. А вот как это называть это уже пустое. Виктор хочет спросить – согласна ли ты продолжить особенность наших отношений. Их интимную сторону?

– Готова ли я продолжать с вами трахаться? – уточняю я. – Вы сначала заставляете меня что-то сделать, а потом требуете моего сознательного согласия, чтоб я уже окончательно подчинилась тому, к чему вы меня вынудили? Это так работает?

– Ну, мы не принуждаем, мы соблазняем, киска, – поправляет Виктор.

– Да. Вы два демона, – киваю я.

Оба смотрят на меня недовольно, будто действительно боится, что я сделаю шаг назад. По сути, шаг назад, когда ты перед пропастью. Я смотрю на Виктора и на Максима и делаю шаг вперед.

– Хорошо, я с вами, я... я ваша.

От нервов пересыхает горло, и я тянусь к бокалу вина. Испиваю, вкуса не чувствую и только наблюдаю как меняются лица у моих сводных братьев.

– Есть кое-что еще, что я бы хотел озвучить, – говорит Макс тихо, но его прерывает стук во входную дверь.

Макс чертыхается и зовет Олю. Его голос оказывается очень громким, аж звенит стакан рядом со мной.

Оля спешно подбегает к нам.

– Проверь кого там принесло? – рычит уже Виктор.

– Ага, – девушка быстро кивает и несется к двери с громким звуком тяжелого бега.

Открывает дверь, выглядывает, с кем-то переговаривается и оборачивается на нас.

– Там какая-то девушка. Она говорит, что к Кристине.

– Ты кого-то звала? – Макс спрашивает строго и недовольно, я качаю головой.

– Нет, кого бы могла?

– Зови, – рявкает Виктор Оле, я думаю о том, что в этом доме не любят гостей. Хотя, учитывая нормальность инкубов, нечисти и бдсм-наручников на кухне – может и не зря.

Вдруг появляется блондинистая голова, живое лицо и чуть полноватое тело моей всегда пышущей жизнью подружки.

– Ну чё, думала спряталась тут от меня? – смеется она.

– Маша? – криво улыбаюсь я и смотрю на своих сводных братьев, которые посылают мне в ответ очень недобрые взгляды.

6

Я смотрю на этот ходячий позитив с белокурыми волосами и в джинсовой курточке, который неумолимо приближается ко мне.

– Ты как здесь? – спрашиваю я, хотя, наверное, это не слишком вежливо начинать разговор с этого, а не с «привет».

– Ой это долгая история, потом расскажу, – отмахивается она и неотрывно смотрит на парней. – Я про вас читала, Виктор и Максим. Очень рада знакомству.

– А вас как зовут? – скупающе произносит Макс.

– Я – Маша. А это Кристина, – показывает она на меня и громко смеется своей же шутке. Я натягиваю улыбку, и лихорадочно пытаюсь сообразить – как она сюда попала. И зачем?

Показывая какое никакое гостеприимство, братья приглашают её за стол. Маша быстро начинает общение и много говорит сама, позволяя братьям лишь задавать вежливые вопросы. Мол, откуда вы? Как познакомились с Кристиной? На кого учитесь?

Когда Маше дают тарелку, она с удовольствием уплетает всю предложенную ей еду, так и оставив небольшой красный чемоданчик, прямо в середине зала.

Макс, щелкнув пальцами, вызывает уже знакомого мне, лысого носильщика и кивает ему на чемодан. Тот забирает

его и уносит на второй этаж. Мне становится легче на душе, когда я понимаю, что он относит чемодан в соседнюю от моей комнату.

– Боже, я хочу у вас жить, это просто потрясающе. Не хотите еще сестренку принять? – говорит Маша с набитым ртом.

– И что вас к нам привело? – спрашивает Виктор. Я вдруг, понимаю, что он впервые вклинился в беседу.

– Каникулы и желание посмотреть, как теперь живет моя подруга. А то она всё ныкается, по телефону стала такой зажатой. Потомкает меня да завтраками кормит, на все вопросы. Потом в инете объявление видела, у вас девушка пропала. Карина какая-то там, не помню фамилии.

– Оля, блин, – рычит Виктор.

Я сижу рядом с ним, и незаметно, под столом хватаю его руку и сжимаю. Почему-то, я чувствую, что он сейчас вскипает и ему нужно успокоится. Он сжимает мне руку в ответ, и чуть гладит большим пальцем.

– А как вы адрес-то узнали, как поняли, что наш дом? – продолжает Макс беседу.

– Так мама Вики и сказала, она ж тут жила.

А, мама. Понятно. "Спасибо" ей большое.

– А мама не хотела навестить меня и узнать, как я живу? – вдруг вырывается у меня.

– Прости, зай, – только и может сказать Маша.

– Понятно, спасибо за честность.

Теперь очередь Виктора сжать мою руку, показав этим жестом "я с тобой". Я смотрю на него и посылаю легкую, благодарную улыбку.

После завтрака мрачные братья, со мной не особо разговаривают оставив на меня Машу. По взглядам обоих вижу, как там написано «выгони ее». Но я не могу. Все-таки подруга да и вообще, невежливо это как-то.

– Маш, блин, нельзя так врываться кому-то в гости. Это просто показатель невоспитанности.

– А вдруг тебя тут покромсали уже? А, любимые новоявленные братики? – поднимает она на меня возмущенный взгляд.

– И поэтому ты приехала с чемоданом? – замечаю я. – Не надо делать вид, что ты заботишься обо мне. Ты бы тогда ментов вызвала а не приехала гостить.

– Ой не бузи. – отмахивается она. – У меня каникулы, я хочу отдохнуть. Плохо что-ли? А у тебя дохрена комнат, чего мне на гостишку тратится, ты мне скажи?

Маша сидит на корточках, разбирая чемодан. Я же, оказавшись впервые в новой для себя комнате с интересом её разглядываю. Вроде бы обычная комната с пастельным цветом стен, деревянным полом. Ну и есть в ней то, что меня удивляет – снова картины с Хатхор. Кстати, в моей, гостевой комнате картины нет и статуи тоже. Кажется, в единственном в этом доме помещении. Надо спросить об этом у братьев.

– Ну, не знаю, как тебе подружка, а мне нравятся твои братики, – вдруг начинает Маша.

– В каком смысле?

– В самом, что ни на есть, прямом. – фыркает она. – Точнее, мне нравится блондинчик.

– Да он... хорош, – киваю я. Оба хороши, честно говоря.

– Ну вот я и планирую с ним провести время очень даже хорошо. Не знаешь, у него есть девушка, там невеста, жена?

Пожимаю плечами, и сама не знаю, что ответить на этот вопрос. С одной стороны, вроде бы как есть я, но говорить об этом Маше как-то не хочется. С другой стороны, являюсь ли я ему девушкой?

Мы так и не договорили, и я уже сказала «я ваша». Но насколько наши отношения, если это можно так назвать, подразумевают еще и верность? Я не знаю.

– Ну понятно, если ты постоянно не видела, значит у него полно девочек. Я бы его попробовала. Думаю, у него офигенный член! – громко шепчет она.

Моргаю. Она-то права, но сказать этого я не могу.

– Извини, конечно, они ж тебе типа родственники, официально. Ну и вообще ты у нас девочка скромная, так что больше от меня никаких пошлостей.

Снисходительно махнув на меня рукой, Маша заканчивает разбор своих вещей. Выгребает из огромной дамской сумочки несколько склянок с духами, выбирает подходящие и интенсивно пшикается. По комнате разносится запах клуб-

ники и отдушек.

– Ну что, зайка. Пошла я соблазнять твоих миллионеров.

– Удачи, – только и могу сказать я.

В обед Маша потребовала себе экскурсию. Устраивать её вызвался Макс, что ей не сильно понравилось. Она явно рассчитывала на Виктора. Виктор, же вел себя как кот, которого разбудили и стали тискать непрошенные гости. Но Макс, зачем-то, упросил его ходить вместе с ними по дому.

Я же, помня свою ассоциацию про кота, понимаю, что надо быть рядом, чтобы Виктор не оцарапал гостью. Так и идем мы громоздкой глупой группой по дому. Макс, за ним Маша, за ней я, ощущая запах её клубничных духов, рядом со мной Виктор.

– Выгони её, – просит он, когда Маша отходит достаточно далеко.

– Я не могу просто взять и выгнать человека. Она приехала в гости. Она моя подруга.

– Ты её звала?

– Нет.

– Я тоже. Макс тоже. Выгони её. Или я это сделаю, и ей не понравится.

– Слушай, ну это уже смешно! Ну будь ты немного более компанейским. Да, такое бывает. Все нормально, отдохнет тут пару дней, потом уедет.

– Я весьма компанейский, но не тогда, когда кто-то просто так заходит в мой дом. Тем более, ты знаешь, что дом не

простой. Здесь есть много того, о чем ей знать не положено.

– Ей здесь что-то угрожает? – спрашиваю я. – Из... ну, вашего, мистического?

– Не думаю. Быстрее, я ее убью, – быстро говорит он. – Прогони её, если не хочешь, чтоб она пострадала.

С этими недобрыми словами он отходит от меня и идёт ближе к Макс и Маше, которые уже стоят на кухне.

Пока Макс что-то рассказывает про свою любимую комнату (и я молюсь всем богам, чтобы он не начал ей рассказывать про тот самый стол) Маша залезает в холодильник без спросу, вытаскивает оттуда огурец и откусывает.

Я не знаю почему, но мне кажется, что эхо того, как она его откусывает отражается от всей мебели на этой кухне. Виктор поднимает на меня тяжелый взгляд. Я слегка пожимаю плечами и улыбаюсь, пытаюсь показать этим «все нормально».

Между ними происходит какая-то светская беседа, в которую я не вклиниваюсь. Маша отходит от Макса, подходит к Виктору, и явно невнимательно слушая снова откусывает огурец. Она стоит ко мне полубоком, и я могу увидеть только его спину и её глаза, которые она не отрывает от его лица.

Да уж, соблазнение миллионера движется резво.

Макс отвлекает её чем-то, и Виктор опять оборачивается на меня. Взгляд печальный.

Вечером Маша собирается погулять.

– Ты чё, еще не одета? – спрашивает она, заваливаясь в мою комнату когда я лежу на кровати.

– Ну, я не иду, – мягко отвечаю я.

– Ты находишься в Питере и не ходишь по питерским вечеринкам?

– А они какие-то особенные? – не понимаю я.

– Вот и проверим. Давай-давай, вставай отсюда.

– А ты не хочешь продолжать Виктора соблазнять?

Я почему-то надеюсь, что она займется Виктором пока я посплю. Правда, это может быть опасно для неё.

– Не, он импотент.

– С чего ты взяла?

– Ты видела что на кухне было? После такого моего перфоманса, мужики меня сразу зажимают, а он посмотрел как на больную. Так что, член может и большой у него, но точно не стоит, поверь, я шарю.

– Это не так, – вырывается у меня когда Маша уже разворачивается от меня к двери.

– Ты то откуда знаешь?

Я молчу пью воду из бутылочки, что всегда стоит у моей кровати.

– Короче, давай, вставай. Пойдем мне искать нормального мужика. И тебе тоже.

– Маша, я не думаю... Ну... Я не могу.

– Что у вас происходит? – спрашивает она чуть опускает голову набок.

– Ты знаешь, наследство. Ждем пока пройдет полгода от смерти моего отчима.

– Нет, тут. В доме. Ты спишь с кем-то из них? – она кивает назад, там никого нет, но я понимаю о чем она. О братьях.

Две секунды и я делаю глупость. Полную.

Которую еще не раз буду вспоминать.

– Нет конечно. С чего ты взяла? – качаю быстро головой.

– Тогда какого чёрта? Ты рассталась со своим идиотом, так что отговорки не принимаются. Идем тусить.

– Ну... может быть, – мямлю я.

Объяснив себе и братьям, что она гость, и поэтому мы должны ее развлекать, я, сопровождаемая очень тяжелым и злым взглядом Виктора, ухожу.

Тусовкой оказывается ночной клуб в центре города куда мы едем на такси. Маша отнекивается от моих вопросов о том, откуда она знает про клуб.

Место издали оказывается готическим домом в три этажа с острыми шпилями, будто вдохновлялись не то Нотр-Дамом не то замком Дракулы. Сначала, я надеюсь, что нас не пустят. Но Маша что-то говорит охраннику, и он нас пропускает. Я даже удивляюсь, откуда у неё оказывается пригласительный, причём пригласительный в вип-ложу.

Но спросить сложно, потому что музыка играет очень громко. Маша буквально за руку приводит меня на второй этаж и сажает на красный диванчик.

– Я скоро подойду, – кричит она сквозь музыку.

Сверху видно весь дизайн помещения: квадратный танцпол и по углам на высоте расставлены клетки, в которых танцуют девушки и парни в очень откровенной одежде. Вообще клетки, или паутины это стилистика клуба. Я понимаю, что на каждом столе вырезаны формы пауков а на полу тонкая серая ниточка в виде паутины.

Мне становится неуютно в этом месте. Но не успеваю я разобрать свои чувства, как Маша возвращается под ручку с мужчиной. Высокий, крупный, с черной легкой бородой, пухлыми губами и колким взглядом.

– Это Олег, – говорит она. – Мы познакомились в инете.

– Он тебя и пригласил в Питер, – поняла я. – Никакая Карина не привлекла твое внимание, это ты уже потом гуглила.

– Ну извини, – шутливо тянет она. – Я очень хотела встретить Олега в реальности.

Я машу рукой, да все равно. Однако спутник Маши мне не нравится. Если бы мне сказали его описать каким-то образом, я бы сказала, что это нож, завернутый в вату. Его внешность кажется такой мягкой, но что-то подсказывает мне, что это не так.

Странно, я раньше не чувствовала людей, а сейчас, будто бы вижу его насквозь. Не понимаю, как это объяснить, но будто бы я ощущаю от него, каким-то шестым чувством, что он недобрый человек, темный. И еще... грязный. Да, грязь, он живет в грязи, не физической а внутренней.

И мне не нравится его взгляд на меня.

– Угостить чем-нибудь? – спрашивает он. Голос низкий, глубокий, мягкий.

– Нет, спасибо.

– Крис, ну не будь занудой. – говорит мне Маша и улыбается ему. – Да, пожалуйста, мне космополитен. А тебе, Крис, – дайкири?

– Мохито, безалкогольный, пожалуйста.

– Блин, ну ты скучная, – откидывается Маша на кресле и смотрит на Олега, будто бы виновато. Да, я порчу ей вечер.

– Да, я всегда скучная, – киваю я, и чувствую, как уже начинаю беситься. Олег смотрит на меня, и от взгляда становится мерзко. Когда также на меня смотрел Виктор или Макс, хотелось зайти за все грани, но, когда смотрит этот тип, я чувствую себя будто грязной.

В конце концов, какого хрена?!

– Маш, я пойду домой. У меня голова болит, – говорю я ей, когда Олег уходит за напитками. Что-то мне подсказывает, что он меня не выпустит. – Ты со мной?

– В смысле, ты куда? Мы ж только присели. Ты оставайся.

– Я уйду, Маша. Вопрос тут только один – ты со мной? – говорю и сама удивляюсь тому, каким жестким и твердым у меня может быть голос. Маша обиженно надувает губы.

– Ну и иди отсюда.

– Ты идешь?

– Я не фригидная трусиха, как некоторые, – отвечает она

мне.

Не знаю, почему сейчас она подбирает именно это оскорбление, но сейчас мне плевать Я лишь сжимаю губы.

– Хорошего вечера.

Ухожу быстро, чуть расталкивая людей. Нет времени быть вежливой, я четко понимаю, что, если Олег поймет, что я ухожу он точно меня не выпустит. У него есть здесь власть. Вспоминаю, как нас легко впустили. Да, он либо владелец клуба, либо хорошо с ними знаком. Это его место.

Хотя, если призадуматься, откуда я могу такое знать? А его взгляд... мне могло и показаться.

Чуть задерживаюсь у двери и думаю, что нехорошо так оставлять подругу, портить ей вечер... Вдруг, мои мысли перекрывает мой же голос изнутри. Спокойный и властный. Будто четко знающий что делать.

Нет, надо уйти. Срочно. Времени мало. Надо бежать.

Будто подгоняемая внутренним голосом я выбегаю из клуба и даже там не могу постоять и отдышаться. Надо бежать.

Левее.

Застываю на месте и смотрю налево. Глухой двор, темный без освещения. Туда точно не надо идти.

Левее, – повторяет голос.

Смотрю на мрачную арку.

Быстрее!

Дверь клуба приоткрывается за мой спиной, и почему-то

появляется страх. Животный ужас, я стремительно убегаю в тот самый двор. Темно и невысокие каблуки громко стучат. Но я замечаю машину.

Черную, большую. Её двери пассажирского сидения открыты, а в салоне горит свет, и водитель будто дремлет. Лысая голова, низкий рост...

Я с удивлением узнаю за рулем знакомого. Это же носильщик у братьев. У Малышевых. Стремглав мчусь в машину. Закрываюсь там и громким стуком двери бужу водителя.

– О, вы уже тут? – говорит он. Не "о, не ожидал вас встретить" а "вы уже тут". Он знал, что я приду. Это как?

– Это вы почему тут?! – кричу я. Выглядит так, будто я возмущаюсь, но я рада ему, как никогда в жизни.

– Виктор сказал, за вами следить и встать где-то максимально близко от выхода в клуб. Сказал, что вы будете выбегать и вам надо будет быстро скрыться.

Откуда он знал, я буду выбегать из клуба? Откуда я знала, что надо бежать сюда?

– А вы... поверили?

– Такое нередко бывает у братьев. Я уже привык, – пожимает он плечами.

Отвлекают звуки сбоку, и я выключаю, на всякий случай, свет в салоне. Вижу высокого мужчину, что быстрым шагом обходит людей вокруг клуба и что-то у них спрашивает. Олег.

И рядом с ним, эту же задачу выполняют еще несколько.

– Нам лучше ехать, – шепчу я.

– Как скажете, – отвечает водитель.

Машина плавно трогается со двора и ищущие меня мужчины остаются где-то далеко.

По возвращении домой меня никто не встречает. Понимаю, что в некотором виде это высказывание мне своей обиды, и поэтому я решаю оставить вопросы на завтра.

Наутро братьев я дома не обнаруживаю, зато телефон разрывается от звонков и будит меня этим. Смотрю на дисплей – Маша.

– Алло, – беру я трубку.

– Крис, выручай! – тянет она слова, и я понимаю, что чувствует она себя нормально.

– Фригидные трусики с тобой не общаются, – заявляю я, залезая в холодильник. Пока мысленно выбираю между плавленым сыром и салатиком с курицей, отвлекаюсь от того, что она говорит. – Стоп, повтори, не услышала.

– Блин, ну выручи меня! Я переехала к Олегу...

– Поздравляю.

– Мне нужны мои вещи.

– Попрошу кого-нибудь тебе чемоданчик привезти.

– Да не надо, не надо. Просто косметичку, там лекарства мои. Сама привези, пожалуйста.

– Слушай, ну вот бесплатным курьером я ещё не работала, – фыркаю я.

– Да блин, я ему рассказываю, что я бедная девочка, если мне твои пафосные водятлы привезут шмоток будет палевно.

А про лекарства он не должен знать, у меня ж эпилепсия. Это не очень сексуально, ты знаешь. Я не хочу его пугать пока. Надо чтоб ты просто со своей сумочкой приехала. Ну, не время ему знать...

– Чего ты их в сумке не держишь?

– В сумке-то у меня на сегодня, а мне надо на неделю.

Пожалуйста, Крис.

– Его не будет дома? – уточняю я.

Машу явно удивляет этот вопрос, она замолкает и чуть погодя подтверждает. – Нет-нет, не будет. Он работать будет.

– А чего ж тогда спалиться боишься?

– Блин, ну соседи-то у него есть. Кристина, будь человеком, ё-моё. Подруга называется! – уже злится она.

У меня неприятно сжимается сердце от вины перед ней.

– Ладно, хрен с тобой, еду. Но я ненадолго. Тебе только твою косметичку?

– Да-да. Цвета фуксии такая, махонькая со змейкой, узнаешь.

– Конечно, я её сто раз видела, – бурчу я. – Адрес кидай.

На такси доезжаю до нужного дома.

Пафосный Олег владелец клуба с паутинами повсюду, как оказывается, живет в обычной хрущевке. Вспоминать код от двери подъезда мне не нужно, оттуда как раз выходит женщина с ребенком, и я захожу в дверь.

Поднимаюсь до третьего этажа и обнаруживаю что поло-

вина тамбура закрыта решеткой на замке. А за ней три квартиры и все выкрашено в глубокий красный цвет. Тусклый цвет дешевой лампы накаливания придает этому мрачному оттенку.

Звоню в звонок, что за дверью и из нужной квартиры выскакивает Маша во вчерашней одежде и с растрепанными волосами.

– Ой, я так тебе рада! – говорит она и тянется открыть мне решетку.

– Весело вечер провела, судя по прическе?

– Не, мы не трахались еще, – качает она головой.

Я только хмыкаю и хочу просунуть косметичку через решетку и попрощаться.

– Ты что, даже заходить не хочешь?

– Нет, не хочу. Давай забирай и пока, созвонимся.

– Господи, ну какая же ты злопамятная, Кристина! – вдруг кричит она. Глаза быстро оказываются на мокром месте. – Нельзя так, ты же даже не зашла. Заходи, ну пожалуйста, ну это не по-людски. Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?

Чертовски не хочу заходить. Все кажется каким-то липким, грязным и опасным.

– У меня просто полно дел.

– Да нет у тебя дел. Ты просто меня ненавидишь за то, что я вчера сказала? Кристина, ты же моя лучшая подруга!

Боже, что за спектакль в подъезде, нас, наверное, все со-

седи слышат.

– Ладно-ладно. Десять минут. Чаю нальешь, и я пойду.

Она улыбается, открывает мне решетку и провожает в квартиру. Там оказывается широкий коридор и несколько закрытых. Маша ведет меня на кухню, где стоит чай и нарезанные фрукты.

– Садись, ща напою чаем, – говорит она и наливает с чайника в небольшую кружку. Я сажусь на угловой диванчик и собираюсь пить.

Нет!

Снова голос изнутри. Он пугает меня, и я чуть не роняю чашку. Что-то не то.

– Нет, – я качаю головой.

– Чего? – не понимает Маша.

– Мне нельзя это пить, – говорю.

Странное чувство, будто я говорю не то, что хочу сказать, не то, что думаю. Будто кто-то говорит моим ртом. Но я уверена, это чистейшая правда.

– Почему?

– А ты почему одну чашку налила, а не две, – замечаю я. – Пей сама.

– Крис, ну ты чё? – смеется Маша.

– Пей.

Опускаю глаза на чайник. Я понимаю, что она точно не собирается пить. Поднимает на меня взгляд, виноватый.

– Блядь, Маша, что ты делаешь?! – кричу я резко встаю.

– Ну прости, прости меня пожалуйста. Ну, он сказал, что без тебя он меня не хочет. А я так его люблю, Кристина, я в жизни так не любила! – она хватает меня за руку и мне становится не по себе от того, насколько у нее безумный взгляд. – Побудешь с нами, ну типа секс втроем. Просто здесь, в чае, травка такая, она поможет тебе расслабиться.

– Да пошла ты нахуй! Навсегда, Маша! – кричу я. Хочу выбежать из квартиры, но уже у входной двери встречаю Олега. Я чуть отстраняюсь, думаю о том могу ли я пробежать мимо него, но он хватает меня за горло и немного приподнимает над полом.

Воздуха не хватает. Хватаю его за руку, пытаюсь хоть как-то заставить его себя отпустить.

– Будешь непослушной, все будет очень плохо, – говорит он. – Это понятно?

– Отпусти! – только и могу прохрипеть я, отчаянно сопротивляясь.

– Еще раз: будешь рыпаться, будет хуже. Мне-то все равно, но ты страдаешь сильнее.

Краем глаза замечаю Машу, которая, опершись на стену, смотрит неотрывно на Олега. Она под наркотой что-ли?

Из одной из закрытых дверей, вдруг выходят ещё трое мужчин. Видимо ждали, его приказа. Вид у каждого из них как у уголовника только откинувшегося, лысые, крупные.

– Ой, а это кто? – без особого интереса спрашивает Маша будто сонная.

Я ей даже завидую, я-то сейчас понимаю, что либо умру, либо буду изнасилованной. Либо, что скорее всего – два в одном. Вот тебе и наследница многомиллионного состояния. А Маша может не прощаться с жизнью, она тупо не въезжает. Лучше бы выпила я этого блядского чая чем мучиться напоследок.

В дверь неожиданно стучат.

– Кто это может быть? – спрашивает Олег у одного из мужчин, тот пожимает плечами без особого любопытства.

Еще раз стук.

Не успевает Олег что-то сказать еще, как замок в двери с громким скрипом начинает крутиться сам, будто кто-то открывает дверь с другой стороны но звона ключей не слышу.

Олег так удивляется, что ослабевает его хватка и я падаю на пол, схватившись за горло.

Тело жадно глотает кислород и сердце бешено стучит. Я снова смотрю на мужчин, и вижу позади них проем комнаты. Там огромный портрет чего-то египетского. Не успеваю я и что-то подумать, сообразить, как дверь открывается резко и нараспашку.

За ней оказывается Виктор. Один. И стоит он дальше, чем мог бы, если бы касался двери. Значит открыл её издали... магией?

Все оставшиеся силы я трачу на то, чтобы встать и ринутся к нему. Но Олег со всей дури бьет в стену мне наперерез.

– Ты кто? – спрашивает он у Виктора.

– Ты главный тут?

– А тебе какая разница?

Я понимаю, что Виктор один против четверых... Это же нереально, почему он не взял с собой охрану?

Виктор молчит. Только смотрит в глаза Олегу. Лицо Олега меняется, он будто узнает что-то, поднимает чуть голову и отводит взгляд.

– Кто ты? – повторяет он вопрос.

– Я тот, кто хуже чем ты. – говорит Виктор.

Я не понимаю, насколько это подходящий ответ, но Олег лишь кивает.

– Чего ты хочешь?

– Ты на моё покусился, – кивает на меня.

Олег опускает взгляд с грустью и кивает.

– Понятно. Она мне просто... очень понравилась.

– Мне тоже, – кивает Виктор понимающе. – Отдай её.

Олег, не глядя на меня толкает меня в дверь, и я кидаюсь в объятия Виктора. Он держит меня одной рукой и неотрывно смотрит на Олега. Остальные мужчины, почему-то не двигаются, просто наблюдая за этим.

– А вторую? – Олег кивает на Машу, которая без особого интереса наблюдает за происходящим.

– Развлекайтесь по полной, – пожимает плечами Виктор. – Она не местная, хватятся не сразу, искать долго будут.

– Нет! Нет-нет. Так нельзя, Виктор! НЕТ! – кричу я ему. Виктор лишь хватает меня за руки, не позволяя сильно ры-

паться.

– Ты ж хотел её чем-то усыпить?

Олег кивает.

– Дай сюда. А то голова разболится от её воплей.

Пока я кричу, пытаюсь спасти Машу, кто-то передает Виктору кусок ткани, он прижимает её к моему рту.

– Попрощайся с подружкой, – шепчет он мне, и я вижу Машу и то, как позади неё открывается дверь в комнату. Готова поклясться, что там на всю стену портрет в египетском стиле. Только изображена там не женщина, а мужчина с ослиной черной головой.

Выключаясь, я вижу, как ослиная голова разворачивается к Маше, пока она не замечает, и будто нависает над ней.

– Нам надо ускоряться. Если всё уже дошло до этого нам нужно рассказать ей всё.

– И будет как с кем? Как с первой женой отца или как с четвертой?

– Иначе будет как с пятой, обнаружим её трупик где-нибудь. Ты не понимаешь? Уже темные инкубы пошли, всё, кончилась лафа!

Поднимаю глаза и размыто вижу Макса. Он мрачнее тучи что-то отвечает брату.

– О, проснулась! – замечает Виктор.

Воспоминания о прошедшем дне обрушиваются на меня.

– Маша! Где Маша?! – кричу я.

– Та, что заманила тебя в ловушку, пыталась напоить каким-то наркотиком, и подложить под первого встречного? Очень надеюсь, что воняет где-то по частям на свалке. И что эти мужики очень давно не имели баб и ей было очень больно.

– Виктор, – строго одергивает его брат.

– Я бы сам её пришёл, эту суку! – кричит тот.

– Ты не знаешь, сколько на ней было магического воздействия, – спокойно отвечает Макс.

– Она была не в себе, а ты её оставил там, – кричу я. – Нужно срочно её спасать, нужно ментов вызвать на этих уродах, нужно...

– Да не оставил я её там! – орет Виктор.

– Что? – я вцепляюсь пальцами в кресло где сижу и костяшки белеют.

– Я понял что ты будешь пить мне мозги и этот тоже, – кивает он на Макса и опускает голову. – Поэтому я тебя вырубил, и потребовал эту блядину тоже отдать. Все равно она ему была менее интересна, чем ты. Её так... развлеклись бы с ней и кинули на ближайшей лесополосе. А ты бы мне потом мозг выносила месяцами. Нахер надо мне это? Тут она, в доме, успокойся.

Боже, слава Богу. Маша жива. Я вздыхаю и чувствую, как камень падает с души. Аж плакать хочется, но я не позволяю себе. Только думаю о его словах.

– Менее интересна? А со мной хотели сделать что-то дру-

гое? – тихо произношу я.

– Да ты вообще не догадываешься куда влипла! – кричит он.

– Всё, успокойся. – говорит Макс и примирительно поднимает руку. Подходит ко мне и становится на корточки, так чтобы наши лица были на одном уровне. – Он... Этот мужчина, что всё организовал. Мы точно не знаем, но скорее всего, он темный инкуб. Или точнее одержим темным инкубом.

– Он что? – не понимаю я.

– Минус вопрос, – хмыкает Виктор.

– Нет, эти не считаются, – отвечает Макс и чуть приобнимает меня за плечи. От ощущения его огромных теплых рук озноб бьющий меня чуть стихает. – Как ты понимаешь, суккубы и инкубы не обладают телами. Но иногда, люди по глупости могут впустить их в свой разум, если занимались магией и что-то допустили. Случайно дали разрешение. Скорее всего, этот человек из таких. Либо кого-то приворожить пытался, либо произнес заклинание на потенцию, на привлекательность, не знаю. Но он одержим, темным инкубом.

– А кто это?

– Обычный инкуб просто пьет жизненную энергию и позволяет раскрыться сексуальности. Он не опасен. Иногда даже полезен, но все равно, как мелкий паразит. Темный инкуб же использует сексуальную магию чтобы притягивать к себе и потом убивает своих жертв. Темный инкуб подчиняется не энергии жизни, как обычный инкуб, а энергии смерти. Его

задача – меньше любви, больше смерти, боли и страха.

– А я тут причём?

– Скажи, сколько у тебя было любовников до нас?

Внезапный вопрос Виктора застаёт меня врасплох. Но я решаю не врать, пожимаю плечами.

– У меня был только мой жених.

– И спорю, он тебя не сильно удовлетворял. У тебя было очень много энергии. Которая ещё не разлилась, которая ещё не дошла до своего зенита. Вот он увидел тебя на фотографии с Машей в интернете. Как вкуснейшую и наполненную девочку, почувствовал твою энергию. Начал искать, но ты сама свои социальные сети закрыла от чужих, а она нет. Вот с ней он и переговорил и соблазнил, чтоб она поехала сюда и привела тебя к нему. Пообещав ей за это секс.

– Может быть, он понял, что ты связана с нами и... – предполагает Макс.

– Это вряд-ли, – перебивает Виктор.

– Он приворожил Машу, – доходит до меня.

– Он сделал с ней, что-то вроде приворота, да. Они это умеют. Поэтому она на нём помешалась. Но не смей оправдывать то, что она сделала с тобой этой «любовью», поняла меня? Как бы она ни любила, или ни хотела его, она не должна была совершать подобной мерзости, поэтому я за то, чтобы убить ее.

– Ты не имеешь права решать, кому жить, кому нет, – рычу я.

– Она права, – кивает Макс.

– Что бы он сделал со мной? Что ему нужно?

– Ему нужно было обратить все твоё светлое, нежное, сексуальное – в тёмное и страшное. Как в шашках. Знаешь, когда черная фигурка переступает через белую, она становится черной. Он должен был разрушить это всё в тебе. Светлые и темные инкубы, постоянно этим занимаются. В шашки играют с людьми, борются за энергии в этом мире.

– А почему только я? Почему не Маша?

– Потому что у Маши нет любви, она её ищет. Ищет кто-бы её полюбил. А ты сама скопление нерастраченной любви.

Вздыхаю.

– У вас злой мир, – тихо, говорю я.

– Это всего лишь одна из его частей, ничего страшного.

– Тебе даже не нужно было драться с ним, ты просто посмотрел на него и он отдал тебе меня и Машу, – вспоминаю я.

– Да. Я просто показал ему, что он зашел не на ту территорию. Вот и все.

Вспоминаю видение с портретом.

– Там тоже был египетский бог, в доме... Он такой, будто с головой осла.

– Это Сет, бог хаоса, – кивает Макс. – А у нас Хатхор, она богиня любви. Вот и всё.

– Он там был? Сет, был в доме? Я видела, как он нападал на Машу...

– Боги не могут просто так воплотиться в нашем мире, тебе показалось, – машет рукой Виктор.

– Ладно. Как ты объяснишь то, что вчера машина была во дворе? Как ты объяснишь то, что во мне появился какой-то внутренний голос, который приказывает мне?

– Очень просто, постепенно в тебе открывается интуиция, – отвечает Макс. – Это хорошо, ты постепенно погружаешься в наш «злой мир», как ты выражаешься. И твоя интуиция из обычной человеческой становится настоящей, осознанной, мощной, это потрясающе. Только в следующий раз, слушайся её, пожалуйста. Ладно?

– Потому что ты жива только благодаря тому, что я свою интуицию слушаю очень хорошо, – продолжает Виктор. – Я знал, что за тобой следить надо. И пару артефактов приготовить.

– Не ври брат, – фыркает Макс. – Ты не слушался её, когда она говорила тебе, что нужно обсудить всё ночью. Тогда бы этих проблем не было.

– Ну ладно, тут я больше разозлился.

– Ты разозлился, а у неё чувство вины и «вежливость» перед подружкой юности. И в результате – две юные женские жизни едва не оборвались. Знаешь, это большая цена за ваши эмоции и неумение слушать внутренний голос.

Максим будто отчитывает нас обоих.

– Всё-всё, я буду слушать интуицию лучше. Она, кстати тоже.

– Ты открыл дверь, без ключа, – вспоминаю я.

– Небольшой фокус, как-нибудь потом научу тебя, если захочешь, – спокойно говорит он.

Опять кружится голова. Нет, пора заканчивать с ними говорить.

– Да... – соглашаюсь я кивком. Состояние становится все лучше, и я даже встаю. – Где Маша?

Понимаю, что мне предстоит неприятный разговор с бывшей подругой.

– Она наказана, – фыркает Виктор.

– В каком смысле?

– В прямом. Она в комнате наказаний.

– У вас есть такая комната? – приподнимаю я бровь.

– Ты уверена, что хочешь её сейчас видеть?

– Да, абсолютно уверена! – злюсь я.

Виктор закатывает глаза. Манит меня рукой и провожает из комнаты.

Мы спускаемся в подвальное помещение, где я ещё ни разу не была. Думала здесь только технические помещения. Он открывает одну из дверей и кивает мне.

Я в шоке вижу, как Маша без сознания, висит прикованная за руки.

– Боже мой! – кричу я и подбегаю к подруге. – Отпусти её, быстро отпусти!

Я кричу Виктору и касаюсь грязного лица Маши. Теплая, живая, слава Богу.

Неожиданно она буквально падает на меня. Я отпрядываю инстинктивно, и она падает на пол с громким звуком. Поворачиваюсь, изумленно смотрю на Виктора, тот с ехидной улыбкой стоит у рычага и пожимает плечами.

– Ты сказала мне её отпустить, – невинно говорит он.

– Урод, – констатирую я.

Весь оставшийся вечер я дежурю у её кровати. Уже ближе к полуночи, она приходит в себя.

– Крис, мне нужно к нему. К Олегу, – говорит она и пытается подняться.

– Маш, ты помнишь, что было? Мы чудом ноги унесли!

– Ну и зря.

– В смысле?

– Понимаешь, он бы любил меня...

– Так. Всё. Маша, ты отлежишься здесь столько, сколько тебе нужно, пока не придешь в себя. А потом уедешь домой. Тебя отвезут в аэропорт и проследят, чтоб ты не имела никакой связи с этим Олегом. А еще ты забудешь мой телефон. И то, что мы когда-то были подругами.

– Мы были лучшими подругами, – напоминает она.

– Да. Я тоже так думала.

Всю ночь я не могу спать. С одной стороны, я и отоспалась под действием этого вещества, которое меня заставил вдыхать Виктор.

С другой я нервничаю. Ну вспоминаю события прошедшего дня и понимаю, как сильно не хочу быть здесь. Это страшно. Темные твари, с внешностью симпатичных мужчин. Виктор который не прикончил Машу только потому, что не хотел, чтобы я «пила ему мозги».

«Комната наказаний». А что здесь еще есть? Комната пыток? И какая из этих комнат ждет меня? Как долго они будут беречь меня?

В дверь стучатся, я открываю и вижу за ней Олю.

– Чего вы так поздно? – шепчу я ей.

– Да, я видела, что у вас свет включен и решила, что постель пора поменять, давно не меняла. Как вы?

У нее в руках даже постельного белья нет, но я благодарна тому, что она пришла.

– Не знаю. Я в раздрае, Оля. И мне очень страшно, – честно говорю я, присаживаясь на кровать.

– Я понимаю. У меня тут сестра пропала, между прочим. А хозяева делают вид, что все нормально.

– Да, это странно.

– Кристина, – она подсаживается ко мне и заговорщически на меня смотрит. – Вы не хотите сбежать отсюда?

– В смысле, реально просто сбежать? Они же найдут меня. Я нужна им, – качаю я головой.

– Они не настолько могущественные. Да, по адресу вашей прописки они вас точно найдут, но если вы уедете, в какой-нибудь другой город, либо маленькое село... Ну не най-

дут они вас. Да и искать уже так сильно не будут. А завещание... ну скажут, что вы пропали официально. Зато вы не будете жить в этом дурдоме. И спасете себе жизнь.

Я задумываюсь над ее словами. С одной стороны, она права. Мне страшно находиться в этом доме. Мне страшно познавать их мир, и я не хочу быть его частью. Я могу просто сбежать и оставить все беспокойство.

Но с другой стороны. Мысль, что я не увижу Виктора или Максима больше, что я обижу их, предам неприятно колет внутри. Я привязалась к ним, это правда.

Но жизнь дороже. Что если я как Маша под действием какой-то магии, и поэтому готова на всё, что угодно?

Закрываю глаза, надеюсь, что появится интуиция и прикажет мне что делать. Но она, как назло, молчит.

– И что ты предлагаешь?

– Смотрите. Завтра они поедут по делам. Вы пойдите в комнату охраны. Я оставлю ключи, там никого не будет. И смотрите по камерам, когда охрана уйдёт из своего сарайчика. Потом откроете ворота за домом этим ключом и уезжайте.

– Как ты уже успела всё организовать? – поражаюсь я.

– Я хотела организовать это для Карины.

– Но почему? Почему просто не уволиться?

– Потому что она... не была уверена, что они её отпустят.

Тут мне уже действительно стало страшно. Я вспомнила, как Виктор смотрел в глаза Олегу. Два зверя, которые явля-

ют друг другу свою силу. И Олег испугался. Значит, Виктор еще страшнее чем он. Он сам это сказал.

Ладно, сначала сбегу, а потом буду думать. Жизнь дороже чем мои чувства и на примере Маши я это четко осознала.

– Я согласна, спасибо Оля.

– Хорошо, – она кивает, приобнимает меня и встает.

Я не сплю всю ночь.

Как сказала Оля, братьев дома нет. Я взглядом провожаю Машу, которая со своим чемоданчиком уходит в обед, и мы с ней даже не прощаемся. Когда проходит час после её ухода, я решаю, что пора сбегать и самой. Захожу в комнату охраны, которая, опять же, оказывается пустой.

Вглядываюсь в камеры и застываю, видя «кино» на одной из них. Виктор и Максим трахают Олю.

Отличный она нашла способ их отвлечь, ничего не скажешь...

Виктор входит в неё, и я вижу, как меняется его лицо. А я была с ним в таком тумане, что даже не видела, как он выглядит в этот момент. Не скажу, что не думала об этом пару дней назад.

Злюсь на них за все события последних дней, за то, что прячут от меня правду, ведут в своей странной игре. За то, как они были жестоки к той же Маше. Злюсь, не могу отрицать то, что то, я вижу сейчас безумно сексуально. Дикий, животный, обладенный секс, о котором я даже не мечтала.

То, что я скрыла тогда даже от инкуба, который все понимал, и был готов мне дать это. Но я не позволяла себе.

Виктор ставит статуэтку, и я вижу дым от неё. Что за странности? Очередная магия?

Нет. Это не Оля.

Это Карина.

Пока я обалдеваю, я замечаю время на часах в видео – 16 часов. А сейчас нет еще и обеда. Смотрю обреченно на свои часы. Да, 11 часов с небольшим.

Меня развели. Опять.

Сзади меня открывается дверь и заходит Виктор.

– Ну как тебе?

– Что за идиотский спектакль? – кривлю я лицо.

– Ты давненько не задавала вопросов. Предлагаю сейчас этим заняться. Мне кажется, они скопились у тебя. И нам пора ответить на все. Коль, ты уже попала к темному инкубу.

– Ответь мне, пока на одно – зачем вы подговорили Олю, уговорить меня сбежать?

– Мы ее уговорили лишь предложить тебе это. То, что ты согласилась, это уже твоя вина. И ты будешь наказана за это, – тихо говорит он.

– Что? – я удивленно оглядываюсь на него.

– Что слышала. Мы не потерпим этого. Нам нужна твоя верность, а ты показала, что недостаточно нам верна. Поэтому ты получишь сегодня правду. И наказание. Но сначала,

ответы, которые тебе нужны. Иди в зал, скоро сядем за стол.

8

Нам накрывают на стол. Я сижу между братьями и не могу смотреть ни на одного из них. Фиксирую взгляд на своей руке и вижу легкий тремор. Трясусь как осенний листик на ветру. Не знаю, от чего больше: от страха неизвестности, от предвкушения правды, или может от смущения.

Одно дело переспать с каждым, другое дело, видеть, как они делали это втроем с одной женщиной. И что-то мне подсказывает, что явно готовят и меня для такой роли.

– У тебя, кажется, вопросов пятнадцать скопилось? Шесть за те дни, и восемь я тебе подарил в нашу первую ночь, – уточняет Виктор с аппетитом доедая свою порцию ягненка.

– Разве тебе нечего спросить? – поддакивает ему Максим и смотрит на меня внимательным и чутким взглядом.

– Где Карина? – спрашиваю я осипшим голосом. К еде так и не притрагиваюсь, выпиваю немного воды, чтобы смочить горло.

– Блин, какой идиотский вопрос, – комментирует Виктор. – Карина нашла новую работу и уехала. Всё. Ты профукала свой вопрос на ответ, который и так знала.

– И что ж это за новая работа такая?! Что она сестре позвонить не может, – злюсь я.

– Это действительно твой вопрос? – уточняет Максим.

– Да!

– Хорошо. Карина всегда мечтала быть актрисой. Однако актрисой все же не стало, но актерские способности ей пригодятся на новом месте. Ее задача – развлекать мужчин. Очень состоятельных. И не только тем способом, о котором ты подумала, но и другими.

– Раньше таких называли «гетеры», – дополняет Виктор.

– «Гетера» – это проститутка, – тихо говорю я.

– Нет. Гетера – это жрица богини любви, да, она могла дарить любовь за деньги и подарки, но это не главная её услуга. Она в целом, скрашивает одиночество и дарит любовь. Не только в плане секса.

– То есть, Карина ушла в подобие элитного эскорта?

– Ну, если очень грубо, то можно сказать и так. Пока эта информации тебе хватит. Пойми ты, она жива здорова, она сама этого хотела. Она просила нас туда отправить, и мы это сделали. Всё.

– Вы сутенеры? – снова горло пересыхает так, что я не могу внятно произнести фразу.

– Нет. И неужели у тебя действительно скопились настолько тупые вопросы? – уже закипает Виктор.

– Не обижай Кристину, – встречается Максим.

– Хорошо. Вино, которое Карина заменяла при мне прямо под картиной – кто его выпивал?

– Ну наконец-то пошел интересный вопрос, – усмехается Виктор. – Как ты думаешь, кто его выпивал? Ты же погуглила кто такая Хатхор?

– Зачем? – не понимаю я.

– Я говорил, что твои намёки слишком отдалённые, – комментирует Виктор Максиму.

– Радуюсь, что не поспорили на то, поймет она или нет, – только и отвечает тот.

– Поймет – что? – уточняю я.

– Хатхор богиня чего?

– Карина сказала – богиня любви, музыки и вина. Стоп, – вдруг я понимаю. Простая и безумная мысль пронзает моё сознание. – Она специально наливала вино при мне? Это был спектакль?

– Да как ты видишь, Оля и остальные делают это в то время, когда ты не видишь. Это Карину, мы попросили сделать это именно тогда, когда ты будешь проходить мимо, буквально словить тебя и сделать это в ночь перед своим отъездом. Зайка, в этом доме ничего не происходит без нашего контроля, – заявляет Виктор, наливая себе бокал вина.

– А когда была сделана эта запись? Вы знали, что вы покажете мне её, да? – я говорю, явно больше чем хочу, но, если у нас запланирован вечер правды, лучше уж пусть признаются уже.

– Считаем за два вопроса или за один? – спрашивает ехидно Виктор Макса.

Тот брату не отвечает. Смотрит на меня.

– Да, мы сделали эту запись тогда, когда ты еще не встречалась по ночам с инкубом. Мы знали, что покажем тебе её.

Но не то, чтобы готовили её для тебя. Просто Карине нужно было уезжать и это было что-то вроде... экзамена. Вот и решили совместить полезное с приятным и добавить ещё немного полезного.

– И вы его принимали? И вы говорите, что вы не сутенеры?! – взрываюсь я.

– Нет, принимали не мы, и это скорее можно назвать дегустацией, а не экзаменом, – поправляет нас Виктор.

– Да как не вы! В комнате кроме вас никого не было! – кричу уже я.

– Спроси это.

– Что?! – закипаю я окончательно и слышу в собственном голосе истерические нотки.

– Спроси то, что ты сейчас сказала, – говорит Максим.

– В комнате, кроме вас никого... не было? – вопросительная интонация получается у меня с трудом.

– Нет, был. Ты же видела статуэтку, я специально вытащил её для тебя, привлек твоё внимание. Или ты больше засмотрелась на минет?

– Кто там был? – шепчу я.

– Я думаю, ей пора показать храм, – тихо говорит Макс и Виктор кивает.

Они встают как-то даже синхронно и выжидающе смотрят на меня. Я пью больше воды и на подкашивающихся от волнения ногах, встаю.

Ну идем через зал в библиотеку, и Виктор просто отодви-

гает один из книжных стеллажей, который двигается слишком легко. За ним оказывается дверь, он открывает ее. И мы идем по лестнице вниз.

Спускаемся на несколько пролетов. Еще одна дверь. Виктор открывает её.

Они пропускают меня вперед, чтобы я могла осмотреться в новом для себя помещении. Да это то самое что я видела на камере. Часы, та палка с наручниками, большое кожаное кресло. Но есть и то, чего я не видела – стол с несколькими статуэтками с Хатхор, её огромный портрет и снова вино.

Становится очень жарко. Не понимаю, это из-за того, что я в сыром подвале или из-за того, что я вижу то место, которое было на видео. От смущения убираю волосы за ухо. Виктор замечает это и улыбается мне. Становится еще более неловко.

– Вы хотите сказать, что комната не просматривается полностью камерой и здесь кто-то был?

– Нет, ты видела всё и понимаешь это. Для твоего же разума нужно, чтобы ты сама поняла и приняла это. Просто соотнеси все, что ты видела за последние несколько недель и ответь сама на простой и самый важный вопрос – с кем именно, договор у нашей семьи?

Я вздыхаю. Вот уж точно, на что не рассчитывала, так это на экзамен на логику и на память. Ну на самом деле ответ, пусть и безумный, но всё же крутится у меня на языке.

– Вы заключили договор с Хатхор, – выпаливаю я на од-

НОМ дыханье.

– Какая же ты умная девочка, – расплывается в улыбке Виктор. – А прикидывалась дурочкой.

– Молодец, – кивает Макс. – Теперь тебе легче понять какие вопросы задавать.

– О чем договор? – голова снова начинает кружиться, будто мой мозг спорит с моими же словами.

– Наша семья из поколения в поколение доставляет Хатхор новых жриц, – тихо произносит Виктор. – Также дает ей энергию своих домов, превращая их, по сути, в её храмы. Мы посвящаем ей жизнь, исполняем её приказы. Она в ответ одаривает нас... жизнью.

– Жизнью?

– К ней обратилась одна из наших далеких предков, договор построен на том, что Хатхор дала ей родить дитя. В дальнейшем, вся жизнь всех поколений уже держится на этом старом договоре. Если он будет нарушен, и мы не продолжим дело отца, мы просто умрем. В тот же миг, как разорвется с ней связь. Все очень просто.

– Но как это возможно? Она же египетский бог!

– Все эти древние боги... – протягивает Макс. – Можешь называть их сильными демонами или еще кем-то, в общем, они имеют неплохую власть в своих низших мирах. Но самая ценная валюта для них – человеческая энергия. В любом мифе демон готов отдать что угодно за человеческую душу, да? Но душа – это маленький генератор психической энер-

гий. И легче её не воровать сразу, а просто подкачиваться все время. Ты ничего не теряешь, сохраняешь свободу воли и немного даешь питаться богине. А она дает в ответ очень многое. Богатство нашей семьи, к примеру, это тоже одна из её наград нам как её верным слугам. Ну, точнее, нашим предкам, мы пока ещё не заступили на должность без тебя.

– Каждое поколение договаривается с ней за уже следующее поколение семьи, – продолжает Виктор. – То есть, отец договаривается с ней отдавая своих детей и делает это обычно, перед своей смертью, Хатхор является сама за луну, то есть, за месяц до смерти и сообщает о ней, даёт время решить все земные дела. А наш отец внес в договор тебя как нашу сестру. И поэтому или мы втроем или никого. И мы, как представители рода, погибаем если договор нарушить.

– Зачем он это сделал? – не понимаю я.

– Не знаю. Знаю, что, когда мы вступим в права наследства, мы должны будем получить от него, некое отеческое наставление в записке. По крайней мере, дед и прадед так делали оставляли письмо, которое передавалось при вступлении в права. Может тогда он объяснит всю свою придурь. При жизни не объяснил и потому договор не показывал. Ты не представляешь, как шокировал нас этот сюрпризец когда мы нашли договор после его смерти. Хорошо, что отец еще при жизни подключил своих юристов и они стали тебя искать.

– И почему вы так долго скрывали это от меня? Что имели

в виду, когда говорили про жён вашего отца? – я уже забываю, сколько у меня осталось вопросов и мне все равно.

– Жены нашего отца, все, кроме твоей матери – сошли с ума.

– Что?

– Хатхор является члену семьи всегда, она оберегает всю семью и имеет право общаться. Это нормально. Но она как существо, которое очень сложно... осознать, принять, и потому очень плохо действует на тех, кто не готов, – говорит Виктор и опирается на стену.

– Лицезреть бога, даже такого уровня это то, что не каждая психика выдержит. Это рушит все понимание мира. Наши предки давно поняли, что чтобы наши жены приняли Хатхор, нужно погружать их очень постепенно. Давать им принять и осознать магию, её существование и прочее. И даже при этом, не все выдерживают. Детей вообще приучают с самых малых лет, а с женами, с женщинами, у которых уже устоялось своё видение мира все иначе, – Макс садится в то самое кресло и смотрит на меня снизу вверх.

– Необходимо заставить незнакомого с детства с магией человека поверить в это всё постепенно. Он должен привыкнуть и быть максимально осознанным перед первым её появлением. Принимать её явление также как явление солнца, луны, как дождь или снег – как что-то привычное, естественное. Наши жены, матери они очень редко остаются в своем уме. Здесь нет какой-то системы, просто кто-то может вы-

держать, а кто-то нет.

– И я готова к ее появлению?

– Этого никто не знает, – пожимает плечами Макс. – Но процент тех, кто не выдержал велик. Поэтому, нам страшно, Кристина. Мы с братом действительно боимся. Но здорово, что ты сама осознала происходящее здесь, это хороший знак. Возможно, поэтому отец тебя выбрал, может он понимал, что ты выдержишь её.

– Ты уже выдержала многое. Так что, я надеюсь, что все будет хорошо, – кивает Виктор.

– И когда это нужно будет проверять?

– У нас ещё есть месяца четыре. За это время, когда-нибудь и проверим.

– И что теперь? Игра с вопросами продолжится?

– Да, постепенно будем рассказывать себе теорию магии, с которой мы работаем, но это позже, – протягивает Виктор. – Пока тебе нужно будет немного переждать пока в голове все устаканится. А еще, тебя надо наказать.

– Блин, ты серьезно? – я всплескиваю руками и злобно зыркаю на Виктора.

– Абсолютно серьезно. Ты даже не представляешь, насколько. Подойди сюда.

Ага. Он зовет меня ровно к тому месту, где висит эта палка с наручниками или как её назвать. Я туда не хочу.

– Я не хочу туда идти, – заявляю я.

– Тебя никто не спрашивает. Это наказание, а не просьба.

– И что будет, если я не послушаюсь?

– Твоя вина усилится и наказание станет хуже. Не порть свою ситуацию.

– Детский сад какой-то, – качаю я головой. – Да за что меня наказывать?!

– На самом деле претензий, у меня к тебе полно. Твоя Маша, которую ты не выгнала и чуть не погибла из-за неё. Кстати, два раза. Твоя попытка сбежать. Твои даже мысли об этом. Ну на самом деле все эти твои погрешности – это все один грех. Какой? Ты узнаешь, когда подойдешь сюда.

Оглядываюсь на Макса, будто надеюсь увидеть в нем помощь.

– Я тебе тут не поддержка, иди туда, – кивает он мне.

Предатель. Вздыхаю. Нехотя подхожу к Виктору.

– И что? – я стараюсь казаться спокойной, но он одним движением берет мои кисти рук, поднимает и быстро цепляет за эти наручники. От моего спокойствия не остается и следа.

– Боже мой! – выдыхаю я в страхе.

– Итак, наказание будет менее суровым, если ты сама поймёшь свою вину. Итак, в чем же ты виновата в первую очередь? Напоминаю: твоя попытка сбежать, твоя попытка общаться с прежней жизнью. Все это одна оплошность, одна вина. Скажи какая?

– Мне страшно, – то и могу сказать я.

– И это тоже. Что это? Почему тебе сейчас страшно, Кри-

стина?

– Потому что ты меня приковал в подвале, наверное, – язвлю я.

– А почему тебе страшно оттого, что я тебя приковал?

Что за идиотский вопрос? Перевожу взгляд с него на Макса, который также следит за нами со своего кресла.

– Потому что я... я вам не доверяю, – качаю я головой.

– Вот именно. Умничка.

– И ты хочешь, чтобы я стала тебе больше доверять, потому что ты приковывал меня? – фыркаю я. – Тут нет логики.

– Это всего лишь часть моего плана. Несколько недель мы бережем тебя. Несколько недель, мы даём тебе полный контроль. Всё у тебя спрашиваем, каждый наш жест, каждое движение, каждое касание с твоего согласия. Но при этом ты по-прежнему нас боишься. Не доверяешь, фыркаешь, козни строишь. Поэтому сейчас ты полностью теряешь любой контроль на остаток этой ночи. Ты даже видеть ничего не будешь, не то, что контролировать. Ты будешь только ощущать.

Он отходит к столу, я вижу статуэтку Хатхор и понимаю, что это от нее шел дым на видео. Подходит ко мне с маской для глаз из плотной темной ткани, будто для сна.

– И поэтому я должна тут простоять всю ночь?

– Ну если ты думаешь, что ты будешь просто стоять здесь, но ты плохо думаешь обо мне. Уж поверь, я воспользуюсь твоим беспомощным положением, – хитро усмехается он.

С этими словами, что надевает маску на меня, и я прекра-

щаю, что-либо видеть. Только темнота и приятная прохлада на веках. Жарко, страшно, руки чувствуют себя пока комфортно, еще не затекли и я без особой надежды дергаю свои наручники. Держат крепко. Я в ловушке.

– Ты помнишь тот ролик? – слышу голос Виктора у своего уха.

Черт. Я даже не услышала, как он приблизился. Теперь стоит совсем близко. По телу бегут мурашки от того, как я ощущаю его дыхание в своих волосах.

– Ну, конечно, – киваю я.

– Мы поняли с братом, что ты нам понравилась обоим сразу. А мы привыкли делиться, воспитаны так. Поэтому и придумали эту историю с соблазнением, по очереди. С этим видео. Чтобы ты сама понимала, к чему все идет. Ты ведь понимала?

– Я... – даже не знаю, что сказать. Губы пересыхают и воздуха, кажется, становится совсем мало.

– Тише, ты ничего не можешь решать. Просто чувствуй.

Виктор сжимает мне волосы и задирает голову. Мокрый язык проходится по шее дойдя до уха быстрым движением.

– Боже, – только и могу выдохнуть я.

– Будешь болтать – наденем кляп, – слышу голос Макса, он спереди, но явно близко ко мне. Решил не наблюдать, а быть активным участником.

Его рука оказывается у меня на талии, нежно гладит меня. Вторая касается моего лица, проходится по приоткры-

тым губам. В это время руки Виктора уже залезли под майку, отодвинули лифчик и начинают сильно мять мне грудь.

– Вкусненькая ты, какая же ты вкусненькая, – шепчет он.

Поцелуй, спокойный, уверенный, требовательный. Наверняка Максима, пока Виктор продолжает целовать и покусывать мне шею отчего приятные мурашки заставляют извиваться моё тело.

Чувствую тепло сразу двух тел мужчин. Одного сзади, другого спереди. Их дыхание неровное и очень горячее, их руки... Я уже путаюсь в том, кто и с какой стороны меня ласкает, будто тону в сладком и вязком озере.

Воздух в комнате накаляется до предела в легких становится горячо.

– М-мальчики, – хныкаю я, когда чьи-то руки начинают снимать с меня брюки.

– Может реально ей кляп вставить? – спрашивает Виктор, понимаю, что он уже спереди, видимо поменялся с братом местами, а я даже не заметила.

– Вставить успеешь, а вот кляп не надо, – отзывается Макс. – Мне вот очень нравятся эти звуки.

Брюки падают с меня и руки Виктора обхватывают попку, сжимают. Он слегка прикусывает мне бедро.

– А вот верх придется разорвать, – шепчет Макс, и я слышу треск своей одежды. Чувство свободы, и я понимаю, что лифчик постигла та же судьба. Легкая прохлада показывает мне, что я уже обнажена сверху. Снова руки на груди, но уже

Максима.

Он придерживает мои соски между пальцами, чуть сжимает отчего я могу только откинуться ему на плечи с тихим стоном.

– Какая же она красивая... прекрасная, – говорит Макс, и я понимаю, что не мне.

Виктор молчит. Целует мне бедра, ноги, доходит до ткани трусиков и отодвигает их. Макс заставляет меня чуть присесть и впивается в губы поцелуем, пока там внизу языком и пальцами меня ласкает Виктор.

Я не могу ничего говорить вразумительного или как-то отвечать на ласки, только мычать в рот Максима и двигать бедрами инстинктивно. Из головы исчезли какие-то либо разумные мысли. Все застила одна похоть. Безумное желание и больше ничего.

– Хочу её сверху, – говорит Виктор, отрываясь от низа моего живота и поднимаясь дорожкой поцелуев по моему телу. Макс отпускает мою голову и разрывает поцелуй, только чтобы Виктор впился мне в губы.

Я понимаю, что палку, висящую на потолке, снял Макс, и придерживает её так, чтобы я могла сесть. Виктор увлекает меня в поцелуе и быстро сажает на себя.

Все происходит так слажено и гладко, и я оказываюсь уже насаженной на член Виктора. Он заполняет меня полностью. Как же приятно, удовольствие разливается по телу и начинаю двигаться в известном, древнем танце любви.

Но получаю сильный шлепок по заднице и замираю.

– Больно! – возмущаюсь я.

– А чего ты дергаешься? Раскомандовалась тут. Наказание еще действует, у тебя нет контроля ни над чем, – хмыкает Виктор и хватает меня за талию придерживая на весу и двигается сам, будто накачивая меня снизу.

Я только задираю голову и уже не стону, а кричу от резкого, почти болезненного удовольствия. Это чувство, когда кажется, что чуть быстрее, чуть больше, чуть сильнее и уже будет больно, но Виктор как-то магически умудряется держать меня на грани наслаждения, разрывающего изнутри.

Волосы снова становятся рычагом что двигают мою голову вверх, и в губы впивается Макс.

– Она почти кончает, – шепчет он, когда отстраняется.

Виктор молча останавливается. Я обиженно скулю, но понимаю, что двигаться нельзя. Очередная дурацкая игра от сводных братиков, но правила этой мне извращенно нравятся. Я, наверное, такая же чокнутая, как и они.

– Ну, пожалуйста, – взмаливаюсь я.

Я не вижу взгляда Виктора или Макса, но движение ладони Виктора по моему телу такое мягкое и нежное, что я представляю эту же мягкость в его взгляде.

– Мне кажется, я в тебя влюбляюсь, – слышу его шепот.

Он снова начинает двигаться в бешеном темпе, и я ловлю накрывающее удовольствие. Вдруг, мою голову хватают и прижимают губами к чему-то очень теплomu. Макс.

– Открой рот, – один его приказ и я слушаюсь. Открываю так широко, чтобы вобрать в себя весь его член.

Проявить какие-то техники мне особо не дают. Макс просто имеет меня в рот, держа крепко мою голову пока Виктор трахает снизу. Я могу только орать, но член во рту не дает.

– Вот это лучший звук, – говорит Макс.

В такой позе мы трахаемся недолго. Я все-таки ощущаю волну оргазма и в панике кричу, чтоб случайно не сжать член Макса зубами, он каким-то образом отличает этот мой крик от крика удовольствия. Отпускает мою голову, и я кричу от судороги наслаждения.

Так жаль, что не вижу лица Виктора. Не знаю, как он реагирует на мой вид. Но только чувствую его нежное поглаживание моей щеки. Мокрой от пота и моих слюней и наверняка полностью потекшей косметики, но при этом, почему-то вызывающей у него нежность.

– Девочка моя, – говорит он.

– Я хочу её, полностью, – слышу тихий шепот Макса, похожий на рычание.

– Сейчас, – Виктор послушно прижимает меня к себе. Обнимает, придерживая.

– Я... я не уверена, – начинаю я, но меня прерывает поцелуй Виктора.

– Все будет хорошо, не бойся, – шепчет Макс подготавливая меня пальцами. – Доверяй же нам!

– Мы знали, что первым сзади в тебя войдет он. Он неж-

ный, я не могу быть таким, особенно с тобой. Ты меня с ума сводишь, Кристина, – говорит Виктор.

Кто кого сводит с ума это еще вопрос.

Сначала Макс хватает меня за плечо, потом входит осторожно. Виктор сжимает мне грудь и шепчет на ухо успокаивающие слова. Я просто безвольно прижимаюсь к его плечу, чувствую, как он снова целует мне шею. Максим входит полностью, ложится на меня и целует в шею с другой стороны.

Я зажата между ними, чувствую, как их члены внутри меня двигаются, медленно доставляя наслаждение опять на грани с болью. Они чувствуют меня так точно, что я бы не удивилась, если бы это был бы инкуб. Они понимают в какой момент можно двигаться немного быстрее, когда снова поцеловать, сжать, успокоить.

Мы разгоняемся до какой-то дикой скачки через несколько минут подготовки. Меня распирают острые, яркие чувства, похожих на которые я никогда не испытывала. Кроме физического удовольствия, еще и психологическое удовольствие от того, что я дарю удовольствие им обоим. Что они оба со мной.

Второй раз мой оргазм не оттягивают, я в столах, переходящих в крик и плач захлебываюсь и кончаю под нежные поцелуи моих мужчин. Они целуют невпопад, то губы, то шею, плечи, спину. Я уже забываю кто и где. Просто растворяюсь в них и превращаюсь в одно большое удовольствие.

Дальнейшее я плохо понимаю. Судя по звукам, мальчики

заканчивают вслед за мной, снова целуют.

– Мне в жизни так много не целовали, – произношу я, пока кто-то снимает с меня наручники.

Снимают повязку с глаз и первым я вижу лицо Макса.

– Я буду всегда тебя целовать, – говорит он со всей серьезностью.

В глазах его вижу такое безумие, будто они стали темными от страсти.

Виктор молчит, целует мне плечо и одним движением подхватывает на руки. Меня куда-то несут, кладут на постель и ложатся спать рядом со мной.

Я проваливаюсь в глубокий сон.

– *Кристина!*

Просыпаюсь, когда мальчики еще спят. За окном вижу, что солнце еще даже не встало. Кто же может меня звать-то?

– *Кристина!*

Голос точно женский. Но я такой не слышала. Это не Ольга, и слышен странно, будто опять из меня идет, но не мой.

Встаю осторожно, и не сдерживаю себя, чтоб чмокнуть обоих мужчин в сильные плечи.

– Иди спать, а то отымею, – сонно угрожает Виктор.

– Ты можешь угрожать не чем-то, чего я хочу? – кокетливо интересуюсь я. Он не отвечает, я с грустью понимаю, что он все-таки дрыхнет.

– *Кристина!*

Нет, не из меня. Он прямо отражается от стен и бьет мне по перепонкам. Удивляюсь, как мужчины не проснулись. Выскальзываю из спальни, быстро голышом добегаю до своей спальни, надеваю живенько легкий шелковый халат.

– *КРИСТИНА!*

Кричит уже кто-то. Приду, скажу пару ласковых за то, что разбудило.

Иду на звук. Он снизу. Иду вниз, прохожу мимо зала. Библиотека. Стою у стеллажа, что двигал Виктор.

– *КРИСТИНА!*

– Иду, блин, себе поори на ухо! – кричу я. Отодвигаю стеллаж и понимаю, что секрет был в небольших, едва заметных рельсах. Открываю дверь, иду вниз и дохожу до «храма». Но когда открываю туда дверь, в глаза бьет яркий, неожиданный свет.

Когда глаза привыкают, я вижу, что нахожусь в коридоре, будто состоящем из золота, настолько все ярко, блестяще.

– Приветствую, – вежливо улыбается мужчина, меняющий лица с Виктора на Макса.

– Э. Нет, я удовлетворена и верна им, так что от твоих услуг отказываюсь, – заявляю я инкубу и качаю головой, на всякий случай.

– Ну что ты, милая? Ты принадлежишь им, они убьют меня если я посягну на тебя.

– Ты бестелесный же? – напоминаю я.

– Не уверен, что их это остановит, – отвечает инкуб, за-

думавшись немного в образе Макса. – Тебя ждет моя повелительница.

Сначала я не понимаю о ком он, но хватает пары секунд. Хатхор. Она зовет меня.

– Ты уверен, что я... могу? – осторожно спрашиваю я.

– Я уверен в том, что она зовет вас для беседы. Прошу, – он показывает рукой мне на конец коридора, в котором видно большую красную дверь.

Иду по длинному коридору и касаюсь красной двери с золотыми узорами. Надавливаю на холодную ручку и захожу.

У меня встречает огромный зал в белых тонах с красной мягкой мебелью. Очень много элементов декора, ваз, картин. От всего избытка красоты и роскоши кружится голова.

Венчают картину золотистые узоры на стенах, потолке и мебели, будто во все это красно-белое вторглись золотые змеи и застыли.

В центре зала даже есть небольшой квадратный бассейн наполненный чем-то белым, будто молоком, но проверять я не решаюсь. А впереди на высоком троне сидит женщина в белом одеянии с золотой короной и рогами словно у коровы.

– Вы меня извините, – немного заикаясь говорю я. – Я никогда не встречалась с такими существами, как вы. Я должна вам поклониться?

– Ты чувствуешь в этом необходимость? – спрашивает женщина, и её голос звучит эхом по всему помещению. Он оказывается мягкий, тихим, хотя на вид ей будто бы тридцать с небольшим, но голос звучит откровенно старчески.

– Не знаю.

– Тогда решишь, если почувствуешь её. Сядь. – она лениво двигает кистью.

Центр зала мгновенно меняется. Просто в секунду вместо

бассейна, там оказывается высокий небольшой стол и два таких же высоких стула. Я сажусь на один из них, женщина легко ступает со своего места и медленно садится напротив меня. На небольшом столе появляются фигурки будто для игры в шашки.

– Мы должны играть? – спрашиваю я.

– Если захочешь, – ухмыляется богиня.

Я понимаю, что не умею играть и просто качаю головой.

– Зачем вы меня позвали? Вы что-то хотите сказать дать мне какое-то испытание или...?

– Я позвала тебя, потому что ты скоро станешь одной из моих наместниц на земле. А таких немного. Жрицы не в счет, самый важный для человек – наместник. Он как куратор следит за жрицами, управляет их, находит новых. Он обладает магией. Это большая ответственность, девочка. О чем ты думаешь?

Вопрос кажется таким неожиданным, хотя и логичным, вроде как. Я решаю не врать, если она находится в моем сне, или вернее создала его. Если ею подчиненный инкуб может рыться в моей голове, то врать ей – глупо. Скорее всего и вопросы она задает так, из вежливости, чтоб не говорить монологом.

– Братья говорили, что вы... Что если слишком рано встретиться с вами, то можно сойти с ума. И я этого боюсь.

– Ты чувствуешь себя безумной? – спрашивает спокойно.

– Отчасти да. Но не от того, что мы с вами здесь сидим.

Мне кажется, я давно с ума схожу от того, что происходит вокруг. Ну... я не привыкла.

– Привыкаешь, люди привыкают и не к такому, и ты привыкнешь. А братья... у них есть недостаток. Ужасный, но и прекрасный одновременно – они мужчины. И ни один мужчина из моих наместников так и не понял главного: их жены сходили с ума не от того, что их не готовили ко встрече ко мне.

– А почему же? – удивляюсь я.

– Они же говорили тебе о сделке? О том, как этот род стал моим?

Не уверена, что она умеет держать нить беседы, но она – богиня. Так что хрен с ним, буду играть по её правилам. Киваю.

– Я вскормила то первое дитя, их древнего предка своим молоком. С тех пор в их крови есть часть крови древней богини. Я жила на земле тогда, когда Нил только разливался по земле. Это огромная сила и держится она много поколений. Вот поэтому они могут видеть меня и говорить со мной, не выполняя различные правила. А вот их жены не могут.

– Всему виной гены? Но кто-то же мог вас видеть, они же говорили, что получалось...

– Я сказала тебе. Это было не потому, что нужно было готовить их разум. Нужно было готовить их сердца ко встрече со мной. И кто-то случайно, но уже был готов, а кто-то нет. Мне жаль их. Но я никогда не заявлялась сама, если не была

уверена. Они сами лезли ко мне.

– Если вы пришли ко мне, значит, я-то готова?

– Твоё сердце этой ночью было готово.

– А как это? Почему так получалось?

– Я богиня любви, милая, но та энергия слишком сильна для многих женщин и мужчин. И не каждый возвращает её в себе, многие наоборот – губят. Не переживай, я понимала, что ты быстро сможешь говорить со мной. Не зря же я тебя избрала.

– Это сделали вы? Я была уверена, что это их отец.

– Братья так думают. Не будем мешать им заблуждаться, – усмехается женщина какой-то хитрой улыбкой. С такой мамы слушают рассказы своих детей о том, что у Дед Мороза глаза были похожи на папины.

– То есть вы заставили их отца составить этот договор... чтобы вызвать меня?

– Не совсем. Я сказала, что от него власть перейдет только к трем – братьям и тебе. Или никак. А уж как он это составит меня особо не заботит. Бумажки, договоры, это мужские игрушки, – как-то в руках у богини материализуется бокал с красной жидкостью, и она выпивает его до дна.

– Но зачем?

– За этим я и позвала тебя. Ты должна понимать. Их род единственный из мною сотворенных, кто до сих пор мне служит и вообще выжил. Но они прокляты, так что в роду рождаются только мужчины, и договор приходится заключать с

ними. Отец за сына, потом сыновья за внуков, те за правнуков и так до бесконечности.

– Прокляты, – я даже не спрашиваю, просто повторяю дурацким эхом.

– Их проклял Сет, ты видела его облик.

– Ага... а он же бог войны?

– Он бог хаоса. Милая, наш мир состоит из двух энергии. Жизни и смерти, хаоса и порядка, разрушения и создания, любви и ненависти. И каждая человеческая душа творит либо одну, либо другую. Люди живут на двух энергиях. Когда вам нужно защищаться вы живете на тьме, когда вы занимаетесь любовью – вы живете на любви. Вы обладаете еще и редчайшей способностью – ваши души создают эту энергию вокруг вас. И только боги живут на одной. Боги, как и демоны и все остальные невидимые существа этого мира питаются от людей. Мы не можем без вас, без ваших душ.

– Вы все энергетические вампиры? – Я сначала спрашиваю, а потом вдруг понимаю, что то, что я сказала, наверное, унижает её статус богини. Но Хатхор не обижается, а просто пожимает плечами.

– Называй это как хочешь. Сделка простая – вы творите энергию, даете ею нам, а мы взамен даем вам что-то другое. Мы творим магию, мы делимся знаниями и мудростью, мы спасаем ваши жизни. И я богиня любви. Моя сделка, мое служение всегда связано только с любовью.

– А Сет бог разрушения, – шепчу я.

– Верно. Загон людей очень маленький. Вас немного, и большинство не хочет служить богам. Мы сражаемся за людей, за каждую душу, за каждого верного слугу. Сет проклял род моих приспешников потому, что мужчины они... ближе к войне чем к любви. И так было испокон веков. Мы женщины создаем любовь, вдохновляем, рожаем, жертвуем. Это наша сила. И Сет знал, что рано или поздно, мужчины, что будут получать от меня власть станут воинами его идей. Сначала все было нормально, но с каждым новым поколением они становились все более жестокими. Когда я ощутила энергию этого, нового поколения я поняла, что в них слишком много тьмы. Они больше не могут быть моими заместителями.

– Но почему? Они вроде бы не убийцы, не злодеи. Они хорошие люди, я знаю это.

– Ты не всё знаешь. И это хорошо. Но в них слишком много жестокости, в том числе той, которую они оправдывают высокими чувствами. Любовью друг к другу, или к тебе, или к отцу. А это то, чего я не могу выносить.

Я не совсем понимаю её слов.

– Это типа большой грех если оправдываться?

– Нет, это то, через что я прошла сама.

– О чем вы?

Она немного откидывается на стуле и поднимает голову, будто погружаясь в мысли и воспоминания.

– Однажды, когда миром правили те боги, о которых ты, наверное, даже не слышала. Моего отца пытались сместить

с трона люди. И мой отец попросил меня ему помочь. Я так разозлилась на этих неблагодарных тварей, потому что отец всегда следил за солнцем, так заботился о том, чтобы им было тепло, чтобы у них был урожай, он тратил столько сил на это, всю энергию что получал от них от тратил на них же. Он был апостолом любви. Это сейчас солнце греет вас без всякой помощи, но тогда оно бывает слишком. Холодным и люди не могли выращивать урожай. Только с его появлением люди смогли наконец-то заниматься земледелием. И чем отблагодарили? Попытались его убить. И тогда, чтобы спасти его, я приняла в себя тьму – совсем немного. Но этого хватило мне, чтобы стать богиней хаоса Сехмет. Я была чудовищем с головой львицы. Как ты думаешь, почему мне дают все время красного вина?

– Ну вы богиня алкоголя. Секс-наркотики-рокн-ролл, как мне однажды про вас сказали... – Господи, что я несу?

– Нет, я не богиня алкоголя. Это напоминание. Когда я стала чудовищем, я чуть не истребила весь человеческий род. Мой отец молил меня о том, чтобы я пощадила людей, но тьма слишком захватила меня. Она всегда так действует. Как змеиный яд – медленно и неумолимо туманит рассудок, и ты не отвечаешь сам за себя. Как я и сказала, бог живет только на одной энергии. И я стала жить на энергии тьмы. Мой отец вместе с другими богами придумали, как меня излечить. Они разлили по земле красный хмель. Я подумала, что эта кровь и выпила. Оказалось, это был алкоголь. Я за-

хмелела, успокоилась и отец своей любовью, смог вернуть меня в прежнее состояние. А люди приносили мне вино в моих храмы, чтобы я пила его. Чтобы я помнила то время, когда поддалась тьме, ради спасения отца и стала чудовищем, что лишало других детей их отцов. Как любила человеческую кровь. Как ты думаешь? Что дает больше всего энергии любви, из того, что делает человек?

– Секс? Ну это сексуальная энергия, магическая, все такое. Я слышала, да и зачатие новой жизни, кровь девственниц.

– Он дает энергию любви да, много, но это один её уровень Секс – это легко. Есть самый сложный, и самый мощный уровень, там, где человек творит то, на что не всякий бог способен. В ваших, современных религиях много об этом говорят. Ну же, Кристина?

Я не знаю, что ей ответить. На языке вертится ответ, но он кажется мне глупым.

– Ну же? – поднимает она голос.

– Прощение, – отскакивает у меня от зубов. – Прощать сложно.

– Верно, – она снова улыбается. – Прощать сложно, как и того, кого ты ненавидишь так и того, кого любишь. И второе сложнее вдвойне. Тем более в прощении есть истинная любовь, ведь только так можно увидеть и принять человека со всеми его злейшими пороками. А теперь вспомни своих мужчин и скажи мне – умеют ли они прощать?

Я задумываюсь, Макс возможно да, а вот Виктор... он сначала пришьет, а потом простит за испорченную от крови врага рубашку.

– Не знаю, думаю нет.

– Верно. Не умеют, но, кроме этого, в них слишком много зла, я знала, если они вдвоем обретут единую силу как мои наместники – они используют её во тьму. А мне нельзя этого допустить. Если наместники начнут творить темные дела, они могут возродить Сехмет. Мою темную сторону, ту, кого так жаждет вернуть Сет уже многие тысячелетия. Я не позволю этому случиться.

– Если вы не дадите им силу, они же умрут, ведь так?

– Я сделала всё, чтобы этого не пришлось делать. Поэтому, им нужна ты. И поэтому, тебя пытался опорочить Сет. Ты не погибла от рук его слуг, но ты бы никогда больше не смогла бы любить и прощать. Их задача – лишить тебя этого света. Потому что только ты, можешь спасти моих наместников.

– Я не настолько добрый человек, чтобы исправить сразу двоих мужчин и превратить их в ангелов. Мне кажется, это я скорее рядом с ними становлюсь демоном...

– Дело не в добре. Тебе очень много любви, но самое главное – ты вызываешь любовь у них. Нежность, самопожертвование и прощение. Ты не помнишь, но, когда ты жила с ними еще ребенком, они защищали тебя. Им так не хватало сестры, подруги или матери. Женщины и поэтому они замы-

кались в себе, но, когда появляешься ты в их жизни, они будто расцветают. Но испытания еще не закончены. Кристина, есть сотни вариантов конца этой партии и не во всех из них, ты или братья выживают. Тебе предстоят испытания, я сделаю всё, чтобы тебе пришлось познать любовь в самом истинном её пониманий. Тебе будет больно и страшно. Но награда будет велика. И перед тем, как отпустить тебя, я должна дать одно наставление, которое спасет тебя. Одну путеводную нить.

Если начало беседы мне нравилось, то с каждым новым её словом становилось все более не по себе. Страшно оттого, что она, великая богиня готовит мне испытания. Это похуже игр в вопрос-ответ от братьев. Гораздо хуже.

– И что же за путеводная нить?

– Любовь, как это не банально. Чтобы быть моей наместницей, каждый свой выбор делай с одной мыслью – как мне поступить из любви? Если сможет делать это искренне – ты выживешь. Тебе пора. Твои мужчины скоро проснутся.

Резко отодвигаю стул и его ножки скрипят по полу.

– Спасибо вам! – говорю я.

Не знаю, что и чувствовать, хочется почему-то упасть ей в ноги, поклониться. Но она великодушно позволяет мне смотреть на себя сверху вниз.

– Ещё не за что, – кивает она и слегка щелкает пальцами. Я чувствую, как резко начинает кружиться голова. Ноги едва не подкашиваются

– Это что, что это? – я хватаюсь за стул, чтобы не упасть.

– Магия. Теперь ты посвящена. Братья могут начать учить тебя своему ремеслу по-настоящему. Вести в мои храмы.

– Спасибо, – только и могу сказать я и просыпаюсь...

Оказываюсь, на удивлении в знакомом месте, в той же спальне, откуда вышла на зов Хатхор.

Кажется, я так и не вставала из неё. Вальяжно раскинувшееся сопящее мне в затылок тело Виктора это только подтверждает.

А может, и встречи никакой не было?

Нет, что-то изменилось. Я будто наполнена чем-то. Магией.

Магия это лишь преобразование энергии в то, что я хочу, верно? Значит я сейчас хочу зажечь огонь на кончиках моих пальцев. На указательном.

Как от зажигалки легкое пламя сразу же появляется чуть выше от подушечки пальца. Я укладываюсь поудобнее, переносу пламя с одного пальца на другой и люблюсь этим. Наслаждаюсь.

– Что это блин такое?! – слышу громкий шепот Виктора. Проснулся таки. Не то от моих шевелений, не то от собственной интуиции.

– Это магия, – улыбаюсь я ему. – Я виделась ночью с Хатхор. Я посвящена.

– Это шутка?

Качаю головой.

– Блин. Черт! МАКС! – орет он и Макс недовольно поднимает голову, глядя на нас сонным лицом.

– Она общалась с Хатхор. Она посвящена, она, блин, колдует!

– Шутите что-ли?

– Ой, да вы ни грамма ни родственники, – хихикаю я.

– Вы чё серьезно? – бубнит Макс снова, и я вижу, как он резко просыпается.

– Да, я теперь настоящая ведьма! – я кладу голову на подушку и снова играю с пламенем, смотрю снизу на двух сонных мужчин, которые пытаются осознать ситуацию.

– А может она того? – вдруг уточняет Виктор.

– Не, Хатхор бы не дала ей силу. Получается, что это правда, она прошла испытание богиней, – бурчит Макс.

Парни молчат, но вдруг Виктор меня резко прижимает к кровати. От неожиданности я визжу и смотрю на его нависшее надо мной лицо.

– Да я тебя сейчас расцелую всю!

Меня давит истеричный смех от этой угрозы, но Виктор не шутит, исполняет угрозу целуя шею, щеки, виски. Я в ответ могу только хихикать, и лениво брыкаться ногами пока он исполняет свою угрозу целуя в шею, щеки, виски.

– Щекотно-щекотно, – возмущаюсь я.

Истеричный смех быстро сменяется другим чувством, когда чувствую руку Макса на своей ноге, точнее уже на нежнейшей коже внутренней стороны бедра. Да, мы то голые в

одной постели, и вчера, это все казалось классным сном, а сегодня... Сегодня, когда это происходит утром, и я вижу, чувствую два абсолютно обнаженных, горячих тела, и мне кажется, что они снова взяли меня в плен. Я понимаю, что теперь это всерьез. Это не полузабытый сон – это по-настоящему.

– Ребята, я... ну, что вы творите-то?

– Мы празднуем, – заявляет Макс и целует шею с другой стороны. Проходится рукой по ключице, доходит под одеялом до мягкой небольшой груди и нежно сминает её.

Я оказываюсь прижата к постели, а парни губами, языками и руками изучают каждый миллиметр моего тела. Закрываю глаза и уже не осознаю, с какой кто стороны и что сейчас делает. Гладят по животу, нежно посасывают твердые и острые соски, чуть сжимают горло, целуют талию, ребра. Когда уже медленно проникают в меня пальцами и начинают двигаться я окончательно теряюсь в тумане похоти. Сама могу только неосознанно обнимать моих мужчин, гладить по щекам, плечам.

– Ну что? Как сегодня её танцуем? – спрашивает у Макса Виктор.

Меня нежно переключают набок, и я просто подчиняюсь. Виктор продолжает ласкать пальцами мою жаждущую плоть, пока Макс оказывается сзади. Несколько секунд и умелые пальцы сменяются уже твердым, теплым членом. Он проникает в меня очень медленно чтобы я изнывала от же-

лания с одной стороны его ускорить, а с другой продлить это сладкое томление.

Я не вижу, как меняется моё лицо, но замечаю Виктора, который будто любит меня. Касается пальцами моих губ, чуть приоткрывает. Я чувствую, как Макс сзади начинает двигаться быстрее, как целует мне плечи, спину, сжимает грудь.

Моё дыхание сбивается, я слегка постанываю от накативших ощущений и при этом, неотрывно смотрю Виктору в глаза. Лезу под одеяло и хватаю его вставший член. Сжимаю, двигаю рукой в ритм с тем, как меня имеет его брат.

– Ты знаешь, что делать, киска, – шепчет Виктор.

Да, я знаю. Он немного меняет позу предоставляя мне возможность ласкать его член ртом. Насаживаюсь как могу, лижу, посасываю, подгоняемая участившимся ритмом Макса.

В какой-то момент, осознаю, что не хватает мне больше контроля. Макс осторожно меняет позу, не выходя из меня и мы уже сидим. Виктор встает над нами.

– Киска, просто расслабь ротик.

Я глядя ему в глаза, послушно расслабляю губы, показывая, что готова и жду его. Я выгляжу сейчас максимально развратно и пошло, но я знаю, что это, что обожает Виктор.

– Ты моя шлюшка. Тебе же так нравится, да? – с этими словами он чуть сжимает мне лицо.

– Она наша королева, а не шлюха, – поправляет его Макс

в этот момент войдя как можно глубже. Я не имею сил ответить, а только стону, надеясь угнаться за маячившим на горизонте оргазмом.

– Одно другому не мешает, она королева, шлюшка и главное, она наша, – отвечает Виктор. – Отдай мне её.

Макс послушно выходит из меня, его томительная ласковость резко сменяется тем, как Виктор сжимает мне волосы. Быстро засовывает свой член мне в рот и имеет в несколько движений. Просто для проформы. Потому что через несколько секунд он заставляет меня лечь на живот, и он прижимает меня сильнее.

– Мальчики, – то и могу простонать я.

Виктор прижимает меня к кровати ногами. Резко проникает и будто одним движением достает до самой матки. Я извиваюсь от острого чувства, задираю голову чтобы встретится уже с Максом.

– Давай, зайка, сделай нам приятно, – шепчет Виктор мне на ухо, продолжая держать меня за волосы. – Расслабь ротик.

Я послушно расслабляю рот, уже готовясь принять в его член Макса. Тот гладит меня по голове.

– Тебе хорошо? – спрашивает он.

Я могу только двигаться в ответ безумному темпу Виктора, сжимать простыни и кивать, задыхаясь от собственных стонов.

– Да выеби её уже, она сама хочет, – говорит Виктор и Макс кивает. Берет меня на голову и вводит в рот свой орган.

Мы быстро входим в безумный ритм, задаваемый Виктором. Я хватаюсь руками за задницу Макса, чтобы удержаться и просто двигаю головой в темп того, как меня трахает Виктор.

Макс гладит меня по голове, пока его брат неожиданно раздает мне пару звонких шлепков по заднице. Отчего я рефлекторно двигаюсь, и насаживаясь на него еще сильнее.

Я просто позволяю им играть с моим телом, как они хотят. Я их королева и их же шлюшка. Все просто, ведь одному нужна королева и даю ему её, а второму нужна шлюшка и даю её ему. Будет нужна девственница, которая боится члена, заботливая мать или отшельница – я дам им любую роль. И не буду притворяться, просто стану той, кто им нужна.

У меня и сейчас полно ролей – я их порочная сводная сестра, их ученица, их соперница за наследство, их любовница. Я всё для них, а они сейчас – всё для меня.

Первой кончаю снова я. А мальчики делают всё, чтобы ощутить мой оргазм. Я хочу опять отстранить голову от Макса, но тот мне не дает и прижимает мою голову сильнее к себе. Я кричу, но мой крик заглушается и Макс задирает голову слегка порывивая от удовольствия.

В это же время в меня сильнее входит Виктор, застывает оттого, как мои мышцы зажимают его член.

– Блядь, – слышу его стон.

Он резко выходит из меня и кончает, чувствую, как его сперма разливается по моей спине. Как знак, символ что я

принадлежу ему.

Следом мою голову отпускает Макс. Я чуть приподнимаюсь чтобы сесть, и он кончает на мою грудь, как второй символ принадлежности. Я же не обижаюсь, а кайфую только от того, что дала им испытать такое удовольствие и оттого, что я принадлежу им. А это значит, что и они мне.

В голову лезут пошлые, розовые и глупые слова и признания. Которые я решаю не произносить пока. Наверное, есть небольшой страх оказаться глупой в глазах моих мужчин. Макс подсаживается ко мне и дарит нежнейший, ласковый поцелуй.

– Спасибо тебе, солнышко, – шепчет он.

Я могу только глупо улыбнуться. Виктор же сзади накрывает меня полотенцем и обнимает. Молчит. Я тоже молчу, слушая, как у мужчин выправляется дыхание, готова даже провалиться в легкий сон в такой позе, в таком тепле.

– Мы сегодня поедem в ресторан самый крутой в городе. Мы будем праздновать то, что мы вместе. Что тебя приняла Хатхор. А завтра мы едем с тобой учиться, хорошо? – говорит Макс тихо, будто чтобы не нарушить нашу атмосферу.

– Конечно, – киваю я.

Вечером я надеваю лучшее платье из недавно купленных, черное с блестками и высоким разрезом. Классические каблучки. Когда я спускаюсь в зал, нахожу их, но они меня еще не замечают.

– Не знаю, получится ли... – говорит Виктор неуверенно.

– Смысл в том, что она вообще ничего не заподозрит и не поймет. Она просто не узнает, – горячо шепчет Макс.

– Ребята! – я зову их, и они оглядываются. Выглядят слегка встревоженно.

– Все нормально? – спрашиваю я.

– Бизнес, – отвечает Макс. – Есть неотлагательные дела, но всё хорошо.

– Ладно, – мямлю я. Почему-то становится неудобно. Но нет, подозревать их ни в чем я не буду. Я же... кажется, я люблю их, а они, кажется, любят меня. Как говорила Хатхор – везде выбирать только любовь. И я выбираю любовь.

– Мы идем?

– Забыл сказать, ты выглядишь превосходно.

– Спасибо, – улыбаюсь я, и дарю поцелуй обоим мужчинам по очереди.

– Пошли, – кивает Виктор.

Мы выходим в свет втроем, я в центре и под обе руки держу мужчин. Не знаю почему, но наш вид и моё платье навевают мне серебряный век. Не хватает шляпки, черной подводки для глаз и мундштука с сигаретой.

Эта же ассоциация сохраняется и когда мы садимся за ужин в заведение, которое оказывается джаз-клубом. Оформление в теплых тонах, свет падает на столы из софитов, придавая ощущение концерта и музыканты, что готовят на сцене аппаратуру.

– Каждый день концерты, сегодня будет саксофонист из Америки.

– Оу, какой восторг, – я наиграно кручу головой.

– Джаз – это великая музыка, – серьезно говорит мне Макс.

– Она скучная, – отвечает Виктор. – Но ради тебя я терплю. Один раз тут была такая симпатичная мулатка, кстати русская. Но предки у нее обладали отличным чувством ритма, музыкальностью ей это передалось. Она очень ритмична была и с отменной попкой. Я её прямо в туалете здесь и... – Вдруг, он ловит мой взгляд и резко тушует. – Прости, я идиот.

– Да ладно, – я машу рукой. – Я понимаю, что у вас были другие женщины до меня. Это нормально.

Нам приносят меню, и мы замолкаем на неудобную тему. Только когда официант уходит Максим вдруг продолжает наш диалог.

– У нас были женщины и много, наверное, даже очень. Но ты затмила их всех.

– Не думаю, что могу затмить известную джазовую певицу, красивую мулатку с отменной попкой, но звучит мило, – улыбаюсь я, хотя понимаю, что улыбка может выглядеть грустной. Пытаюсь углубиться в изучение меню.

– Нет, ты не понимаешь. Ты действительно другая, особенная, – говорит он тихо. – Я пока не могу объяснить в чем именно, но ты... ты не одна из них, из обычных женщин.

– Я отойду ненадолго, – произносит Виктор.

– Да, а я поздравляюсь тут с приятелем. Не скучай, милая, – говорит Макс.

Они оба покидают меня. Я изучаю меню, стараясь не смотреть на пугающие цены, больше похожие на код товара, а никак не на цену. Настолько углубляюсь в это, что замечаю, что кто-то сел рядом со мной не сразу. А когда поднимаю глаза то дергаюсь от неожиданности.

Рядом со мной в костюме сидит Олег. Слуга Сета.

Тот, кого я надеялась, больше никогда не увидеть.

– Чего ты от меня хочешь? – я решаю не быть вежливой девочкой. Да и с чего мне с ним-то церемониться?

– Твоя богиня не сообщила тебе о пакте? – спрашивает он, прекрасно понимая ответ. Приходится продолжать наш дурацкий, и пока предсказуемый диалог.

– О каком еще пакте? – говорю я скучающе.

– После инициации, когда ты обретаешь силу, ты должна заключить пакт с представителем противоположной стороны. Узнать правила игры, так сказать.

– Ты, блядь, хотел меня убить! – взрываюсь я. – Я не собираюсь с тобой ни о чем договариваться.

– Я исполнял приказ, и я бы не убил тебя. Не та была задача. А вот Машу... возможно. Где она, кстати? На телефон не отвечает, в инете не доступна. С ней все нормально?

Забеспокоился, уродец.

– В жопу иди со своими вопросами, – я сначала говорю, а потом осекаюсь. Все-таки он сильный, злобный, а мальчики мои далеко. Да, мы в общественном месте, но он разве не захочет мне отомстить за оскорбления?

Почему-то я почувствовав себя слишком вольготно только от того, что сплю с братьями. Надо брать себя в руки.

– И это говорит представительница светлой стороны. Ай-ай-ай, – цокает он языком.

– Как мне объяснить тебе, чтобы ты убирался отсюда? На каком языке?

– Нам нужно заключить пакт. Это нормально, когда-нибудь тебе, нужно будет заключить пакт с наместником Сета. Твои соратники тоже это делали. Это нормальная частая практика.

Не отвянет же, козлина.

– Что мне нужно делать? – вздыхаю я.

– Запомнить правила, которые я тебе расскажу. Согласиться с ними и всё.

– Валяй, что за правила?

– Хоть мы и противоборствующие стороны, но мы не можем причинить вред жрецам наших богов. Ни ты нашим, ни я, или мои соратники – вашим. Второе – ни жрецы, ни люди, которыми пытаются наши боги, не должны быть на двух энергиях. Они не должны служить двум богам. И это одна из наших проблем, потому что мы люди и наша натура двойственна. Но мы должны быть близки к нашим повелителям. Так что, коль ты стала служить Хатхор в тебе должна быть твоя энергия, а обратную ты, даже при всем желаний, не должна наращивать. Третье – не привлекать к себе внимание, не показывать магию, не использовать её для личной выгоды кроме тех случаев, когда нам разрешают повелители. Это происходит чаще, чем ты думаешь.

– Это всё?

– Да. Принимаешь ли ты эти правила?

– Будто бы у меня есть выбор. Да, принимаю.

– Клянешься ли ты их исполнять?

– Блядь. Да.

– Умничка. Больше мне сказать тебе нечего. Добро пожаловать в наши ряды.

Он улыбается мне дежурной холодной улыбкой, и она напоминает скорее маньячную.

– То есть, теперь ты не имеешь права причинять мне вред, а я не могу причинять тебе? – уточняю я, когда он уже встает со своего места.

– Милая, мы не жрецы, – поправляет он меня и чуть склоняется. – Мы не пешки в этой игре. И, кстати, насчет правил вообще-то. Твои мужчины здорово их нарушают. Они постоянно это делают. Интересно, когда им уже придет за это наказание? Хатхор может терпеть сколько угодно, ведь это последние её заместники, но Сет заставит её наказать их.

– И какие же правила они нарушают?

– Ну, к примеру. Тот случай, когда он использовал магию против моих жрецов.

– Он спасал меня, и не знал, что там жрецы!

– Всё он знал, а ты еще была никем. Он не имел права этого делать! – кричит он и оглядывается, понимая, что в тихом пока зале клуба, его хорошо слышно. – Думаешь, они просто так стояли как вкопанные? Он использовал магию страха. Это вообще наглость, это не его вотчина. Он не имел права на эту магию. А еще он сказал, что он хуже меня. Ведь он

не обманул. Догадываешься ли ты, куда попала?

– Без тебя разберусь.

– Конечно. Просто дружеский совет: не верь им. Обоим. Они гораздо страшнее и хуже, и более жестоки, чем ты можешь себе представить. Только они делают вид, что они за добро. На месте Хатхор я бы сделал всё, чтобы появился новый наместник и просто прикончить их. Так и Сет бы успокоился, – он вдруг встает и заинтересованно смотрит куда-то вперед. – А что, если, в этом и есть её план. Ты не задумывалась? До новых встреч.

– Надеюсь, она не состоится, – только и могу сказать я.

– Надейся.

Он довольный собой, разворачивается и сталкивается лицом к лицу с Виктором. По переменившемуся лицу Виктора, я понимаю, что он не ожидал увидеть Олега, хотя первая мысль у меня и возникла, что он его ждал.

Но нет. Он стоит как вкопанный и я понимаю, что сейчас он может даже кинуться на него. Коты так замирают перед нападением. Я встаю и хватаю его за руку.

– Ты. Сучара. Что Здесь Забыл? – спрашивает он и каждое слово звучит будто размеренный стук молотка.

– Я исполняю свой долг, как и все мы, – говорит Олег и криво усмехается, но по его лицу легко читается страх.

– Съебал отсюда.

– Всё. Тише-тише, все нормально, – шепчу я и глажу его по руке, прижимаюсь лицом к плечу чтобы успокоить. И пле-

вать что обо мне думают в этом месте.

Олег уходит. Мрачный Виктор садится на своё место и к этому времени возвращается Макс.

– Что это было? – спрашивает он. – Пакт прошел неудачно?

– Прикинь они послали того самого инкуба. Урода этого, который Кристину заманивал два раза в ловушку. Я, блядь, встречу его еще раз. Я просто ему вскормлю его же яйца. С горчицей.

С этими словами он резко бьет по столу, и я дергаюсь от звука.

Олег мудака. Полный. Он моральный урод, насильник и на-верняка убийца. Но самое худшее, сейчас я понимаю, что он не лгун.

– Так, Виктор, всё нормально и у меня к вам претензия. Сейчас я вам устрою вынос мозга и скандал. Что значит «они послали»? Вы знали про этот пакт?

– Ну конечно, это традиция, – кивает Макс будто это нормально. Была бы на столе хоть какая-то еда – оказалась бы сейчас на его идеальном смокинге. Рассказывал бы потом про наслаждение её слизывать. – Это постоянно происходит. И с нами происходило то же самое, когда мы только получили силу. Нам было-то всего-ничего. Мне восемнадцать, Виктору шестнадцать.

– А предупредить никак? – рычу я.

– Прости, но мы не имели права, – отвечает Виктор. –

Прости, реально, но, чтобы ты прошла инициацию ты не должна знать о пакте.

– Да нахрена?!

– Потому что твоё согласие было искренним. Это не формальность, детка, это испытание. Если ты знаешь о пакте, то ты знаешь, какой дашь ответ. И готов к этому, чтобы тебе не сказали. Ты должен быть в шоке, тебя должны застать врасплох. Экзамен. Очередной экзамен и ты его прошла. Умничка.

– Тем более я думаю, они не случайно позвали именно его. Того, с кем она знакома и того, кого терпеть не может. Провокация, – говорит Макс тихо.

– А сколько всего заместников Сета?

– Гораздо больше, чем нас. Отец заключал пактов больше тридцати и это только на моей памяти. Поэтому ему приходилось нам часто ездить.

– Он сказал, что мы не имеем права вредить жрецам. Но мы не жрецы. А кто мы?

– Жрецам да, но мы не жрецы, мы выше них. А инкубы – ниже. Жрец уже напрямую работает с энергиями и поэтому, они не участвуют ни в каких ни войнах, ни еще, чем-то. Это уже настроенный музыкальный инструмент. Их нельзя сбивать. Вон как сейчас настраивают. Скоро уже начнут. А завтра мы познакомим тебя со жрецами, зайка.

– Надеюсь эта тварь больше в нашей жизни не появится, – дополняет Виктор. – Потому что в следующий раз, если я его

увидю, я его точно покалечу. Это без вариантов.

– Он сказал мне... – решаю дополнить я напоследок. – Мальчишки, он сказал мне, что вы нарушаете правила? Ну правила любви. И то, что мы должны быть на одной энергии. Наместников Хатхор почти не осталось. Вам же нельзя так?

– Удивительное дело, ты говоришь практически, как наш отец, – хмыкает Виктор.

– Отложим сложные разговоры, Кристина. Тем более что завтра у тебя тяжелый день, сегодня праздник. А твои вопросы по-прежнему будут копиться. Хорошо? – миролюбиво произносит Макс.

Музыканты закончили настраивать инструменты. Свет стих, стало темно и как-то тепло, будто летний вечер где-то в Новом Орлеане в 30-ых годах. В центр сцены выходит чернокожий, худой парень. Он берет саксофон и начинает играть, растворяясь в музыке. Всегда любила наблюдать за музыкантами, они и их музыка, это часто какой-то акт любви. Но то, что я слышала сейчас это не похоже на классическую музыку, когда хочется просто сидеть и наблюдать.

Нет, джаз он другой. Почему-то во время джаза, наоборот, хочется говорить, немного пританцовывать в ритм, погружаясь в мелодию хочется что-то обсуждать и жить. Удивительное свойство этой музыки. Хотя, может быть это только для меня.

Мне приносят креветки с манго, и я понимаю, что из того, что я ела это самое дикое, дорогое и самое вкусное. Венчает

ужин два бокала белого полусладкого вина, которое постарше, видимо даже моего почившего отчима.

– Если вы собираетесь завтра проводить мне ликбез по управлению магией энергией, то сильно допоздна засиживаться нам не стоит. Нужно будет поспать, – говорю я мальчикам через часа полтора концерта.

– Ты сильно ошибаешься, если думаешь, что мы дадим тебе поспать, – отвечает Виктор и я вижу у него довольную ухмылку.

– А надо, – отвечаю я, но судя по его наглому лицу, он то так не считает.

Наш маленький праздник закончился. Водитель отвез нас полусонных и слегка пьяных домой.

Впервые с позавчерашней ночи, я понимаю, что я могу и, наверное, должна дойти до своей спальни или речь спать. Просто спать.

Но, когда я собираюсь туда подняться, меня вдруг зовет Макс.

– Ну и куда это ты собралась?

– Спать.

– А чего это одна?

– Ну... ребята, я думаю, нам надо просто поспать, знаете-ли. Просто, – пытаюсь я намекнуть, – и как будто специально я начинаю зевать именно в этот момент.

– Во-первых ты – развратница, потому что думаешь всё

время об одном, – говорит Макс будто бы с легким осуждением, но я лишь улыбаюсь. – Во-вторых, я не хочу, чтобы ты шла спать одна. Я думаю, ты можешь выбрать с кем переночевать эту ночь. И вообще, я считаю, это было бы правильно, если бы ты ночевала каждую ночь с кем-то из нас, кого бы сама выбрала. Это не всегда означает секс. Просто сон.

Мой сонный мозг очень плохо переваривает эту информацию.

– Ну ладно, хорошо. Я хочу лечь спать, просто спать, – задумываюсь. – С вами обоими.

Подошедший к этой фразе Виктор окинул меня пьяным взглядом и глянул на брата.

– Ну, мы уже спали, типа, втроем. Можно и еще.

– Мы спали... просто спали в одной кровати, когда были детьми. И вчера. Это будет непривычно, – говорит Макс.

– А вот кто правила назначил, я по ним и играю. Ты сказал, я могу выбрать – я выбираю. Да и вообще, блин, значит трахаться с одной девочкой вам не стеснительно, а просто уснуть рядом вы прям смущаетесь и стоите тут такие, истуканчики.

Сама пьяно хихикаю от своего же слова. «Истуканчики», смешно звучит.

– Да нет, это просто непривычно, – пожимает плечами Макс.

– Или мы все можем просто лечь спать каждый в своей комнате? Я согласна на любой вариант.

– А фиг тебе. Иди к нам, – говорит Виктор.

Я быстро принимаю душ, надеваю сорочку, и мы быстро ложимся под одеяло, я мерзну еще мокрая после душа и оказываюсь по центру. Мальчики, не стовариваясь обнимают меня с двух сторон и греют. Становится тепло не только телу, но и душе.

Быстро засыпаю, думая о том, что завтра предстоит необычный день.

На утро мы едем к месту моей «учебы». Братья не говорят мне ничего, кроме того, что мы едем в ближайший храм Хатхор. За рулем Макс, пока Виктор, молча и сосредоточенно о чем-то думает, сидя на пассажирском кресле рядом с братом.

– Кто такие жрецы? – пытаюсь я начать разговор.

– Это те, кто собирают энергию для Хатхор и обменивают её на магию, – бурчит Макс. – Я тебе говорил.

– Как они это делают?

– Чаще всего через секс, так быстрее, – произносит Виктор. – Со стороны храм сложно отличить от элитнейшего публичного дома. Еще вопросы?

– Как они там живут? – не унимаюсь я. По правде говоря, мне просто скучно, да и не нравятся встревоженные лица братьев. Будто они сами не уверены, что мы должны туда ехать.

– Послушай, – говорит Макс. – Смысл храма – это воспевание Хатхор. А это значит – увеличение энергии красоты, любви, добра и нежности. В этом месте тебе может всё показаться немного, даже, я бы сказал утрированным.

– Типа как «мимими»? – спрашиваю я.

– Я не понимаю, – качает он головой.

– Ну, типа того, что все добрые, благодушные, позитивные

донельзя.

– Ну, что-то в этом роде, – соглашается он. – Даже мелкая пылинка там – это хаос, надколота кружка – хаос. А хаос – это Сет, ну или Сехмет но не Хатхор. Сильные мира сего по всей планете приходят в подобные места, не только ради того, чтобы насладиться компанией красивой, доступной и умелой женщины.

– Разве?

– Кристина, эти женщины непростые. Они дают чувство легкости и принятия абсолютного. Они запомнятся на всю жизнь. Потому, что они умеют любить просто так. И еще дарят магическую поддержку, которая превращает политика в президента, а бизнесмена в миллиардера. Огромная энергия принятия, любви, обаяния. Такое сложно найти, поэтому, их обожают. Это круговорот любви.

– Для меня любовь на другом строится. На верности, и на том, что нет обмена ни деньгами, ни энергией. А есть желание отдать себя любимому человеку, – пожимаю я плечами. – Любовь ваших жриц, все-таки тоже купленная. Пришли бы туда не сильные мира сего, а просто бомжи с остановки. Девушки бы их тоже любили так же сильно?

– Не знаю, мы не пробовали, – качает Виктор головой. В зеркале заднего вида замечаю, что он усмехается.

– Вы отбираете жриц? – продолжаю я тему.

– Это делает сама Хатхор. Мы, чаще всего, просто должны предоставить кандидатуру.

– А вы всегда с ними спите, как с Кариной? – стараюсь, чтобы в голосе не звучало ревности, но не уверена, что выходит.

– Нет, конечно, – качает Макс головой. – Ну, это был особый случай. Нам нужно было показать это тебе. Так, обычно мы стараемся не сильно близко связываться со жрицами, потому что так или иначе они изменятся. Они стараются стереть в себе энергию хаоса, даже её мельчайшие отголоски.

– А я бы могла стать жрицей, если бы не была бы вашим... ну вашей партнером?

И как нас назвать? Кто мы друг другу? Могу ли я ревновать их к другим женщинам или они меня, к другим мужчинам? Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

– Думаю ты могла бы стать одной из лучших жриц любви, – говорит Виктор и оборачивается ко мне с ехидной улыбкой.

– Это звучит пошло, – замечаю я.

– Я в курсе, – кивает он.

– Дурак, – фыркаю я, и несдержанно улыбаюсь. Самый странный комплимент, который я слышала за свою жизнь. На такой, наверное, можно и обидеться. Но у меня не выходит.

Подъезжаем к большому бизнес-центру и Макс уверенно едет на парковку. Я удивляюсь, что храм Хатхор находится именно здесь. Почему-то представлялось что-то менее современное.

Но когда мы входим в холл, и первым делом в глаза бросается огромный портрет полуобнаженной Хатхор все встает на свои места. Мы проходим мимо ресепшена, вижу за стеклом кафе и переговорные где серьезные люди в костюмах о чем-то серьезно же переговариваются.

Мелькает странная мысль, что современный бизнес это тоже в чем-то культ. Определенный этикет, определенное общение, вера во что-то, ритуалы с показателями, статистикой, презентациями. Но мы быстро уходим из него и я оставляю свою мысль на обдумать как-нибудь позже.

Мы спускаемся по лестнице, и Виктор прислоняет бейдж к электрозамку.

Перед нами открывается большая дверь, мальчики кивком приглашают меня идти первой, и я оказываюсь в месте, похожем на то, что я видела во сне. Белые стены, красная мебель. Только здесь много женщин.

Снова сердце царапает неуместная ревность. Без особого удовольствия я отмечаю, что это возможно не самые красивые женщины, из мною виденных. Но уж точно, самые сексуальные.

Гибкие, сильные, женственные фигуры. Разные. С большой грудью, с маленькой. Пышные или стройные. Разные цвета кожи, волос. И от каждой столько ощущения открытости и сексапильности. Каждая одним своим движением может пообещать незабываемое удовольствие, а благодусные, спокойные улыбки обещают принятие и любовь. То, о чем и

говорили братья.

Они не то, чтобы одеты, и не то, чтобы совсем раздеты. Вместо одежды, у них полоски из светлого шелка, по всему телу. И рисунки, будто бы египетские иероглифы.

Женщины заняты своими делами: кто-то болтает друг с другом. Кто-то занимается медитацией или чем-то наподобие. Неожиданно ко мне подлетает одна из жриц и резко обнимает. Я не сразу понимаю, что происходит, отодвигаюсь от неё и встречаю знакомое лицо.

– Карина! – выдыхаю я.

Живая, здоровая, счастливая. Кажется, я впервые точно убедилась, что она жива и здорова. Вместо испуганного или взволнованного лица я вижу легкую улыбку и блеск в глазах. Обнимаю её сама.

– Я так рада, что вы приехали! Я так рада, что с тобой всё хорошо, что ты прошла инициацию, это замечательно, – говорит она мне, и я удивляюсь тому, что мы на «ты». Вроде бы «выкали» всё наше общение. Но да ладно, я и не против.

– Я рада, что с тобой все хорошо, – киваю я.

Разум издевательски подсовывает мне воспоминание о том, как она извивалась под Виктором и сосала Максу на том видео. Улыбка сползает с моего лица. Даже не знаю, как мне следует к ней относиться.

Я оглядываюсь на братьев, думая, посмотреть, как они будут встречать Карину, но они оба общаются с другими девушками.

Просто переговариваются о чем-то с роскошной мулаткой с гривой каштановых кудрей. Она с искренним раболепием медленно кивает, принимая их наставления.

– Мне столько всего надо тебе рассказать! – отвлекает меня Карина.

– Мне тоже Карина. Я не ожидала что я тебя встречу, но есть небольшой разговор, – я сжимаю ей руку. Намекая на то, что нам нужно отойти.

– Да, конечно, – кивает она со всей серьезностью. Мы отходим за угол. – Что случилось?

– Оля знает?

– О чём?

– О том, где ты? О том, что ты жива и здорова? Она ментов вызывала, заявление о пропаже писала.

Карина вздыхает и закатывает глаза.

– Нет, она не знает. Она мне мозг съест, я не хочу ей говорить. Ты знаешь, какая она зануда? Я первый раз секс попробовала, когда мне и семнадцати не было. Оля же нудит, что можно только с женихом, а лучше после свадьбы. Ну не дура, она?

– Блин, Карина, она думает, что ты мертва, это неправильно!

– Слушай, ну я написала ей письмо что типа уезжаю и все такое. Почему я должна волноваться из-за этого? Да она всю жизнь меня в ёжовых рукавицах держала. Она заставила меня бросить танцы, она третировала меня со смерти мамы!

– Она заботилась о тебе, Карина, как умела! – поднимаю я голос. – Ну пойми, она хотела для тебя лучшей жизни.

– И это не повод лишать меня личной жизни, танцев, любви, секса. Сама дура холодная и думает, я такая же. Нет! Кристина, при всем моем уважении, к тебе, я не хочу, чтоб она мне мозги ела. Ты представляешь, что она мне тут выскажет, если узнает, что у меня за работа? Как минимум назовет шалавой.

– А ты думаешь, что она успокоится, думая, что ты где-то валяешься мертвой? Она с ума сходит, у неё жизни нет. Просто поговори с ней, даже если она не захочет понимать. Фиг с ней. Главное, чтоб она знала, что тебя нужно искать. Поверь мне, ей нужно дать выбор решить. Но решить основываясь на правде. Правда, даже самая горькая, самая мерзкая, она нужна, понимаешь? – взмаливаюсь я.

Карина смотрит на меня внимательным взглядом.

– Я подумаю.

– Подумай. Спасибо тебе, – я сжимаю ей руки, и она только улыбается.

– Лучше бы ты была моей сестрой, – вдруг вырывается у неё.

Я опять наблюдаю за братьями, которые беседуют с девушкой. Теперь это блондинка с выдающейся грудью. Как если бы у Джессики Альбы была бы фигура Памелы Андерсон.

– О, я была бы противной донельзя. Хуже Оли, поверь, – говорю я и встречаюсь взглядом с Виктором. Отворачива-

юсь.

– Слушай, а ты... ну, ты не ревнуешь? Я понимаю, что между вами с братьями что-то есть и то, что я с ними... Они говорили, что покажут тебе видео, сказали, что пишут и всё такое.

– Я не ревную, – быстро качаю я головой, понимая, что глупо вру. – Ты ведь не хочешь сейчас кого-то у меня увести?

– Нет, мне это точно не нужно. Ну то есть, они клёвые... Но. Я вижу себя в другом, а не с ними. С ними вообще, я думаю, нереально быть. Они слишком сложные.

– Это как?

– Ну... Мне кажется, женщина с трудом вынесет одного из них. С их странностями, с их тараканами, их тьмой, их злобой, собственничеством, тем, что они никогда не спрашивают а просто берут то, что хотят. А уж двоих я вообще не представляю, и не хочу испытывать себя. Так что ты, герой что терпишь их обоих.

– Мне совершенно не нужно их "терпеть" – произношу я тихо.

– Кристина! – зовет меня Макс.

Я прощаюсь с Кариной обняв её, и напоминаю, что ей нужно позвонить Оле. Она обещает мне сделать это. Иду к братьям, они кивают в сторону, и я иду за ними.

Поднимаемся на пару этажей выше.

– Я так понимаю, здание построено так, что по бокам офи-

сы, а по центру это место?

– Ага. Пришлось ради этого пожертвовать окнами. Некоторые храмы поприятнее, там есть окна, свежий воздух, но это не в этом городе. Когда-нибудь туда поедем, – говорит Макс. Виктор же мрачный как туча.

Поменялись местами?

– Что-то случилось? – спрашиваю я у него. Молчит.

Братья приводят меня в комнату, жестом приглашают войти первой. В центре вижу огромную низкую кровать. Кроме неё только полки на стенах, заполненные разными маленькими статуэтками. Какие-то с Хатхор, какие-то кошечки и другие египетские штуки.

– Рабочая комната девочек? – спрашиваю я.

– Нет, это твоя, – рычит Виктор.

– Не поняла, – качаю я головой и замечаю, как Макс закрывает за нами дверь. Виктор же хватает меня за руку и тащит куда-то. – Вы что задумали?

– Это ты что устроила? – спрашивает Виктор и заводит меня в большую ванную комнату. Тут тоже все заполнено статуэтками с Хатхор, но есть еще и типичные ваннные принадлежности, шампуни, гели и прочее.

– Ты о разговоре с Кариной? Она не должна Оле звонить?

– Нет, я о том, как ты смотришь на нас и девок. Ты ревнуешь, – рычит Виктор. Макс идет за нами и прислоняется к выходу.

– А я не должна ревновать? – злюсь я, вырываю руки из

ладони Виктора и кладу их в боки. – Вот такая я, не привыкла еще к вашему «свободному миру». И я не знаю, какие у нас отношения. И да, я ревную, и что?

– А мы давали повод?!

Этот вопрос Виктора меня застаёт врасплох. Какой может быть повод, или вообще? Я не понимаю.

– Ну, здесь такие красивые женщины, – тихо говорю я. – Они прекрасны, и вы рядом с ними тоже... Вы мне дороги, и я не хочу, чтобы у вас была близость с другими. А они... они богини просто, и что мне делать?

– Дурой не быть, – фыркает Виктор. – Ты действительно думаешь, что мы бы выбрали кого-то из них вместо тебя? Что нам нужна какая-то из них?

– Любой бы выбрал любую из них вместо меня, – вырывается у меня. Глаза становятся мокрыми. – Я никогда не буду такой красивой, такой сексуальной, такой открытой как они. Таких всегда выбирают. Поэтому да, мне стремно на них смотреть и на вас. И что?

– Ну и ты и дурочка, Кристина, – встречается Макс. – Ты даже не понимаешь, они тебе в подметки и не годятся. Ты что? Ты лучше них всех!

– Ну да, блин! Чем?! – я всплескиваю руками.

Виктор неожиданно хватается за подбородок и разворачивает голову к зеркалу. Не успеваю я как-то сообразить, как он прижимает меня всем телом к раковине. Я прижата к зеркалу, вижу наши отражения. Моё, Макса чуть поодаль

и Виктора.

А еще чувствую спиной его силу и тепло.

– Тем, что нам нужна именно ты. Только твоё тело, – шепчет Виктор пока я смотрю на себя. – Ты особенная. Или думаешь, что отец или Хатхор зря тебя избрали над жрицами?

С этими словами он медленно рукой проходится по моей спине и касается задницы.

– Ребят, можем дособорить дома... мы тут немного в общественном месте, – шепчу я.

– Здесь отличная звукоизоляция, – парирует Макс. – Любовь, знаешь ли, всегда очень громкая игра.

– Хочешь знать, как жрицы работают? Они энергию любви, нежности или самого секса копят и отдают в артефакты. А потом каждый из них можно использовать как источник энергии уже для магии. Все просто, – шепчет Виктор.

Простое обучение, но очень мешает его так воспринимать тот факт, что одна рука Виктора ласкает мне грудь сквозь кофту, а вторая пролезла в брюки массирует сквозь ткань трусиков мою плоть.

– Ребята, пожалуйста, ну не здесь... – изнываю я. Замечаю в зеркале как усмехается Макс.

– Смотри на себя, – говорит Виктор едва не рыча. – Смотри, как же ты красива в своей похоти. Я не видел ничего красивее за всю свою жизнь, Кристина.

Я не могу ничего говорить или осознавать. Руки Виктора уже избавили меня от одежды. Мне не холодно от горячего

тела Виктора сзади, но он прижимает меня к прохладному стеклу зеркала и от этого контраста по телу бегут мурашки.

Смотрю в глаза своему отражению. Вижу, как собственные глаза застилают туманом похоти, когда Виктор, быстро подготовив меня, входит.

– Она уже готова. Она такая сочная, такая наша, – произносит он, будто не мне, а Максу. Его отражение закрыло глаза шепчет это отрывисто и даже чуть облизывает губы.

Он чуть наклоняет меня и начинает двигаться. Моё отражение открывает рот в беззвучном крике, а его чуть задрав голову сжимает губы, опускает взгляд на зеркало и смотрит мне в глаза через отражение. Резко выходит.

Теперь он вводит в меня член медленно, наблюдая, как меняется выражение моего лица от каждого сантиметра, распирающего меня изнутри. Как только входит полностью, начинает резкие и быстры толчки. Я кричу, видя, как резко двигается моё отражение, а лицо перекошено в гримасе удовольствия.

Подходит Макс, становится у зеркала сбоку и наблюдает за мной. Касается моей щеки, проводит пальцем по губам.

– Дай мне её, – говорит он явно не мне.

Виктор послушно отпускает меня, пока Макс снимает ремень с топорщащихся брюк. Я не успеваю ничего сказать, как он хватает меня, кладет мои ноги себе на талию. Я держусь за его плечи, пока он резко входит. Молчит и только трахает меня.

Теперь в зеркале видно только моё лицо и руки, что обняли Макса. Он двигается более размеренно, нежно, позволяя мне ощутить всю его твердость в себе.

– Я хочу сзади, – слышу шепот Виктора. – Ты же знала, что так может быть. Ты же готовилась?

Киваю. Этого достаточно, что он начал готовить меня ко своему проникновению пальцами.

– Смотри на себя, не отвлекайся, любимая, – говорит Макс.

«Любимая» – это он всерьез, или все-таки это от переизбытка гормонов, от наслаждения? Или он действительно меня... меня любит?

– Ты любишь меня? – вдруг спрашиваю я. Макс останавливается и смотрит мне в глаза. Нас отвлекает только поцелуй Виктора в моё плечо.

– *Мы любим* тебя, дурочка. Как ты этого еще не поняла? – говорит он.

Макс кивает.

– Любим. Ты и не представляешь как.

Виктор входит в меня сзади медленно, позволяя привыкнуть, пока Макс целует шею. Я так и остаюсь будто висеть между ними. Макс держит спереди, Виктор сзади.

Тело охватывают приятные волны, с каждым движением мужчин. Как ни странно, моё перекошенное лицо с поплывшей косметикой и вечно открытым ртом тоже меня же возбуждает.

Они двигаются во мне, пытаюсь войти в какой-то ритм. А я могу только смотреть на собственное отражение и кричать от переполняющих чувств. Легкой боли и острейшего кайфа, что накрывает с головой. Виктор сжимает мне грудь, целует шею, Макс целует в губы.

– Я вас тоже... я вас люблю, – вырывается у меня перед тем, как накрывает волна оргазма. Мощная, дикая, пробирающая сладостью каждую клеточку тела. Судя по стону Виктора он кончает за мной.

Ничего не соображаю, прихожу в себя только когда уже лежу на кровати, не знаю, кто и как меня сюда перенес. Макс мягко, но требовательно целует, пока Виктор приходит из ванной комнаты с небольшой статуэткой в виде скарабея в руках.

– Вот он и зарядился, – говорит Макс. – Мы тебя любим, Кристина. И хочу, чтобы ты это услышала не только во время секса. И нам нужна ты, и только ты. Поняла?

Я могу только кивать, кажется, что, если слово скажу – глупо расплачусь и в ответ просто еще раз тянусь к Макс за поцелуем.

– Ребят, давайте домой, – говорит Виктор. – Мне кажется, мы сейчас ничему её не научим. Только трахнем еще пару раз.

– Ладно, времени еще достаточно, – кивает Макс.

Когда мы едем обратно я в руках держу тот самый, маленький артефакт, который мы, по сути, зарядили. Думаю, о

том, каким странным стал мой мир.

Разрывается телефон от звонка. Смотрю на дисплей. Контакт: «Машка». Округляю глаза. Я даже не удалила её из контактов.

Первая мысль: хочется сбросить звонок. Следующая – взять трубку и послать её куда подальше. Последняя – она единственная, кто осталась на связи из дома. Мама вот давно не писала.

Злюсь на себя и беру трубку.

– Что?

– Боже, Крис тут такое происходит, – лепечет трубка. В дороге связь плохая и голос Маши «квакает».

– Так, давай по порядку, – бурчу я.

– Твоя мама, она в больнице.

– Она сорвалась? – пытаюсь казаться равнодушной, но сердце жалобно ноет, а кулак сжимается неосознанно. Виктор за рулем и чуть притормаживает, услышав мой разговор.

– Нет-нет. Это тот парень, Олег. Прикинь я его здесь встретила, он выходил из твоего подъезда, я думала, что что-то не так. И решила зайти, проверить как твоя мама, а там такое. Она в реанимации, врачи не знают, что с ней. Кристина!

Едва придя домой, я достаю свой маленький коричневый чемодан с которым сюда и приехала. Всегда раньше смеялась с того, как в фильмах показывают сборы – актеры просто бросали вещи, не складывая, не укладывая. Теперь, так же собираюсь сама. Просто выгребаю все со шкафа и бросаю в чемодан.

– Кристина, успокойся, – говорит Макс у меня за спиной.

– Заткнитесь, – вырывается у меня резко. Я не вижу, что там стоит и Виктор, но уверена, что это так.

– Кристина, мы завтра поедem к твоей маме, – произносит тихо Виктор. Ну конечно, два сапога пара.

– А умрет она сегодня? – оборачиваюсь я на братьев. Оба стоят у порога комнаты и смотрят на меня.

– Что ты сделаешь, когда ты приедешь? Ты её вылечишь? – спрашивает Виктор и добивается своего.

Я действительно прекращаю сгружать все свои вещи в чемодан, останавливаюсь, чтобы подумать.

– Я не знаю, – все же говорю я.

– А я знаю. Ты ее вылечишь.

– Как это? – я перевожу взгляд с одного на другого брата. – Вы знаете лекарство? Вы знаете что с ней?

– Спорю на щелбан: то, что с ней сейчас – это магическое воздействие, – хмыкает Виктор. – Никакой врач её не

вылечит. Они просто не поймут, что с ней. Ее можно вылечить только используя один из наших заряженных артефактов. Вспомни, чему ты училась, Кристина!

– Это магия Сета? То, что с ней происходит это магия Сета?

Вообще-то логично, учитывая, что сделал это Олег.

– Скорее всего, это магия хаоса, да, – кивает Макс. – А значит лечение – это магия Хатхор. Ничего сложного, люди направляют эту энергию на что угодно, на везение, прибыль. Ты направишь на исцеление матери. Если не получится у тебя – это сделаю я. Так что не переживай. Мы завтра спокойно поедем. Не надо ехать в ночь и в дождь, это может быть опасно. А рейсов ночных никаких нет. Утренним самолетом мы прилетим в то же время, что и если будем ехать всю ночь. Поэтому просто используй эту ночь чтобы прийти в себя и поспать.

– Я не усну! Ну поймите вы, я просто не усну, – качаю я головой. – Мне нужно что-то делать! Я не могу сидеть сложа руки пока мама там...

– Как ты думаешь, почему ты не уснёшь? – спокойно перебивает меня Макс. – Давай отвечу: потому что ты будешь чувствовать вину. Или даже страх, что проспичь её смерть. Но ты не бог, ты не можешь брать на себя ответственность за всё. Ты не можешь всё контролировать. Ты можешь делать то, что должна. А это – нормально отдохнуть, и со свежей головой, с умением концентрироваться доехать до твоей ма-

тери и спокойно её исцелить.

– Если это магия на время? Если мы упустим это время?!

– У нас нет возможности телепортироваться, Кристина. Ты прямо сейчас можешь только нервничать. Для твоей совести это правильно, но неразумно. Я найму ей охрану и врачей. Это то, что мы можем сделать издали. А ты выпей чего-то успокоительного и ложись спать. Нам всем троим нужно хорошо отдохнуть.

С этими словами Макс собирается уходить, но его останавливает фраза Виктора.

– Я с вами не поеду. У меня есть здесь дела. – На удивлённый взгляд брата, он отвечает: – Вы прекрасно справитесь вдвоем. Я буду обузой, и здесь дело есть поважнее.

Макс, видимо на всякий случай, забрал у меня чемодан и сказал, что Оля принесет успокаивающий чай. Действительно, Оля приходит ко мне через минут двадцать, держа в руках поднос с чайником и дымящейся кружкой. Когда она открывает дверь, я в пол уха слышу спор братьев. Не могу разобрать, о чем они говорят. Когда Оля уходит, я прислоняюсь к двери, чтобы послушать.

Макс говорит тихо, не разобрать а Виктор практически кричит.

– Хватит принимать меня за тупое животное! – слышу его голос. – Или ты думаешь, что я способен только на похоть? А ты весь такой человечный, да?! Кто ж тебя научил-то такому самомнению?!

– Да нет никакого самомнения, ты просто не понимаешь...

– Это ты не понимаешь!

Открываю дверь и спускаюсь в зал специально громко, чтобы они слышали меня.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Ничего, – бурчит Виктор.

– Вы сказали, что любите меня. Сегодня, – тихо говорю я. Мужчины недоверчиво поднимают на меня глаза. Прямо так и вижу вопрос в них: «причем здесь это сейчас?».

– Ну да. И ты тоже это сказала, – кивает Виктор.

– Это значит, что мы друг другу немного больше, чем любовники, да? – продолжаю я.

– Нашим отношениям сложно дать какое-то обозначение, – говорит Макс.

– А это значит, что мы можем друг друга не врать и не скрывать того, что происходит. Если я для вас что-то значу. Повторяю вопрос – почему вы ругаетесь?

– Да мы не ругаемся, это обычное наше общение, – усмехается Виктор а Макс кивает задумчиво.

– Это полное вранье. Почему вы ругаетесь? – повторяю я вопрос.

– Потому что я захотел пойти к тебе побыть у тебя утешить тебя, а Макс говорит, что не время, и это мерзко идти к тебе сейчас. Как будто бы всё, чем я могу думать – это член. Нет, я просто хотел утешить. Но Макс делает вид, что он у

нас один такой осознанный и душевный. А я тупое и похотливое животное.

– Это Виктор переврал, я просто уточняю, что сейчас тебе, может быть надо побыть одной. А он подумал то, что подумал. Так что то, это его претензия к себе.

– Понятно, – киваю я. – Вы просто два дурака.

– Ну спасибо тебе, – фыркает Макс. – Мы тут о тебе заботимся, между прочим.

– А я думала, что не могу уснуть. И хотела побыть с вами, просто побыть. Но подумала, что вы можете меня неправильно понять, и думала, как бы мне правильно это выразить.

Опускаю голову понимаю какие же мы три дурака. Все вместе.

– Тогда просто побудь с нами, – отвечает Макс и теперь уже Виктор кивает. – Пока чай не подействует, а потом отнесем тебя в спальню. Ты его выпила?

– Ага.

– Точно?

– Точно-точно. Как тебе это доказать? – фыркаю я.

– Тогда иди сюда, – он протягивает мне руки и я захожу в его объятия. Абсолютно целомудренные.

Я присаживаюсь на диван, братья рядом со мной, я просто устало ложусь на плечо Макса и молчу. Виктор держит меня за руку, кажется будто я плыву на лодке и медленно доплываю до мира снов.

– Остается главная проблема, что нам делать с этим Оле-

гом? – говорит Виктор полушепотом.

– С ним потом разберемся, сейчас нужно спасти её мать, – отвечает Макс.

– Я предлагаю разделить обязанности.

Я не догадываюсь, что это значит и просто засыпаю.

Мы вылетаем с Максом в мой родной город первым рейсом. Макс берет каршеринг и на арендованной красной машине мы доезжаем сразу же до больницы. Купленные Максом врачи мгновенно пускают нас в выделенную для мамы палату.

Как только я вижу спящую маму, тут же теряюсь.

– Что мне делать? – спрашиваю, я шепотом.

– Она в коме! – заявляет усатый седой мужчина, вбегая в палату. По пути он натягивает на себя белый халат. Выдыхает и пожимает руку Максиму и я понимаю, что это именно тот доктор, которого Макс вызвал среди ночи наблюдать за состоянием мамы.

– А причина? – отвлекаю его я от подобострастия перед Максом.

– Мы не знаем. все показатели в норме, она просто... просто спит. Единственное, что, судя по показателям мозга и в целом по ее реакциям, понятно, что видит она кошмары. Она будто в постоянном жестком нервном напряжении.

– Это магия страха, точно Сет, – шепчет мне на ухо Макс и обращается к доктору. – Пожалуйста, оставьте нас вдвоем

здесь.

– Хорошо, если что мы рядом, – он снова кивает быстро, как китайский болванчик, и уходит.

– Ну что? – начинает Макс, когда врач уходит. – Думаю, магия не смертельна, но неприятна. Так что чем раньше мы вытащим, тем лучше. Доставай артефакты.

То, из-за чего нам пришлось лететь бизнес-классом еще и через вип чтобы таможня не обыскивала. Семь древних артефактов – маленькие статуэтки, или сосуды с животными и египетской символикой в моем маленьком рюкзаке.

– И что теперь делать? – говорю я, разложив статуэтки на полу.

– Так. Ты пока не прошла полную инициацию, пока мы не заключили договор с Хатхор, поэтому энергию ты не можешь видеть. Но ты все равно можешь её чувствовать и направлять... – начинает Макс, но я перебиваю.

– Может быть, это все-таки сделаешь ты? Ну зачем тратить время на мое обучение сейчас?

– Тебе будет легче, чем мне, – кивает он.

– Но почему?

– Потому что ты её любишь. Тебе нужно всего-лишь, преобразовать энергию из артефактов в твою любовь к ней. Здесь нет ничего сложного, тебе нужно просто захотеть и раскрыть всю свою любовь к ней.

– А если ее нет?

– То есть?

– Ну я вам не говорила, но вообще то у нас не очень хорошие отношения. У меня нет к ней любви.

– И поэтому ты рвалась сюда среди ночи? – хмыкает Макс. – Хочешь не хочешь, а ты любишь её. Поэтому отставить панические настроения и работать.

– Какой командир, – хмыкаю я.

– Иначе и нельзя с тобой. Давай.

Я беру в руку одной из статуэток, похожую на маленькую синюю птичку.

– Для удобства возьми её за руку. Будешь проводником энергии, – говорит Макс.

Качаю головой. Совершенно не уверена в том, что получится. Все же беру ее за руку.

– Представь энергию цвета сгущенки, такая бело-желто-молочная. Так выглядит энергия жизни. Представь, как она течет через тебя к ней. Не злись на неё сейчас, не думай о плохом. Только о хорошем. Ты должна искренне хотеть ей восстановления.

Снова качаю головой, но все-таки делаю, как он говорит. Представить светлое облако вокруг статуэтки оказывается совершенно нетрудно. А вот вообразить, что она идет через мои руки – сложнее. Картинка как-то будто не клеится.

– Не пытайся сосредоточиться на образе сосредоточься только на любви, – советует Макс.

– Не получается.

– Пробуй, – только и отвечает он.

Ладно. Я отбрасываю любое воображение. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь только на том, что хочу, чтобы мама исцелилась. Приходит простая мысль: а зачем я должна держать артефакт, и быть проводником? Я беру ее руку и вкладываю статуэтку в неё. Оглядываюсь на Макса, но тот внимательно наблюдает и молчит.

Сжимаю статуэтку в руках мамы и просто, думаю о том, как сильно хочу её исцелить. Закрываю глаза, чтобы сосредоточиться. Мысленно я произношу что-то вроде молитвы, только непонятно кому. Молитвы либо заклинания – слова, которыми я прошу, чтобы она исцелилась. Я не знаю, сколько времени это происходит, в какой-то момент понимаю, что попала в какое-то около медитативное состояние.

Слова, что шли тяжело и я придумывала как выразиться – стали будто струиться из меня как водопад. Где-то на задворках сознания я даже понимаю, что они ритмичны, будто белый стих.

Я не открываю глаза, но четко вижу, как из статуэтки белая энергия будто вливается в руки мамы. Это видение пробуждает меня от моего транса.

Я открываю глаза и вижу, как мама резко дергается и статуэтка падает на пол, тут же разбиваясь.

Макс грустно провожает её глазами.

– Мы ее из Каира везли, тайком, – вздыхает он, но мне плевать.

Мама открывает глаза и смотрит на меня. Я пытаюсь что-

то ей сказать, но вдруг меня прерывает Макс громким воплем:

– Врача, срочно!

Усатый мужчина влетает в палату, видит маму, кивает сам себе и кричит в холл.

Пока я ничего не успеваю сообразить, Макс хватается за меня под руку и выводит из палаты.

– Да что не так? – спрашиваю я, обеспокоенно глядя, как вместо нас в палату вбегают несколько врачей.

– Все так. Но пусть её теперь осмотрят доктора, мало ли что.

Я только вздыхаю. Он ведет меня специально в холл больницы. Мы садимся на жесткие красные диванчики. Я нахожу автоматы со снеками, газировкой. Я беру себе минералку без газа и небольшой шоколадный батончик. С утра едва заставила себя съесть бутерброд, а теперь желудок требует срочно порцию еды.

– Из тебя, кстати, фиговый учитель, – говорю я, откусывая замершую сладость.

– Это с чего это? – спрашивает Макс не глядя на меня.

– Я делала всё совершенно не так, как ты сказал. А исцелила.

– Ну так в этом смысл.

– Это как? – говорю я с набитым ртом, и вижу как усмехается этой картине Макс.

– Я знал, что ты должна сама это почувствовать и самой

что-то сделать. Я только подсказал тебе все остальное ты уже сделала сама. Так многие интуитивно могут лечить кого-то. Если любят по-настоящему.

– Я даже не думала, что я еще люблю. Она мне столько наделала. Даже уж извини, но развод с вашим отцом. Если бы она могла сберечь эту семью, я бы жила в шоколаде. А она не сберегла, зато стала алкашкой. Со всем её потенциалом. Она просто угробила свою жизнь, и заодно мою. Мне не за что её любить, Макс.

– Кристина, ты всё равно её любишь. Любовь – это умение прощать и принимать. Если человек идеален, его очень легко любить. Ну ты же понимаешь, что это скорее похоже на фанатство? Когда человек красивый, успешный. Никогда не делает никаких ошибок, весь такой умный, правильный. Легко любить отличника, здоровую, красивую, успешную девочку или мальчика. Когда есть чем хвастаться. Но это не любовь, в её полном понимании. Любовь – это как раз, когда ты любишь, уже после того, что человек показал себя на самом дне. Вот ниже падать некуда – а ты любишь. И всё.

– Но у многих любовь проходит после такого, – парирую я, доедая шоколадку. – Даже родители они могут отказываться от своих детей, если те, что-то не то сделали. Это часто бывает, к сожалению.

– Значит, это не была любовь. Это как любовь к этой шоколадке. Ты же её любишь?

– Ну да, вкусная.

– Ну вот именно – вкусная, – Макс кивает и опускает голову, садится напротив меня на пол, и у меня мелькает мысль, что в его черных брюках сидеть на этом пыльном полу преступление. Но я молчу, ожидая, когда он продолжит говорить. – Когда-то давно, когда Хатхор ещё являлась мне и брату. Она говорила, что человек отличается от животного только душой. А это не только создание энергии и магии, это еще и способность любить не за что-то. Не под властью инстинктов или выгоды. Любить даже вопреки. Издали, я могу любить даже твою мать, просто за то, что она твоя мать, за то, что она родила тебя. За то, что ты получила от неё и её любовника своё шикарное тело.

– Фу, – комментирую я.

– Ага. Но ты любишь её, вопреки тому, что она сделала все возможное, чтобы испортить жизнь себе и тебе. Я иногда ненавижу Виктора. Ты еще не знаешь, но кроме его силы, и креативности, иногда он такое может учудить!.. Но я люблю его. Моим испытанием было то, что Хатхор сказала мне заключить договор без него.

– То есть?

– Когда только умер отец, и я не знал, о завещании, Хатхор мне явилась и сказала, что она отдаст магию только в том случае, если я откажусь от брата. Тогда он погибнет а я буду единственным наследником и ее заместителем на земле.

– И что ты сделал?

– Попрощался с жизнью, – грустно усмехается он. – Са-

мое смешное, что в тот момент, я был очень зол на Виктора. Отчасти, я даже до сих пор думаю, что отец умер из-за него. Потому что Виктор его довел. Он слишком якшался с темной магией, он изучал её. И это ужасно. Но тогда я решил, что умру, но брата одного не пущу. Хатхор сказала что приняла моё решение, а на следующий день пришел юрист и сказал о договоре. О том, что Хатхор не изгоняла Виктора а наоборот даже добавила еще одного участника. Тебя.

– Ты думаешь, это было её испытание, твоей любви к брату?

Он кивает.

– Я уверен в этом, – говорит он тихо.

– А мне испытание еще предстоит?

– Не знаю, но Виктору оно точно еще предстоит. И я не знаю, насколько оно будет суровым, и насколько он его выдержит. Это еще одна причина, почему ты нужна нам и почему я совсем не ревную и не хочу делать тебя только своей. Ты нужна ему, ты его заземляешь.

– Мы... Втроем, мы не нарушаем какие-то законы той же Хатхор?

– Понятия не имею.

Я замечаю за спиной Макса нашего врача. Приподнимаюсь и вопросительно ему киваю.

– Всё нормально, пациентка здорова. Но вот анализы у неё неидеальные, видимо она пристрастилась к спиртному... Если вы хотите, мы её здесь подержим и проведем вывод ток-

синов и...

– Да, – кивает Макс. – Просто скажите, сколько и куда перевести оплату, я пришлю нашему бухгалтеру.

– Хорошо, спасибо и... – врач обращается ко мне, резко сменив тему, видимо, чтоб Макс не успел передумать. – Идите к ней, она хочет вас видеть.

Оглядываюсь на Макса, а тот лишь кивает, отпуская меня.

Возвращаюсь снова в палату мамы. Она сидит на своей койке и машет мне рукой. Такая активная, живая, я даже вижу у неё румянец на щеках. Никогда в жизни не видела румянца у неё. Её идет.

– Ну ты как? – спрашиваю я.

– Хорошо. Я себя давно так хорошо не чувствовала.

Это даже странно, учитывая, что она только что из комы. Видимо, энергия любви заодно подлечила всё, что могла излечить а не только кому. Ну и хорошо.

– Что случилось? Маша сказала, что у тебя был какой-то гость.

– Да, мужчина, Олег. Он странный, Кристина. Вы же знакомы, да?

– Он тебя отравил.

– Не знаю даже... – кажется у мамы закончилось хорошее настроение, и она задумчиво стала смотреть вниз. – Я даже о таком и не думала.

– Что он у тебя делал? Зачем ты впускаешь в дом чужих людей? – взрываюсь я. – Или что, новый собутыльник?

– Он сказал, что расскажет про тебя, – повышает голос мама. Я отпрядываю.

– Ты, конечно, извини меня, пожалуйста, но что он такого может рассказать тебе про меня?

– Он сказал, что ты попала в секту. Что они тебя спаивают и ты скоро совсем крышу потеряешь. Что тебя надо спасать!

– Боже, что?! Ты думала, я в секте и под наркотой?

– Ну а что мне думать? Пропала, секретничаешь. Маша ничего толком не говорит, вернулась от тебя как в воду опущенная.

– Маша просто дура, а ты что, мам?

– Ну, я-то тебя нормально не воспитала, не заботилась. И ты... ты пропала. Я испугалась и поверила. Ты не в секте?

– Нет, мам, я не в секте. Успокойся уже.

– А мужик этот?

– Какой?

– Ну, мужик рядом с тобой. Это кто?

– Это Макс он мой... сводный брат, – мнусь я.

– А, это Максик? Он так вырос.

– Неудивительно, иногда такое происходит, дети растут, – рычу я.

– А. почему он с тобой поехал?

– Потому что он обо мне заботится. У нас хорошие отношения. Все нормально, мы ждем, когда пройдет полгода от завещания.

– А потом что?

– Я не знаю, разберемся.

Маму явно ответ не устраивает. Она качает головой.

– Я тебя только об одном прошу, Кристина. Ты заботься сама о себе, ладно? Береги себя.

Она бы сама себе это сказала, лет пятнадцать назад.

– Можно тебе задать вопрос? – говорю я, смотря в пустоту.

– Конечно.

– Почему ты развелась с их отцом? – перевожу взгляд на её лицо, чтобы увидеть врет она или нет. Но мама меня удивляет:

– Он меня бросил.

– Да? Я всегда думала, что это ты ушла, – быстро говорю я.

– Не-а. Он бросил меня, сказал, что, если я останусь, могу потерять голову, сойти с ума. Предлагал деньги на содержание, чтобы я жила где-то подальше но он бы мог приходить ко мне. Я разозлилась и послала его. И уехала так далеко, чтоб он меня не нашел. Я думала, он любовницу нашел и хочет с ней жить в нашем доме.

– Понятно... – киваю я. – А почему потом замуж не вышла? Почему ты...

– Я его любила, Кристина! Я любила их отца, но он меня так обидел что я... я стала мстить. Мои любовники... Я им всем говорила что я его жена, чтоб они думали, что наставляют ему рога. Понимаешь? Я его ненавидела.

Как глупо. Он хотел её спасти, но она разозлилась и свою

жизнь под откос пустила, только чтоб ему насолить. Какие же глупые люди бывают....

– Мам, я не вернусь домой, – говорю я, после небольшой паузы. Решаю, что врать больше не буду. – Думай что хочешь, секта или нет. Но я не вернусь в этот мир и эту жизнь никогда. Поэтому, ты просто прими это, хорошо? Мы можем созваниваться, я буду тебе помогать. Но не лезь ко мне и в мою жизнь и не думай, что я вернусь в эту.

Она застыла от моих резких слов. Опять опустила голову и кивнула.

– Ты только знай, что делаешь и береги себя. И что если что, я всегда буду тут и ждать тебя обратно. Поняла? – она хватает меня за руку и сжимает мои ладони.

– Я обязательно буду себя беречь, – обещаю я ей. – И ты тоже себя береги.

Я, впервые в жизни, наверное, но принимаю ласку от матери и сама касаюсь лбом её рук.

Макс берет билеты на вечерний рейс, и мы уже оказываемся в машине, на пути домой. Так быстро Питер и их дом стали домом, а прежний город – надоевшим и пустым.

Только в машине я решаю с ним поговорить.

– Зачем Олегу это надо? Он же сам говорил про пакт и то, что он не должен мне вредить.

– Он навредил не тебе, а твоей матери. Хотя ты права, это нарушение. И это ужасно что он на него пошел. Это очень

плохо и говорит о том, что крыша у него едет. Вообще странно, что ты до сих пор не понимаешь, почему он это делает.

– Потому что война между светом и тьмой... – говорю я с наигранным пафосом.

– Нет, – перебивает меня Макс с улыбкой. – Ты действительно не понимаешь... Как думаешь, что испытывает к тебе Олег?

– Эмм... Ненависть? Хотя за что? Все время нашего знакомства только он мне палки в колеса вставлял. Скорее ненависть по факту вида. Как в шахматах, злость черной фигурки к белой и наоборот.

– Ты бы это назвала ненавистью. А он может называть любовью.

– Шутить, изволите, юноша? – Я чуть не прыснула. Но Макс очень серьезен.

– Мы говорили с тобой о любви. Ты можешь любить образ, любить что-то идеальное в человеке. Виктор почему-то уверен, что Олег увидел в тебе нерастраченную любовь и поэтому помешался тогда и вызвал Машу. Я же думаю, что в его голове то же самое что у Сета про Хатхор. Он увидел лишь одну её часть и её полюбил, либо возжелал. Тут уж сама думай, какое понятие ближе. Олег, видит в тебе то темное, что скрыто. Что ты сама в себе прячешь. Он что-то нашел в тебе и полюбил это. Пытался достать, пытался тебя испортить, чтобы забрать свет и вытащить тьму. Ты не далась. А теперь он мстит. Но он не прекращает любить ту тьму в тебе. Ты же

помнишь, Хатхор сама говорила, что во всех есть две стороны. Все просто.

– Это какая-то странная логика. Во мне нет такого зла, чтобы его заметить издали. Так что, думаю, Виктор прав.

– Ты говоришь, что в тебе нет зла, потому что ты его не замечаешь ни в себе ни в других. Ты и во мне и в Викторе видишь только хорошее, доброе и я боюсь, что... – Он вдруг замолкает. Делает громче радио с какой-то дебильной песней про несчастную любовь.

Резко выключаю его.

– Ты не договорил, чего ты боишься?

– Ну, я зря это начал.

– Макс!

Он тормозит.

– Я боюсь, что ты любишь только тот свет, что увидела в нас. Что если мы покажем тебе свою тьму, ты испугаешься.

– Это не так.

– Легко сказать. А про Олега... ты не права. Человек, которому нравится другой человек, он не будет так себя вести. Он сам явно напросился туда, в клуб, к тебе, он нарушил пакт. Нельзя так сильно ненавидеть, Кристина. Это любовь.

– Бред какой-то. Это даже нелогично! – взрываюсь я.

– Логика хаоса. Она никогда не понятна обычным людям. Но поверь, я бы никогда не преследовал женщину, которую бы ненавидел. Только ту, которую бы любил. Другое дело, что любить можно очень по-разному. И очень разное.

Дальше мы едем молча. Я просто надеюсь, что приду, приму горячую ванну и лягу спать, просто забыв этот день. Не догадываясь, что на самом деле я навсегда запомню не то, что сейчас прошло а именно то, что сейчас произойдет.

Макс открывает двери зала. Делает один шаг. И застывает. Я иду за ним и вижу что в центре нашего зала стоит стул к которому привязан Олег толстым серым скотчем.

Судя по виду, он избит. А рядом стоит довольный собой Виктор.

– Наши оппоненты нарушили некоторые правила. И я, даже пришел к ним с договором, – объясняет он. – Я попросил у них разрешения наказать их слугу, что нарушил пакт. Они согласились. Так что, Кристина, мы можем ему отомстить.

13

– Ты сошел с ума? – Макс первым находит что сказать. Я же просто стою на месте, даже, кажется, разучилась двигаться и говорить.

– Я сказал, что я решу проблему – я её решил, – отвечает Виктор спокойно. Похоже, он действительно готов к абсолютно любым претензиям. Видимо, представлял себе этот разговор неоднократно за прошедшие сутки, и знает всё, что скажет ему брат.

А что скажу я я и сама не знаю.

Впервые я понимаю, что смотреть на Олега мне больно и страшно. Да, я боюсь его. Ненавижу за то, что он пытался сделать со мной и с Машей. Ненавижу за то, как он ворвался в мою жизнь и пугает меня. За то, что он в моей голове. Хуже этого ничего нет.

– Да ты охуел, просто вкрай! Ты нарушаешь правила! Ты всё нарушил! Она убьет нас теперь! – кричит Макс где-то далеко.

Я поворачиваю на него голову и понимаю, что он стоит от меня на расстоянии метра. Не более. Это в моей голове просто такая пустота и такой туман, что всё кажется таким далёким. Почему-то становится смешно. Едва сдерживаясь, хихикаю, закрыв рот. Братья, даже не замечают этого, замечает только Олег, судя по его округленным глазам. Сказать-то он

ничего не может из-за серого скотча на губах.

– Он сделал это первым. Он нарушил пакт, я защищаю нашу семью.

– Нас убьет Хатхор! Они специально позволили тебе это, они его сдали, чтобы вызвать гнев Хатхор. Чтобы у неё не осталось наместников. Ты идиот!

– Какой ты умный! – закатывает глаза Виктор. – Эй, Кристиночка, ты-то что молчишь?

Я не могу ничего ответить. Как будто набрала в рот воды и боюсь пролить. Только вместо воды будет какой-то дурацкий истерический смех.

– Не трогай её, это касается нас, – Макс подходит к брату очень близко и мне кажется, что он сейчас может действительно ударить его.

Виктор чуть приподнимает голову, я понимаю, что он готов и к этому варианту. Я понимаю, что сейчас они могут подраться.

И эта мысль уж точно лишает меня всего смеха. Нет уж, если они дойдут до такого, я не выдержу. Почему-то их отношения с друг другом мне так же важны, как и их любовь ко мне. Видимо, только если мы втроем мне кажется, что все гармонично и правильно. Я, наверное, странная.

– Стойте! – кричу я.

Оба оборачиваются на меня.

– Ты защищаешь меня от Олега? – уточняю я у Виктора, чуть подойдя.

– Конечно, любимая, – кивает он.

– Тогда я решаю, что с ним делать, – киваю я, внимательно смотря за изменением его зрачков.

– Разумеется, – он говорит тихо, почти мурчит.

– Отпусти его немедленно, – говорю я быстро и подхожу еще ближе.

– Серьезно?! – Виктор недовольно всплескивает руками. – У меня долг будет перед ними за то, что он тут просто посидит?! Реально?!

– Я не просила этого делать. – Я смотрю в глаза Виктору и вижу там только злобу и недовольство. Подхожу к нему вплотную, встав между ним и его братом. – Наша сила в любви и прощении, Виктор. Помни это. Поэтому его нужно отпустить. Мечь – не наше блюдо.

– И ты прощаешь его? – задает он вопрос.

Наверное, стоит восхититься его хитростью его дальновидностью, тем, как он прекрасно знает меня и своего брата.

Потому что только это может объяснить то, как он оглядывается и быстрым, будто натренированным движением вкладывает мне в руку нож с зазубренными лезвиями.

Наверное, надо восхититься, но я чувствую в себе такой сильный порыв злобы за это, за то, как он читает меня и Макса, и использует по своему хотению, что хочется оцарапать ему горло.

Глубоко вздыхаю.

– Что ты творишь? – шепчу я.

– Даю тебе выбор, – шепчет он горячо. – И повторяю вопрос: ты действительно его прощаешь? Тебя здесь никто не осудит, Кристина. Я скажу, что всё сделал я. Макс подтвердит.

И тут я делаю ошибку.

Я смотрю в глаза Олегу и вижу в нём тоже, что увидела в первую встречу.

«Он не отступиться», – говорит мне внутренний голос.

Какая-то часть меня ощущает власть над ним. И то, что я могу заставить его ответить за всё.

Сейчас сказать следующую фразу мне становится безумно тяжело. Будто пересыхают губы, рот, а язык становится ватным. Но я говорю:

– Я его прощаю и прошу тебя его отпустить.

У меня нет сил, даже вложить нож обратно в руки Виктора. Я просто расслабляю ладонь, и он с громким звоном падает на пол. Хочется упасть за ним, но я как-то нащупываю стул и медленно усаживаюсь на него.

Снова, к своему неудовольствию, я вижу глаза Олега. Внимательные, изучающие. В них нет ненависти, но есть огромное любопытство и что-то еще.

Как будто назло, вспоминаю разговор с Максом и это вызывает во мне чувство омерзения. Я резко встаю и могу только отвернуться от Олега.

Сразу утыкаюсь носом в грудь Макса. Он ничего не говорит, и просто сгребает меня в объятия.

Виктор вздыхает, и я слышу, как он развязывает Олега. Не хочу смотреть на них обоих. Только вдыхаю запах Макса и позволяю себе не думать ни о чем, кроме стука его сердца.

Всё ещё не хочу оборачиваться на Виктора, и поэтому просто поднимаюсь по лестнице, захожу в свою комнату, закрываюсь. И молча оседаю на пол.

Наутро мне боязно выходить из своей спальни, но все-таки я себя пересиливаю.

В зале оказывается только Макс. Я радуюсь тому, что не вижу Виктора и у меня нет с ним неловкого разговора.

Хотя сейчас это был бы скорее очень неловкий злой взгляд с моей стороны.

Мелькает грешная мысль. Хотя, учитывая, что мы здесь делаем: христианский грех, наверное, это мое хобби. Вот если думать с точки зрения именно любви и греха по отношению к ней, то мысль моя действительно ужасна – я думаю, о том, что возможно нужно расстаться с Виктором и остаться только с Максом.

Но как только мысль оформляется в моей голове, мне становится грустно. Будто, я заранее начинаю скучать по Виктору. Нет-нет. Я не могу его оставить. Сердце наполняется такой нежностью, что если бы он был здесь, я бы встала на колени, медленно и пошло его соблазняя. Не для того, чтобы удовлетворить свою похоть, а просто чтобы доставить ему удовольствие.

И я люблю его не вопреки тому, что он вчера натворил. Нет, я люблю его за это.

Я люблю его безумие. Каждого его чокнутого демона, что сведет всех нас в могилу, в тюрьму и в ад, когда мы окажемся на суде истинного Бога.

Люблю и Макса, его, наверное, большую же любовь к брату. Люблю его тайны, и ремешки у того развратного стола. Надо будет его опробовать, как-нибудь.

Да, любовь – наша религия, и она будет побезумнее мифов многих сект. И жизнью положила больше, уж точно.

От мыслей отвлекает лязг посуды, замечаю Олю с заплаканным лицом, что расставляет блюда.

– Оля?

– Все нормально, – отмахивается она. – Потом как-нибудь, поговорим.

Она странно улыбается, отрешенно как-то, и уходит.

Я надеюсь, что с Максом не придется обсуждать вчерашний день.

– А Виктор уже завтракал? – спрашиваю я.

– Да, с утра уехал по делам, – улыбается Макс. – Ночью ему явилась Хатхор.

– И что сказала? – удивилась я.

Макс снова улыбается, я понимаю, что это улыбка нервная и фальшивая. Боже, ну что случилось?

– Она сказала, что он провалил испытание.

Вспоминаю с каким звуком нож вчера вылетел из моих

рук и ударился оземь. Теперь с таким же звуком падают моё сердце и душа.

– И что теперь будет? – говорю я одними губами.

Если он скажет, что мне нужно умереть за Виктора. Я готова. Да.

– Она сказала ему, что было испытание для меня и я его прошел. Было испытание для него, и он его провалил. Это значит ничья. Оказывается, она хочет, чтобы мы были командой, можно сказать. Три испытания, три балла. Побеждает либо свет или тьма, и если мы получаем большинство от света, то... выживаем. Если нет то, договор расторгается.

– Я не понимаю...

– Последнее испытания на тебе, Кристина. Если ты его провалишь, договор с Хатхор будет разорван. Если пройдёшь, то мы получим наследство.

Я резко поднимаюсь на стуле. Не могу сидеть. Начинаю мерить шагами комнату. Виски стучат, я хватаюсь за них.

– Я не могу. Это такая ответственность... Я... Получается, на мне ваши жизни? Я не готова к такому, нет!

– Эй! – Макс подлетает ко мне и хватает меня за руки. – Давай договоримся об одном. Не думай о нас. Твое испытание лично твое.

– Да как так?!

– Я доверяю тебе, – говорит он, и будто в доказательство целует мне руки. – Знаешь, мне как-то отец сказал, что высшая форма доверия, это дать кому-то заряженный пистолет

с одной пулей и позволить в себя выстрелить. Доверие, если ты не будешь винить его в том, что случайная пуля выско-чит первой. Понимаешь? Ты позволишь ему даже себя убить. Даже если с нами что-то случится, это будет не твоя вина, поняла?

– Нет-нет!

– Это будет вина Виктора. Если нам предстоит умереть и отправиться в какой-то ад, мы уйдем вместе с ним, вдвоем. Ты будешь жить, ты еще ничем не связана. А мы пришли в мир с небольшой разницей и уйдем вдвоем. Поняла? С тобой всё будет хорошо. И даже если что, не вини себя. Живи.

– Ты что, уже прощаешься?! – кричу я и вырываю руки из его ладоней. Закрываю рот рукой. Не знаю, что делать, что думать.

– Нет, я просто не знаю, когда и как... когда мы пойдем. Оно всегда неожиданно. Я хочу, чтобы ты не чувствовала ответственности, потому что её на тебе нет.

Я качаю головой, не в силах что-то сказать. Макс резко прижимает меня к себе и целует в лоб.

– Успокойся. Я думаю, ты сможешь. Я в этом уверен, – шепчет он.

– Я не знаю!

– Все будет хорошо. Просто живи и люби, как ты умеешь. И ты всё сможешь. Помнишь, как ты легко прошла первый этап, второй? Помнишь, как ты играючи делала это? Все будет хорошо.

– А то, что было вчера не испытание? – шепчу я.

– Нет. Но возможно его часть. Еще, в наказание за то, что вчера Виктор заключил соглашение с людьми Сета, Хатхор отправила его на задание. Так что организация храмов сейчас на нас с тобой. Ты сможешь туда поехать?

– В Храм? Да, я поеду.

– Хорошо. Нужно будет просто привезти им часть артефактов и получить небольшой отчет. Ничего сложного, не психуй, пожалуйста. – Снова целует меня в лоб.

– Знаешь, когда мы получим наследство, я заключу пакт, договор, завещание и напишу здесь на каждой блядской стене, что мы все будем говорить друг другу только правду. Что мы не будем ничего скрывать. И никаких испытаний. Никогда.

– Это не нам решать.

– Нам. Мы должны сделать всё, чтобы следующие поколения не страдали как мы, Макс, понимаешь?

Он просто целует меня в шею. Это мгновенно возбуждает и я улыбаюсь себе оттого, как я легко завожусь от моих любимых мужчин.

– Мне нужно ехать, – кокетливо напоминаю я.

– Ага, – кивает он.

– А когда приеду, я хочу опробовать твой стол с завязками.

Усмехается.

– Тогда надо будет спровадить Олю.

– Спровадим.

Шлепает меня по заднице неожиданно.

– Тогда шевелись живо, я уже хочу тебя раздеть.

Хочется попрощаться фразой «я люблю тебя», но, наверное, наши отношения еще не дошли до такого уровня интимности.

На сей раз, за рулем машины я. Макс живенько, подготовил для меня доверенность на управление его черным порш кайен. Впервые оказавшись за рулем такой машины, я испытываю, просто детский восторг. Как дурочка, все время проверяю, где там очередной телевизор, очередная камера, какой классный звук из колонок.

Но достаточно быстро забываю, обо всех фишках. К хорошему, быстро привыкаешь и богатство – это ничто иное, как просто делать то же самое, что делаешь обычно. только гораздо более комфортно и легко.

По навигатору достаточно быстро добираюсь до бизнес-центра, где находится наш храм, уже предвкушая встречу с Кариной.

Знакомую фигуру узнаю издалека. Сердце неприятно ёкает, и я вспоминаю это чувство страха и отвращения. Не зря на полу его клуба были пауки. Никогда их не любила. Страх и отвращение. Такое же как сейчас.

Олег сидит на скамейке перед храмом, явно кого-то выжидая. И явно, этот кто-то я. Снова. Господи, можно его при-

кончить?

Сидит такой, в белой рубашечке, сама невинность. Черт тебя дери!

Мозг предлагает сразу два варианта событий;

Первый – могу поддать газу и уехать отсюда. Потом поеду домой, обниму Макса и скажу ему что мне нужен отпуск.

Второй – я могу поддать газу и переехать этого мудака. Сфоткаю то, что от него осталось, и поеду к Виктору и мы с удовольствием будем разглядывать оставшееся мессиво.

Обе картинки мне нравятся, обе, увы, не подходят. Тем более, что он уже привстал и смотрит на меня.

Как блин, он понял, что это я когда за тонированными стеклами, а?

Заезжаю в паркинг, оставляю машину. Поднимаюсь по скверу к зданию, делая вид, что не знаю Олега, а он, естественно, плетется за мной.

– Я думаю, тебе сюда хода нет, – говорю, я, даже не обращившись на него.

– Да, в сам храм зайти я не могу. Но нам надо поговорить.

– Ты чуть не убил мою мать, – рычу я. – Нам не о чем говорить.

– Ты сказала, что прощаешь, – напоминает он.

– Я сказала это не тебе, я сказала это оберегая Виктора.

Сгинь.

Я уже почти дохожу до двери, но Олег хватает меня за руку, не позволяя открыть её.

– А я всё думал, кто из них с тобой спит. Только вчера дошло, что оба. Обалдеть! И как это происходит, сразу, или по очереди? Неужели дома всё было настолько плохо с днями, что ты готова так унижаться?

– Блядь, да что тебе надо от меня?! – кричу я.

– Просто поговорить. Больше ничего, – говорит он.

– Говори тогда уже, и исчезни!

Кивает на сквер.

– Давай присядем, не хочу у порога.

Я закатываю глаза и качаю головой, но всё же послушно спускаюсь к скамейке, откуда он встал при мне. Присаживаюсь, он садится рядом.

– Просто пообещай мне, что ты исчезнешь из моей жизни. Всё, что ты приносишь мне это страдание, – говорю я тихо. – Я понимаю, что это твоя работа, но что-то ты с ней слишком рьяно справляешься. Есть и другие ваши агенты, вот пусть они тут и работают. Ты мне надоел. Бери отпуск.

– Как ты думаешь, что именно из того, что делал, я по отношению к тебе, было приказом Сета? – начинает он изда- лека.

– Честно, мне плевать, – качаю я головой.

– Ну, попробуй угадать.

– Хм, всё? – я продолжаю смотреть куда-то в пустоту.

– Ничего.

Да уж. Теперь заинтересовал. Я медленно поворачиваю голову в его сторону.

– Как это?

– Ну, не было приказа от Сета. Как-либо на тебя влиять и всё такое. Я и познакомился с тобой сам, и к матери твоей поехал сам. Только когда отправили заключать пакт это было указание «сверху». Но это логично, просто юридическая тонкость, я же был здесь единственным на тот момент из местных Сета.

– Ты нарушил правила и навредил моей матери. Зачем?

– Я не понимаю, почему ты держишься за неё? За мать свою, – отвечает он мне вопросом на вопрос.

– Тебя это не касается.

– Касается.

Он резко поднимается. Опирается на дерево и смотрит на меня снизу вверх. Молчит.

– Ты хотел поговорить и теперь молчишь, не отвечаешь ни на один вопрос. Или ты говоришь что хотел, или я уйду!

– Я думаю, что нам врут, – выпаливает он.

– Интересное начало.

– Тот, кто способен великую любовь, способен на великую ненависть, и наоборот. Я думаю, это просто сила души. Сила эмоций.

Я едва совладаю с собой, чтобы просто вздохнуть.

– Я не хочу с тобой говорить о философии и психологии, если ты за этим меня позвал, – медленно произношу я.

– Я видел в тебе столько зла...

– Что?

– Знаешь, в Египте есть много жестоких богов, но только одна чуть не уничтожила все человечество. И ты прекрасно знаешь её имя. Богиня Любви.

– Ты видел, во мне зло? – напоминаю я.

– Да я и сейчас вижу, – хмыкает он. – Когда ты увидела меня ещё в своей машине, я почувствовал такую волну чистой ненависти!.. Это было вкусно. Такая мощная, черная. Мне понравилось. Это даже возбуждающе. Ты представляла, как я буду валяться, у тебя на капоте трупом? Вижу, представляла. Или вчера, с этим ножом в руках. У тебя были мысли им воспользоваться. Только пытки – это искусство. Ты им не овладела, я мог бы помочь, конечно.

Я даже не знаю, что сказать. Мерзкий паук оказывается ядовитым. Вплескивает в меня свой яд, и я думаю, что он прав, в какой-то части. И от этого становится еще более противно.

– Постараюсь быть добрее, – говорю я, глядя в пустоту.

– Но тебя не за что меня ненавидеть. Ты не там врагов ищешь, девочка.

– Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, – устало говорю я.

Он опять присаживается рядом со мной. Мне кажется, ему действительно неловко это говорить. Пытаюсь отключить ненависть и хотя бы пожалеть его. Хотя с чего его жалеть, то?

– У тебя очень много энергии. Ты очень сильная. Ты осо-

бенная. Чистые, незамутненные, нерастраченные эмоции. Огромная душа, которая только ищет себя. И... Это странно, да, но я влюбился в эту энергию. В тот источник силы, которым ты являешься.

Кажется так закатывать глаза просто невозможно физически.

Я молча хватаю сумку и собираюсь уходить.

– Да стой ты! – он преграждает мне дорогу.

– Блин. Ты служишь ходячей ненависти! Из-за тебя пострадала моя подруга, из-за тебя чуть не умерла моя мать. А теперь ты мне рассказываешь про любовь? Ты с дуба рухнул или как? Ты ненормальный!

– Я, человек, а не один из богов, уж прости, такое может случиться. В нас две энергии, да. Это вообще странно, с твоей стороны забирать у кого-то право на любовь... Да даже у Гитлера жена была, и что? Насчет Маши – да мне плевать на неё и на большинство людей. А насчет матери твоей – да не умерла бы она, я просто хотел вырвать тебя из Питера. Я хотел поехать к тебе и поговорить там. Но мне немного помешал твой любовник тем, что похитил меня, блядь! Вот и встреча не задалась.

– И ты реально думаешь, что я сейчас тебя послушаю и уйду к тебе? Или что? Что у тебя, блин в башке твоей ненормальной? Ты псих?!

– Нет, не такой дурак, я на это не надеюсь, по крайней мере, сейчас. Я просто хочу, чтобы ты знала это, и знала еще

кое-что очень важное. Как тот, кто заключил пакт с тобой, я обладаю некоторыми знаниями... Я видел договор, который твои братья написали. Который вы должны заключить во время ритуала.

– И что?

– Я не знаю, где он находится в вашем доме, но догадываюсь, что ты сможешь его найти. Не завещание, а именно договор. Прочти его. Лучше с кем-то, если не сможешь понять тонкостей.

– Зачем?!

– Ты поймешь. Просто прочти договор. Я больше ничего от тебя не требую, но просто знаю, что если, – он будто не знает, что сказать за «если». – В общем, мои двери для тебя открыты будут всегда. Даже если меня накажут. Всё.

– Это всё?

– Да. Это всё, – выдыхает он.

В какой-то момент мне становится даже жалко его по взгляду. Но, я отбрасываю эту мысль. Ненавидеть нельзя, жалеть тоже. Да пошел он!

– Тогда пошёл ты нахуй, – выдыхаю я. – Надеюсь, больше не встретимся.

Я толкаю его, и иду наконец-то в храм.

– Прочти договор, – слышу я за спиной.

Я молчу.

Прихожу в себя только тогда, когда оказываюсь в знакомой локации.

Но пытаюсь пройти через порог, я понимаю, что меня что-то не пускает.

Как будто огромная стеклянная стена передо мною.

– Блин. Эй! Помогите! – я кричу и стучу по «стеклу».

Красавицы, как обычно слоняющиеся по коридорам, удивленно останавливаются. Подбегает Карина.

– Ух ты! – восклицает она.

– Да что такое?! – кричу я снова стучу по «стеклу».

– В тебе слишком много ненависти. Что на гаишника на-ткнулась? Взятку потребовал? – спрашивает она и так невинно хлопает большими, чуть зауженными глазами что я смеюсь.

– Да, именно что на гаишника, – с сарказмом отвечаю я.

Самое забавное, что как только моё внимание переключается с разговора с Олегом на Карину – стекло исчезает и моя ладонь неожиданно входит в пустоту воздуха.

– Я рада что ты здесь, – вздыхаю я.

– Да, я тоже. Не понимаю, честно говоря: сюда входят разные люди, но такого, чтобы из-за ненависти они не могли пройти – я вижу первый раз, – бормочет она.

– А у меня новая теория – мне сказали, что на самом деле тот, кто может сильно любить и кто-то может сильно ненавидеть. Что думаешь?

– Не знаю. Если мы говорим про частую ненависть, а не про какой-нибудь безразличие, то возможно, да. Я хотела сказать, я говорила с Олей.

– Так с этого момента замолкаешь, мы приходим к тебе в комнату и спокойно всё обсуждаем.

Карина послушно кивает.

Она провожает меня в свою комнату, которая оказывается простенькой, светлой и заполненной плакатами полуголых танцовщиц на высоких каблуках.

– Так у меня есть сейчас два вывода, и мне нужно, чтобы ты их подтвердила или опровергла, – говорю я, оглядывая все это великолепие. – Во-первых, в тебе не умерла тринадцатилетняя неформалка которая обожает везде клеить плакаты?

– Каюсь, это правда, – хихикает она.

– Во-вторых, кажется ты бисексуальна. Или ты тринадцатилетний подросток мужского пола?

– Нет и нет. Я просто восхищаюсь красотой женского тела, – заявляет она.

– Это так называется? Я подобное видела только у парней в крайней стадии спермотоксикоза.

– Нефиг все опошлять! Если ко мне придется самая красивая женщина из всех них и предложит все самое интересное... То я просто усажу её пить чай. Или танцевать. Разве ты никогда не любила человека, просто за его красоту, наслаждаясь им как картинкой?

– Ладно, я не настолько большой фанат красоты, –жимаю я плечами. – Забираюсь на высокую постель Карины. И приглашаю ее сесть рядом. – Ну что там с Олей?

– Ну мы поговорили. В общем, то была права, она уже место себе не находила.

– И как прошло?

– Сначала ужасно. В первый день мы... мы просто разругались, опять. Но потом она сказала, что вы куда-то уехали. И у нее было больше времени, чтобы подумать. В общем, она приняла моё новое занятие. И сказал, что главное, чтобы я была счастлива, а всё остальное... это второстепенно. Утром мы тоже говорили, аж расплакались обе. Вот.

– Ну видишь, как прекрасно, – я вздыхаю. Наконец-то хоть одна проблема решена!

– Да, прекрасно. И это всё благодаря тебе.

– Нет, это все благодаря твоей смелости, я просто тебя подтолкнула, – киваю я.

– Я бы сама в жизни бы я не позвонила, – Карина опускает голову. Мне кажется, что у нее даже глаза на мокром месте.

– Ну ты чего, все же хорошо, – толкаю её слегка.

– Ты говорила про правду, что? Правду нужно знать. Какой бы она ни была?

– Ну да.

– Я кое-что знаю. Правду она может тебе очень не понравиться.

– Правда о чем?

– О братьях.

Она смотрит на меня как-то испуганно.

– В смысле? – не понимаю я.

– Договор, который они написали он...

Блядь. И тут. Черт!

– Нет всё, – Я поднимаю руки и встаю с кровати. – Вы же второй раз за день это слышу, нет. Я не должна знать, что там я люблю их и я доверяю им.

– Но они этого не заслуживают, Кристина!

– Что?

– Они не заслуживают твоей любви!

– Как это?

– Послушай, ты можешь им доверять и прочее, но только после того, как ты узнаешь правду, ты сама говорила, как это важно.

Кажется, мне не отвертеться.

– Что ты знаешь, где находится этот договор?

– Нет, понятия не имею...

– И что? Что ты от меня тогда хочешь?

– Я его читала. Он был на столе, я посмотрела его. Я прочитала две страницы из трёх, но там уже всё написано. Я даже сфотографировала его... вот.

Она ковыряется в телефоне и передает его мне.

– Что там такого написано? – бурчу я.

Я беру из ее рок телефон и приближаю изображение. Да, красными чернилами на папирусе, как тот, что я видела еще давно.

Поэтому мысли о том, что это подделка, у меня не возникает. Я пробегаюсь по первым строчкам без интереса. Но

потом погружаюсь в чтение.

Когда заканчиваю, поднимаю взгляд на Карину, которая смотрит на меня с искренним сочувствием.

– Я... я не понимаю, – говорю я и пожимаю плечами, глядя в большие изумрудные глаза Карины.

– Ну вот же! – восклицает она и выхватывает смартфон из моих рук. Начинает читать: – «Договор заключается между великой богиней... вот! Виктором Малышевым, Максимом Малышевым, их сестрой Кристиной Похольчук».

– И? – протягиваю я.

– Ты им не сестра! – вспыхивает Карина.

– Ну... сводная сестра, потому что их отец мой отчим, – говорю я медленно. Будто пытаюсь ей пояснить очень простую мысль, которую она, видимо, не понимает.

Или я не понимаю?

– Их отец никогда не называл тебя сестрой. Вспомни завещание, он просто обозначил тебя! Он назвал по имени, но не дал статуса. И это правильно. А братья в документе написали, что ты их сестра. Но это же не так! Просто пойми. Этот договор работает на истине, ну то есть, на том, что реально. Понимаешь? Чего никогда не может быть между братом и сестрой? Что в любой религии запрещено между братом и сестрой?

Я понимаю, на что она намекает своей очень горячей речью, но не понимаю, почему это, блин, важно.

– Секс... я им не сестра, потому что я была с ними, спала

с ними, – говорю я тихо. – Но, я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

– Братья написали что? Договор заключается с их сестрой Кристиной Похольчук. Но таковой не существует! Есть Кристина Похольчук, но она им не сестра! Это как юридический казус, понимаешь? А это даже не юрисдикция, магия работает четко, как компьютер. Представь, что указала путь к файлу, но указала неправильную папку. Просто не то имя. Что будет?

– Я файл не найду, потому что не тот путь, он же ищет по параметрам что я задала.

Кажется, до меня начинает доходить. Магия и договор. Если там поставить неправильный путь, то она просто...

– Верно! С магией будет то же самое, – кричит Карина и кивает несколько раз. – Она не понимает нюансов, а понимает всё буквально. Ты им не сестра и не можешь быть даже названной сестрой, потому что между вами было то, чего не может быть между братом и сестрой. Причем, ни по каким-то человеческим, а именно по высшим законам! Понимаешь? Ты просто будешь незаметна для магии во время ритуала. И не получишь ничего. Не станешь наместницей.

– Но... Хатхор знает меня. Мы виделись с ней.

– Ну да, она отдаст силы им и право наместников, она исполнит договор, а ты будешь не у дел. Сила тебя просто не найдет. И всё.

Виски начинают стучать, я снова присаживаюсь на кро-

вать, кажется, телу сложно даже удерживать меня в ровном положении.

– И она позволила бы этому случиться?

– Она не имеет влияния. Может быть на то, как пишется договор. Но сомневаюсь, что она не знает.

Нет, это какой-то бред. Нереально. Такого быть не может.

Просто не может, по определению!

– Но откуда ты это знаешь? Почему ты именно так думаешь?! – поднимаю я глаза на Карину.

– Ты мне не веришь?! – чувствую в её голосе нотки обиды. – Ну ладно.

– Нет, просто с чего ты это взяла? – уже кричу я. – Просто прочитала что-то и подумала. Карина? Если уж решила говорить, говори – всё.

– Ну... – она мнетя. – В общем, когда я только его увидела, я просто сфоткала. Честно, потому что это красиво и я никогда не могла касаться этих договоров с богиней. А сегодня, я говорила с Олей, и она мне сказала, что еще перед тем, как ты приехала она сказала, что братья нашли способ перехитрить всех. Она их подслушала и узнала, что они будут следовать правилам Хатхор, делать все как паиньки, но соблазнят тебя. Я только теперь поняла, почему то видео со мной они писали. Кристина, ты тогда к ним еще даже не приехала! Они не знали тебя! Они не могли тебя любить или даже хотеть. Они не знали, даже, как ты выглядишь. Но уже знали, что должны тебя затащить в постель.

– Они говорили, что это было когда я неделю встречалась с инкубом... – тихо говорю я.

– Нет, – она качает головой. – Вспомни, в первый день меня просто не было. Мы познакомились с тобой не сразу. Почему? Они дали мне выходной после нашего «марафона». Я еще тогда удивилась, и потом даже договор видела, но тоже не поняла. Мне Оля все объяснила, только сейчас. Кристина, – она выдыхает, будто ей тяжело говорить. – она шантажировала их.

– И что? – кажется сил злиться или удивляться просто не осталось.

– Ну, они заплатили ей за молчание. И сегодня она сказала, что все эти месяцы, она думала, что моя пропажа – это их месть. И потому молчала, думала, что они убили меня и не знала, что делать. Говорить тебе, или нет или они и её убьют. Ты была права она жила в страхе, и не только за меня, но и за себя. Она не знала, что они не вредили мне и просто исполнили то, что она требовала. Но я молчать не могу, я не хочу, чтобы ты была обманута. Ты слишком хороший человек, Кристина!

Да я, вроде как, уже, обманута.

Я её слышу, как сквозь туман. Серый-серый, плотный. В висках сумасшедший рокер-барабанщик отстукивает дикий ритм, что болью отражается в голове.

– Ты нормально? Эй! – кричит Карина и трясет меня за плечо. Больно. – Воды дать?

– Мм... угу, – киваю я.

Она бегом мчится к графину, наливает мне стаканчик и подает.

– Что будешь делать? – спрашивает она когда я делаю пару глотков.

– Я хочу умереть, – вырывается у меня.

– Дура! Ты что?!

– Нет, нет. Я не всерьез, просто... я не знаю.

Я не могу даже подумать, чтобы говорить с ними. Они соврнут, опять. И я опять поверю. Они мною все время играют, как хотят. Есть только одно существо, с которым я хочу поговорить. Хатхор. Она скажет мне правда это или ложь. Она мне должна объяснить. Не может быть, чтоб она не знала. Она не дура, она, черт дери, – божество!

Я резко подрываюсь. Начинаю ходить по комнате кругами. Карина внимательно наблюдает за мной. Я пытаюсь собрать в кучку свои мысли и чувства. Не выходит, голова снова будто пытается взорваться.

– Мне нужно попасть в дом. Туда в подвал, где можно поговорить с Хатхор. Но последнее, что я сейчас хочу, это видеть Максима или Виктора. Что мне делать?

– Ну слушай, есть одна штука, – начинает Карина мягко. – но она тебе может не понравиться. Может ты просто придешь к ним и поговоришь?

– Может, но не сейчас. Что за штука?

– Ну, короче говоря, чтобы я могла спокойно уехать отту-

да сюда, братья дали мне медальон. Ну, чтобы меня менты не искали, чтобы я спокойно прошла мимо Оли, и она не знала, что я ухожу, ну и так далее. Очень полезная штука.

Она встаёт, идёт к своему шкафчику и начинает перебирать там какие-то вещи.

– Блин, если я его посеяла, это какой-то капец, – бурчит она. – О! Нашла.

Оборачивается ко мне, с видом победителя и держит в руках маленький серебристый кулон.

– Что это? – спрашиваю я.

– В общем, смысл его такой, что тебя никто не будет замечать. Это не чистая невидимость, а магия иллюзии. Влияет на восприятие, ты для всех будешь как слепое пятно.

– И оно на них подействует? Они же сами маги. – приподнимаю я брови.

– Подействуют, мы его тестировали, они меня не видели.

Она передает мне кулончик, я присматриваюсь: обычный, маленький серебристый шарик на цепочке. Просто на автомате, я надеваю его на себя.

Смотрю на Карину. Она слегка отворачивает лицо и смотрит куда-то в сторону.

– Ну, честно говоря, это было не очень вежливо, – говорит она в пустоту.

Может, она прикалывается надо мной? Я машу рукой прямо у ее глаз. Да нет, если бы прикалывалась у нее хотя бы зрочки как-то двинулись за моей ладонью на автомате. Каса-

юсь указательным пальцем её носа.

– Эй! – возмущается она. – Ты ж не бестелесная, я тебя чувствую!

Работает.

Да не, бред какой-то!

Я качаю головой, открываю дверь из спальни Карины и быстрым шагом иду в центр зала храма. Там, как всегда, снуют красавицы. Одна из них та самая мулатка, которую я когда-то видела с братьями, резко толкает меня.

– Ой, блин. Это что здесь? – кричит она в недоумении, и хотя стоит прямо передо мной, она удивленно вертит головой, не понимая, на что наткнулась.

– Обалдеть! – с восторгом говорю я.

– Это что?! – кричит девушка.

– Так всё, – я снимаю с себя кулончик и хватаю её за руку. – Все нормально, это я тут... экспериментирую. Успокойся.

– Ааа, блин, знаю эту хрень, – выдыхает она. – У меня похожая была штуковина. Не надо меня так пугать.

Она фальшиво хихикает, и я чувствую в этом смехе такое нервное напряжение и подобострастие что становится неприятно. Она видит во мне не подругу, не просто какую-то женщину, а хозяйку. Типа директора этого места. Но я не директор.

– Больше не буду, – улыбаюсь я в ответ такой же фальшивой улыбкой, от которой сводит скулы.

Возвращаюсь к Карине.

– Ёпт! – кричит она, увидев меня у порога. – Ты вышла? Я думала ты тут шифруешься.

– Оно работает, – киваю я ей и своим мыслям. – Я вернусь домой и поговорю с Хатхор.

– Удачи.

Я решаю оставить машину у храма и добраться на общественном транспорте. Мы же там я включаю свою невидимость. Нахожу полупустой автобус, сажусь в него и потом спокойно выхожу «зайцем».

Следующий вопрос то, как меня впустит охрана? Но всё оказывается проще, чем я думала. Охранники просто стоят с двух сторон от открытых ворот. Я тихо прохожу между ними.

Я прекрасно понимаю и все время держу в голове правила сегодняшней игры:

Ничего не говорить и никого не касаться.

Звучит просто. Тем более, что я понимаю, что если правила я нарушу, то со мной ничего страшного, по сути, не произойдёт. Это дает мне уверенность и спокойствие. А вот дверь самого дома для меня оказывается закрытой. Я обхожу дом по кругу, надеюсь, на какой-нибудь черный вход или подвал, или еще что-то.

Но не обнаруживаю.

Приходится только стоять у входной двери и думать, как же туда попасть.

Ответ на этот вопрос появляется сам по себе, буквально через несколько минут. Когда я слышу рёв мотора машины Виктора.

Я не видела его со вчерашнего вечера, и сердце по инерции приятно ёкает, от его вида. Хочется обнять, прижаться к нему, послушать какую-то его пошлость, извиниться за то, что вчера так пошла спать за то, что сегодня с утра не позволила.

Хочется даже сказать, что «люблю его». И от этой мысли внутри скребут кошки.

Он выходит из машины и широким шагом подходит к дому. Я становлюсь к нему очень близко за его спиной, и ветер доносит до меня запах его терпкого парфюма. Как только он открывает дверь, я мигом юркаю внутрь дома и смотрю на Виктора, не заметил ли часом меня?

Он на секунду застывает и оглядывается. Возможно, он бы сейчас фокусировался на этой мысли, но его отвлекает Макс. Не здороваясь тот кричит с лестницы:

– Я два часа не могу дозвониться до Кристины!

– А где она? – говорит Виктор спокойно и слегка уставшим голосом.

– Я попросил ее поехать в храм, там дел меньше, чем на час!

– Может заболталась с девками? – пожимает плечами Виктор. – А может и не только заболталась?

– В каком смысле?

– Ну, решила попробовать с девочками. Я б на неё месте всех там жажнул по очереди.

Я закатываю глаза. Виктор не меняется.

– Во-первых, поэтому, туда езжу я или кто-то другой, а то ты бы только этим и занимался, – замечает Макс, спускаясь с лестницы. – Во-вторых, Кристина – женщина.

– И что? Лесбиянок не бывает? – смеется Виктор. – Ладно, шучу. Но, блин, ты не даешь ей свободы, ну может тусит, развлекается. Успокойся, папаша.

– Я чувствую, что с ней что-то не так. Разве ты не чувствуешь?!

Виктор закрывает глаза, будто пытаюсь прислушаться к своим ощущениям. Стоит так несколько секунд и выдает:

– Да нет, с ней все в порядке. Она жива и здорова. Над ней нет никакой опасности. Мне, даже, кажется, она недалеко.

– Я не про это... мне кажется ей плохо, но как-то... как-то не так. Не физически. Не понимаю я...

– Ну давай так: настроение у нее испорчено уже несколько дней. Сначала подружка, потом мамка её, потом этот уродец из темных. Если он попробовал ей мстить я за себя не ручаюсь.

– Я всё думаю о том, что... Что если ей сказали? – говорит Макс и поднимает взгляд на брата.

Я застываю. Стараясь даже не дышать, вглядываюсь в лицо Виктора. Хочется содрать с себя кулончик и спросить: «О чем сказали?!».

– Да ну. Кто? – пожимает плечами Виктор.

– Единственный, кто знал. Ольга! – зовет Макс.

Братья стоят и ждут, пока к ним не подходит Ольга.

– Да? – запыхавшись говорит она.

– Ты не нарушала ли наш договор? – спрашивает Виктор, глядя на неё сверху вниз. Мне от такого взгляда хочется вжаться в плечи. Но я вздыхаю, я и так невидима.

– Какой? – она округляет глаза.

– Тот, за который ты получила двести тысяч рублей. А могла получить пару травм.

– Виктор! – осекает его брат.

– Да какого хуя я должен...

– Ты и так наказан. Ты помнишь кому мы служим. Успокойся. Ольга, ты говорила кому-то нашем договоре и о том, что ты узнала тогда?

– А, да нет, вы что? – она начинает громко шептать и терзать край своей формы. – Мы договорились и всё хорошо. Я ничего ей не говорила.

– Ей. А другим? – уточняет Макс.

– Нет, – Оля качает головой резко.

Не умеет она врать. Не знаю, замечает ли это Макс или просто решает сжалиться над женщиной, но он машет рукой.

– Ладно, если ты соврала, то кроме финансового долга на тебе будут еще проценты. Как в самом жестком займе. В жизни не расплатишься, – рычит Виктор.

– Хватит, – останавливает его Макс.

– А если это из-за неё?!

– Мы не знаем. Оля, лучше скажи правду, если есть что сказать.

– Н-нет, – она снова качает головой.

– Свободна, – бросает Виктор, и она, быстро закивав, уходит.

Макс звонит. Догадываюсь что мне. А я телефон благополучно оставила на остановке и выключила звук.

– Алло? – говорит Макс в трубку. – Кристина?

Неожиданно услышать, как кто-то берет и отвечает на твой же телефон.

Меняется в лице и включает громкую связь.

– Повторите, пожалуйста, – говорит он в трубку и смотрит неотрывно на Виктора.

– Я говорю: куда подвезти телефон? Я нашла его на остановке, – говорит девушка с явным акцентом на гласных.

– Он принадлежит девушке. Вы её не видели? – Макс говорит, явно глупость и понимает это. Закрывает лоб рукой. – Ладно, простите просто. Человек пропал, кажется и я... волнуясь.

– Нет, тут никого не было. Куда подвезти? – девушку не особо задевают слова Макса.

– Мы вам перезвоним, спасибо.

Макс сбрасывает звонок, выбрасывает телефон на диван и опирается руками на стол.

– Может Олег или тёмные? – говорит Виктор.

– Ты же сам чувствуешь её здоровью, ничего не угрожает. Она в безопасности, так что это не темные. Здесь может быть только одно объяснение.

– Это тебе так кажется, потому что тебя постоянно это в голове: «Как сделать так, чтобы она не узнала? Как от нее скрыть?» Ты все время об этом думаешь. Достал уже. Себя сам накручиваешь и сейчас тоже.

Почему-то вспомнила тот момент, когда я собиралась, и услышала их разговор. «Смысл в том, что она ничего не заподозрит!» – так запомнилась эта фраза.

Я тогда подумала, что дело в Олеге, что я не заподозрю, что это всё подготовка к заключению пакта.

Оказывается, я была не права.

– Слушай, договор лежал в открытом месте, темные имели возможность его прочитать. Возможно, Олег ей сказал, он должен иметь к нему доступ, – говорит Виктор.

Я опускаю голову, будто не имею больше сил держать её. Это правда. Карина сказала правду.

Сердце стучит где-то в ушах. Хочется сбежать, но, если я сейчас открою дверь, они точно поймут, что я здесь. Правильным будет только исполнить свой план, спуститься вниз. К Хатхор.

Осторожно начинаю идти в сторону лестницы.

– Хорошо, даже если она узнала. Даже если ей все объяснили. Неужели после всего она просто уйдет и откажется от всего? Она просто оставит нас умирать?! – восклицает Вик-

тор и я стою на месте, понимая, что это тот вопрос, на который я не могу ответить.

Конечно, я не монстр, я не убийца и не последняя тварь. Я не позволю им умереть. Но быть здесь не в моих силах.

– Честно говоря, ни хрена не понятно. Хатхор на самом деле придумала для неё испытание. Вопрос какое? – бурчит Макс.

– Так вот тебе и ответ, это и есть испытание. Разве нет? – пожимает Виктор плечами.

– И что она должна выбрать?

– Не знаю. Но знаю одно, мы не выживем, если она сейчас пропадет, – выпаливает Виктор.

Я закрываю лицо руками, чтобы не заплакать и не выдать себя. Качаю головой. Самое странное, что я даже не понимаю, в каком смысле он говорит.

Возможно, в самом прямом, он действительно не выживет, если я не пройду испытание? Или он имел в виду что-то другое?

Нет, не надейся глупая, наивная дурочка. Не надейся, что тебя полюбили, а не использовали в очередной раз. Нет-нет. Всё.

Я должна поговорить с Хатхор? Только она мне всё объяснит.

Осторожно, стараясь не издавать ни единого звука, почти не дыша, я спускаюсь по лестнице. Нахожу ту самую комнату, где мы были вместе в первый раз. Я радуюсь, что дверь

приоткрыта. Стараюсь не приоткрывать ее больше, чтобы она не скрипела, протискиваюсь в щель.

Там же, не включая свет, я добегаю до библиотеки и сдвигаю книжный шкаф.

А теперь один вопрос, как вызвать Хатхор?

Не придумав ничего, лучше, я закрываюсь в подвале. Оседаю на пол, закрывая глаза.

– Приди, приди, приди, – зову я её шепотом.

Я говорю это как мантру и медленно качаюсь, понимая, что я засыпаю. Но в этом и план. Я хочу уснуть и поговорить с ней. В реальности она мне не явится.

В какой-то момент, когда я уже почти отчаиваюсь уснуть, я открываю глаза и понимаю, что вокруг слишком светло.

Белые стены, красная мебель. И трон впереди меня.

Я поднимаюсь, радуясь, что она вышла на мой зов и подбегаю к Хатхор.

– Только один вопрос, – говорит она, пока я бегу в её сторону.

Я резко застываю на месте, чуть не свернув колено.

Хочется крикнуть: «Вы прикалываетесь?», но это может быть тем самым вопросом. Зачем так издеваться надо мной? Сплошное наказание, сплошные испытания.

Не знаю даже, что и спросить, потому что спросить хочется очень многое.

Это действительно часть испытания? Братья любят меня? Они жалеют о том, что сделали? И как мне поступить пра-

вильней?

Я долго думаю, как сформулировать вопрос.

– Что мне делать? – произношу я шепотом.

Богиня усмехается.

– Я не намерена давать тебе подсказок. Я уже тебе их дала достаточно, в нашу прошлую встречу. Ты выбираешь любовь или ненависть. И действуешь согласно выбору.

– Я их люблю! – кричу я. – Но я не знаю... Они меня не любят, получается. И никогда не любили. Или любят теперь. Я не знаю, Хатхор. Что мне делать?

Она молчит и смотрит как будто сквозь меня.

– Отвечай! ОТВЕЧАЙ!

Я просыпаюсь от собственного крика. Сначала дёргаюсь, будто думая, что я стала видимой. Но нет топота ног не слышно, я осторожно приоткрываю книжный шкаф. Выглядываю – никого нет.

Медленно и тихо поднимаюсь по лестнице. Снова выглядываю. Виктор дрыхнет на диване. Макса не видно.

Я подхожу к Виктору. Он красивый, когда спит. Да он всегда красивый. Безумно хочется прикоснуться, поцеловать, но я позволяю себе коснуться воздуха рядом с его лицом в сантиметрах двух.

Возможно, это наше прощание.

Оля идет мимо меня, неся мешок с мусором. Я подстраиваюсь идти за ней. Она открывает дверь. И я выбегаю, уже не заботясь о том, чтобы она меня не заметила.

Пробегаю мимо охранников. И бегу. Бегу куда глаза глядят и не могу остановиться, пока не теряю равновесие и падаю на землю, уже близко к дороге.

По-прежнему не знаю, что мне делать. И что мне думать?

Проходит неделя.

Я, прекрасно понимая, какие у Макса и Виктора связи, стараюсь не появляться даже на камерах наблюдения. Поэтому всю неделю живу в состоянии невидимости.

Я сняла кулон ночью, буквально у порога круглосуточного ломбарда, спрятавшись за козырьком и сдала туда все украшения что были на мне и часы с руки.

Так что хотя бы немного денег у меня скопилось. Вытаскивать деньги с карты, конечно же, опрометчиво – братья сразу же найдут, а я до сих пор не знаю, как мне с ними говорить и о чём.

Я, можно сказать, поселилась в торговом центре. Когда он закрывается, я надеваю кулон и иду спать в кровати их мебельного магазина. Днем же беру еду в местной столовой.

Несколько раз порывалась идти к братьям, но не могла понять, что им сказать. Не получались никакие репетиции. Просто потому, что я сама не знаю, что делать.

Понятное дело, что жить так всё время я не смогу нужно определиться.

Наверное, самое правильное, это поехать домой. Там у меня будет время, там у меня будет мама, и я смогу с ней поговорить.

Конце концов, учитывая договор, я не должна быть на

инициации. Но при этом должна пройти испытание. Как его пройти? Вопрос в том, чтобы сделать так, чтобы братья получили своё наследство, а я не была растоптана окончательно.

Пройти игру до конца, чтобы потом получить унижительное отсутствие магии? Возможно, но мне кажется, что еще капля, еще одна потеря, еще одно предательство и я просто сломаюсь.

Простить их? Захочу ли я их простить, а смогу ли я это сделать? Да и, наверное, здесь дело, даже не в прощении, а в любви. И главный вопрос не в том, люблю ли я их. Если бы, я уже не осознала то, что люблю их, мне было бы сейчас не так истерически больно на душе.

Без любви было бы куда легче.

Тут самый важный вопрос любят они меня или нет? Потому что... Нет, я уж точно не желаю им зла. И да, я сделаю то, что нужно, чтобы они выжили и получили свое наследство.

Только потом я буду им уже не нужна. Эта мысль вызывает непрошенные слезы.

Дурочка. Развели, как тупую малолетку.

Я бы уехала, и может села бы бухать рядом с мамой, чтоб хоть как-то заглушить эту ноющую боль в сердце, но нет. Я хочу им помочь. Я **должна** пройти испытание и только тогда уезжать.

Итак, самый логичный вывод. Два варианта: первый это поехать домой, второй – поехать к ним и всё обговорить. По

сути, это даже не едва логичных вывода, а два единственных моих пути. Куда я могу вообще обратиться?

Хотя нет. Я неправа. Есть и третий вариант, там, где меня всегда ждут. Только он кажется мне максимально идиотским. Хм. Если я не могу выбрать из двух умных вариантов, надо выбрать самый тупой.

Вдруг, картинка прорисовывается в голове, очень четкая и правильная. Я понимаю, что мне нужно сделать и как сделать так, чтобы всем было хорошо. Это будет сложно, в первую очередь для меня, но это, как мне кажется, единственный выход.

Благо я хорошо запомнила, как доезжать до того ночного клуба.

Захожу внутрь этого адского места со слишком громкой для моих ушей музыкой. Прохожусь по полу с паутиной и с уже нескрываемым неудовольствием смотрю на клетки, в которых пляшут танцовщики. Поднимаю голову и вижу Олега как раз на втором этаже, у того же столика, где мы с ним познакомились. Где я впервые увидела у него этот безумный взгляд. Он реально, просто долбанный маньяк.

Только дойдя до этого самого этажа, я, наконец-то, снимаю кулон. И свистом, привлекаю к себе его внимание. Мне даже не страшно, хотя обычно я боюсь Олега. Видимо, перегорели все чувства, даже умение бояться.

– Не ожидал тебя встретить. – Даже через темноту и со-

фиты, вижу, что он мне улыбается.

– Что ты хотел сказать мне о договоре? – начинаю я разговор даже не здороваясь.

– Мне кажется, ты все знаешь. Тебя ищут по всему городу. Виктор даже предлагал опять сотрудничество с темными, чтоб тебя найти, только они его послали.

– Они не найдут меня, пока я этого не захочу, – качаю я головой.

– Зачем ты пришла ко мне? – Он подходит ближе становится напротив, и опять пытается взглянуться в мое лицо, пытается его прочесть. Хочется сказать ему какую-то гадость, но я себя сдерживаю.

– Я пришла не затем, чтобы дать тебе то, чего ты хочешь. Этого не будет никогда, Олег, – говорю я.

– Обидно, что ты начинаешь разговор, именно с этих фраз. Ты только это и пришла сказать, или есть еще информация для меня?

– Я не знаю, что мне делать. Но Хатхор дала мне совет, и я его исполняю. И я начинаю с того, что... – набираю в грудь воздуха. – Я тебя прощаю.

Он хмыкает. Я продолжаю.

– Я не люблю тебя и никогда бы не полюбила. Но я прощаю тебя за все, что ты сделал мне и моим близким. Я не испытываю к тебе ненависти, я не желаю тебе зла. Более того, я даже желаю тебе добра. Я рада что ты. Немного, возможно, ощутил, что-то светлое в своей жизни. Может быть, ты себе

это только придумал, не знаю, но, если ты на самом деле что-то ощутил, то это прекрасно. Я желаю тебе найти свою любовь. Быть счастливым.

– Ты прощаешься? – спрашивает он не меня выражения лица.

– Не переживай, у меня нет суицидальных наклонностей, – качаю я головой. – За это беспокоиться не надо. Но да, я действительно, прощаюсь. «Прощание» и «прощение» – ты замечал, как эти слова похожи?

– А с ними попрощаться не хочешь? С братьями?

– Сказать правду?

– Ну, конечно.

– Простить их, чтобы хотя бы поговорить, мне будет очень сложно и очень больно. – Я говорю и опять предательски лезут из глаз слезы. Не хочу их ему показывать. Опускаю голову, но голос все равно дрожит. – Несмотря на то, что ты чуть не изнасиловал меня, чуть не убил мою подругу, навредил моей матери, чуть не превратил меня в убийцу и вытащил наружу самую мерзость что есть во мне. Несмотря на всё это, их простить будет сложнее. Ты просто зло. Ты чистое зло, и ты должен быть таким, но они... Они заставили меня полюбить их. Они со мной играли. Это очень сложно простить. Так что, прости Олег, но ты тренировочный полигон.

Опять хмыкает.

– И что, получилась тренировка?

Я прислушиваюсь к своим ощущениям.

Да. На душе появилось какое-то ощущение легкости пустоты. Еще висит огромный камень, но этот огромный камень несут братья Малышевы, а Олег... больше меня не беспокоит.

– Я действительно желаю тебе счастья, – говорю я искренно и киваю своим же словам.

Олег отворачивается от меня, хватается за перила и смотрит сверху вниз на свой клуб. Я так и не понимаю, его эмоции и то, есть ли они. Но все-таки он кричит мне через плечо:

– Уходи, пожалуйста.

Киваю, надеваю свои кулончик и ухожу, понимая, что вряд-ли когда-то вновь сюда зайду.

Пожалуй, теперь можно запланировать завтрашний день.

С утра я выползаю из торгового центра, как только он открывается и уже у порога снимаю кулон. Решил больше его не надевать.

Идут сторону интернет-клуба. Даже странно, что они еще существуют. Залезаю в интернет и первым делом покупаю билет на самолет домой. Бронирую, чтобы заплатить наличкой и захожу в социальную сеть.

Нахожу профиль Макса и звоню ему по внутреннему мессенджеру.

Один гудок. Второй. Третий.

А что, если они решили проблему?

Что если они уже нашли, как можно не проходить мое ис-

пытание? Или Хатхор сказала им, что это не нужно?

И сейчас он просто пошлет меня, может даже матом. И будет рассказывать своим друзьям историю о том, как он когда-то с братом поймел сводную сестрицу, которая, искренне влюбилась.

На шестом гудке я решаю сбросить вызов и уехать к чертям, но не успеваю нажать на заветную красную кнопку.

– Алло? – знакомый голос с той стороны.

– Привет, – вырывается у меня.

Кажется, это самое глупое, что я сейчас могла сказать.

– Кристина, ты? Где ты? Мы немедленно за тобой едем! – передают мне динамики его голос.

Я криком прерываю его.

– Макс! Я еду домой. Встретимся в аэропорту через полтора часа, проводите меня, – говорю я и сбрасываю трубку, не желая слушать его вопросов или чего-то еще.

Добираюсь до аэропорта, выкупаю забронированный билет. Теряю его в руках сидя на стуле в зале ожидания. Надо бы как-то маме позвонить. Как-то сообщить ей, что я еду. Слышу болтовню, детский смех и объявления о рейсах и посадках. До моей посадки еще двадцать минут. Должна успеть.

Я узнаю их по топоту ног. Оба пришли в черной и неприлично смятой одежде.

– Кристина, блять, какого хрена? – говорит Виктор пер-

вым и резко подлетает ко мне, схватив за руку.

– Так я сейчас милицию вызову, охрану. Не касайся меня, – брыкаюсь я от такой наглости.

– Та блядь, ты сдурела?! – кричит он.

– Так всё, оба. – поднимает руки Макс и кивает мне. – Кристина. Что случилось? Где ты была?

– Я знаю о договоре, – говорю я, игнорируя второй вопрос. – О том, что вы придумали хитрость, как избавиться меня от наследства.

– Так, наследство тебе важнее всего?! – опять орет Виктор.

– Нет мне важнее то, что вы меня обманули! – в моем голосе пробиваются плаксивые нотки. – То, что вы всё это сделали, чтобы... Я предлагала же с самого начала: я бы его оставила. А вы играли со мной, вы манипулировали, врали. Все ради денег, ради власти! А я? Кто-то вообще думал, о моих чувствах?! Нельзя так топтать людей, манипулировать ими просто... так нельзя!

Оба молчат. Переглядываются.

Первым начинает говорить Макс:

– Твое предложение было милым, но, ты знаешь, оно бы не подействовало. Наша хитрость с Виктором, она была куда действенной. Мы не хотели тебя, ну, как бы, кидать, мы бы оставили тебе какую-то сумму денег. Честно, я не знаю, как выкручиваться. Я не думал, что будет испытание для тебя, и всё такое. Все зашло слишком далеко. И... Кристина, ты

стала нам на самом деле, дорогой. Я не думал, что ты об этом узнаешь, я не хотел, чтобы ты об этом когда-то узнала. Мне жаль, что мы так обидели тебя.

– Ну да клево бы я себя чувствовала, когда осталась бы без магии и всего. Как тряпка половая, – хмыкаю я. – Коро-че всё. Я вызвала вас не для того, чтобы высказать вам своё «фэ». Я позвала вас, чтобы сказать, что я... Я вас прощаю. Я прощаю вас за то, что вы использовали меня. За то, что обманули. За то, что заставили полюбить. Я понимаю, у вас не было другого выбора. Точнее, нет, вы могли и придумать что-то другое, менее жестокое, по отношению ко мне. Могли, просто не хотели, и я это принимаю. И прощаю. Я думаю, что в этом и было моё испытание. Если я его прошла, то вы... Ребята, с вами все будет хорошо. Я вам и так не буду нужна на ритуале, поэтому я поеду домой, мне так будет легче. Если моя помощь все-таки будет нужна, то я помогу. Но я бы не хотела там присутствовать и вообще видеть вас. Уважайте мой выбор.

– Не понимаю, что? – говорит Макс. – Это с чего это ты не нужна нам на ритуале?

– Ну, договор. Я бы осталась без всего на ритуале. Какой смысл? Магия-то меня не найдет.

– Не нашла бы если... – говорит Виктор и останавливается.

– Вы могли бы ну, как-то меня предупредить, – продолжаю я. – Вы могли бы со мной вести себя по-человечески,

а не обманывать меня. А вы вечно хитрите, врете, прячете. Это невыносимо. Для вас люди как куклы в вашем театре.

– Да. Как куклы. Что ты узнала? – спрашивает Виктор.

Теперь уже он кажется арбитром между мной и мрачным Максом.

– Я прочитала обе страницы договора, я знаю всё.

– ИХ ТРИ, БЛЯТЬ! – орет Виктор так, что у меня чуть не закладывает ухо.

– Не кричи, – одергиваю я его. – И что? На первых все написано.

– Это старая версия. Это та, которую мы написали еще до того, как ты приехала. Там было две страницы, а потом мы не могли править их, и поэтому мы написали третью. Договор состоит из трех страниц!

– Ну ладно, какое это имеет значение? На первых, уже всё написано, что Кристина Похольчук ваша сестра. А значит, магия меня не найдет.

– На третьей написано, что Кристина Похольчук жена Максима Малышева, и получает от него половину его наследства. А также что Кристина Похольчук жена Виктора Малышева и получает от него половину наследства, – спокойно говорит Макс. – Поэтому я и думал, что ты не узнаешь, потому что на самом деле мы ничего не изменили от первой, еще отцовской версии. Все было бы так, как должно было быть изначально. Просто официально ты бы значилась не сестрой нам. А женой.

– На самом деле мы думали, как-то до начала ритуала сделать тебе предложение, но надо было чтоб ты обязательно согласилась. Ну, или прятать от тебя договор, чтоб ты не узнала про наше творчество. Голову ломали, как это придумать. Так ничего не придумали.

– Вы хотели, чтобы я?... – Внутри меня все пересыхает.

– Да, мы придумали эту уловку, чтобы ты ничего не получила. Да, мы изначально хотели тебя просто использовать и выкинуть. Дали бы бабла на дорогу, не обидели бы. Да, наверное, это было бы бесчеловечно. Но мы не знали, что ты полюбишь. Что это не будет просто секс. И не знали, что мы полюбим.

– По моему плану, – говорит Виктор. – Мы должны были переспать с тобой по очереди, чтобы магия прекратила воспринимать тебя сестрой. И всё. По одному разу. Но потом... все изменилось. Мы поговорили и поняли, что мы не отпустим тебя никуда. Тогда я и предложил вписать тебя как свою жену, а он сказал, что хочет вписать как свою. Вот мы и решили. Только не знали, как повернуть это так, чтобы ты никогда не узнавала о вранье. Думали, что ты нас никогда не простишь.

– Если это враньё, то оно не нужно, – качаю я головой. – Если нужно будет что-то сделать для ритуала, чтобы вы его успешно прошли, я всё сделаю. Я уже сказала, ребят, не нужно мне врать снова!

Виктор хватает меня за руки и резко прижимает к себе.

– Прости за то, что ты это узнала. И да, весь твой гнев, он был праведным. Но если ты уедешь, мне кажется, я не переживу этого Кристина. И не потому, что какой-то там ритуал и прочее. Нет, потому что я люблю тебя. И Макс любит тебя. Мы не отпустим тебя никуда!

Я сдаюсь и слезы начинают литься ручьем. Не то обиды, не то счастья. Виктор с силой обнимает меня, Макс приобнимает сбоку и гладит меня по голове, пока я трясусь от плача.

– Всё-всё. Поехали домой, к нам домой. Прошу тебя, – Макс осторожно вытаскивает билет из моей расслабленной руки и куда-то бросает.

После всех пережитых эмоций у меня безумно болит голова. Виктор дает мне таблетку обезболивающего, я засыпаю от неё в машине.

Снова белый зал. Женщина на троне.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я и не особо думаю о вежливости перед богиней.

– Ты прошла испытание, – говорит она мне.

– Я ничего не сделала.

– Ты смогла их искренно простить. И в награду получила полную правду.

– То есть, вы знали?

– Конечно. Уже тогда и сказала тебе, что они глупые мужчины, и думают обхитрить меня. Только я знала, что, ты сможешь подарить им любовь. И знала, что ты единственная мо-

жешь остановить их от тьмы. Ты будешь всегда вести их к свету и к любви. Будешь напоминать им о любви и прощении. Я никогда не позволю им сойти с истинного пути. А значит, они стали достойны того, чтобы стать моими наместниками. Даже Виктор. Ты должна была познать их предательство и жестокость и принять то, что ты любишь и это в них. В добрый путь.

Я прихожу в себя только тогда, когда мы уже приехали домой. Виктор, сразу же, не позволив мне снять обувь, приводит меня в кабинет их отца, который был всегда для меня закрыт. Там на столе лежит пергамент.

Он раскладывает передо мной 3 страницы договора с Хатхор, и я вижу первые две и последнюю, где указана как их жена.

– Мне кажется, это наихудший способ сделать предложение, но... Коль сюрприза уже не получается, – говорит он. – Ты выйдешь за нас замуж? Я не знаю, как мы это устроим, но это уже дело второе.

Я не в силах что-то сказать, только киваю и ощущаю грубый и быстрый поцелуй на своих губах.

– У тебя слезы соленые, – говорит Виктор.

– Ну а какие они еще должны быть? – отвечаю я.

К нам подходит Макс.

– Слыш? Она согласна! – кричит ему Виктор.

– Мне кажется, хуже предложения руки и сердца, я еще не видел, – говорит Макс.

– Я это и сказал, – важно замечает Виктор.

– Нет. Это всё неважно. Я вас люблю, – я смотрю на обоих мужчин. – Я люблю вас.

Слезы снова текут, но другие, какие-то легкие и приятные, и мне не стыдно за них.

– Мы любим тебя, – Виктор снова прижимает меня к себе.

Следующие месяцы прошли очень быстро. Я периодически заглядывала в календарь, и сердце стучало быстрее, когда я понимала, что ритуал приближается.

В то утро, когда мы только ждем гостей и я понимаю, что к закату все должно начаться, я сижу сонная в зале и смотрю в пустоту.

– Ты готова, моя любовь? – слышу шепот Виктора за спиной.

– Не знаю. Я чертовски боюсь, – честно говорю я.

Он подходит ко мне и целует мой затылок. За эти месяцы мне кажется, на моем теле не осталось ни одной точки, которую бы он не зацеловал.

– Бояться ничего. Дальше нас ждет долгая и счастливая жизнь.

– Наверное, – неуверенно тяну я.

Для ритуала приезжают жрицы. Среди них Карина и мне странно видеть ее снова в этом доме. Мы обнимаемся у порога, и остальные девушки быстро зовут меня в мою комнату подготовить мой костюм.

Да, по традиции, если женщина становится наместницей Хатхор, она должна быть одетой в белое. Как будто невеста. И да, по сути, невестой я и являюсь.

Девушки усаживают меня за стул и проводят надо мной различные процедуры, превращая меня в красавицу. Карине досталась роль той, кто будет занимать меня болтовней, пока мне делают высокую причёску, наряжают, делают маникюр и педикюр.

Весь дом гремит от нашего смеха. Включаем ютуб и ржем над веселыми историями друг друга.

Вечером отключаем электричество. В доме светят только натуральные восковые свечи, которые девушки – жрицы несут в руках. Они становятся с двух сторон нашей лестницы. Первым проходит мимо них Макс. Затем, по старшинству Виктор, а позже – я.

Мужчины улыбаются, берут меня оба под руки, и мы идем сначала в зал, а потом спускаемся в подвал, где уже открыта дверь в наш храм.

Жрицы становятся вокруг нас и начинают произносить какие-то мантры, которые я не понимаю. Какое-то время, мне кажется, что всё это безумно скучно, пока в конце концов передо мной. Не начинает пробиваться яркий свет.

Я осознаю, что впервые за все это время Хатхор появляется в реальности. Я не выношу вида её величия и опускаю голову. Её высокая фигура, будто метра четыре ростом склоняется над нами, потому что если встанет в полный рост, то

упрется в и так высокий потолок.

Я не вижу ее красивого лица, нет, у нее голова коровы. Это выглядит странно. Но, в чем-то очень красиво.

Она подходит сначала к Макс и касается средним пальцем его лба. Его будто пробивает легкий ток, и он дергается в судороге. Следующим Хатхор касается Виктора, и он тоже дергается. Когда очередь доходит до меня я ощущаю, как от её пальца меня будто бьет сладким током. Это в чем-то похоже на оргазм, только после него не уставшая, а наоборот – полная сил и энергии.

– Благодарю тебя, – шепчу я.

Макс встает и касается моей ладони кончиками пальцев.

Начинает говорить:

– Посвящаю тебе свою жизнь. Отдаю тебе свою любовь. Отдаю тебе свою верность. Отдаю тебе свою душу.

После этого краткий поцелуй в лоб. Следующим встает Виктор.

– Посвящаю тебе свою жизнь. Отдаю тебе свою любовь. Отдаю тебе свою верность. Отдаю тебе свою душу, – произносит он те же слова.

Я же, вспоминая, инструкцию от девочек, повторяю:

– Посвящаю вам свою жизнь. Отдаю вам свою любовь. Отдаю вам свою верность. Отдаю вам свою душу.

Да, именно это и попросили меня сделать девочки, произнести брачные клятвы обоим братьям. И сделать это, как ни странно, уже после того, как обрету силы. Опять же, по сло-

вам жриц, получается, что, между нами, уже фактический брак, а свадьба – просто праздник, больше для нас чем для богини.

Не знаю, видят ли это жрицы, но я люблюсь тем, как светлая энергия будто бы кольцами окружает наши руки. Теперь мы связаны на всю жизнь, и может быть, даже после нашей жизни.

Я целую братьев по очереди. Хатхор поднимает руки к небу.

Богиня собирается что-то сказать...

Эпилог

Эпилог

Прошло больше 40 лет с тех пор, как я впервые оказалась на пороге этого дома. Нельзя сказать, что наш сложный союз был совершенно безоблачным.

Я злилась, я ревновала, ревновали меня. Многие женщины хотели увести у меня Макса или Виктора. Но те, как ни странно, были патологически верны мне. Хотя я пару раз сильно ревновала Виктора, но он только посмеивался над моими потугами поймать его на чем-то. Нет, он любил меня и другие женщины, ему просто прекратили быть интересны.

Братья тоже оказались безумно ревнивы, и когда меня пытались увести пару раз, устраивали мне такой вынос мозга что до сих пор и вспоминать стыдно.

Но молодость прошла страсти улеглись. Наша любовь стала ровнее, спокойнее, мы чаще молча обнимаемся и смеемся над своими же старыми шутками.

В нашем браке я родила четверых детей. Все – мальчики. Как только я родила первого сына от Виктора, я поняла, что не хочу, чтобы малыш испытывал то, что испытали мои мужья, мой отчим или их предки.

Тогда я сама вызвала Хатхор. Я обсудила с ней все, что происходит, и сказала, что нужно изменить правила игры.

Она согласилась со мной. Да, мы не смогли снять проклятие того, что в этот род приходят только мальчики. Но никто из них не обретёт силу, пока не станет мужем, и при этом ему не нужно было ждать нашей смерти.

Каждый мой сын, а затем мои внуки, когда подрастут, станут наместниками Хатхор, как только женятся. Условие одно – жениться надо только по любви. А невесту, как награду своим наместникам выберет и приведет сама Хатхор, потому что она чувствует, как и я, тех женщин, что могут постичь её величие и силу её огромной любви и тех, что могут раскрыть любовь в моих сыновьях.

В чем-то, я даже завидовала мальчишкам. Как здорово, когда тебе не просто подобрали супруга, а подобрали из всех миллионов людей ту самую, что будет тебя любить. И сделала это богиня любви. Не всегда союзы моих мальчиков оказывались стандартными, но я понимала, что приму любой их выбор.

Я немного слышала о Маше – она уехала за границу, вышла замуж. Постит счастливые фотки с мужем-европейцем, маленьким домиком и парой милых детишек. Я искренне рада тому, что в её глазах больше нет той грусти и потерянности.

Пока не вырос мой сын, я несколько раз проводила заключение пактов с тёмными. Каждый раз, когда я делала это, темного сопровождал Олег, хотя это не по правилам.

Он просто стоял рядом и смотрел на меня. Это было

странно и неловко. Но я делала вид, что не замечаю его. Первые пару раз я говорила об этом Виктору, и тот, казалось, был готов его растерзать. Потом решила из любви к Виктору, этого больше не говорить.

И хотя прошло уже много лет и несколько родов, моя красота естественным образом стала увядать, но Олег по-прежнему наблюдал за мной. Однажды после того, как я поговорила с новым темным. Я подошла к Олегу и сказала ему, что я буду настаивать на том, чтобы он уехал, и я прошу его либо сделать это сейчас, либо я попрошу сделать это через Хатхор.

Не потому, что я боюсь его, или ненавижу, или еще что-то нет совсем наоборот. Я поняла, что, если он хочет освободиться от любви, или того, что воспринимает как любовь ко мне, то, как минимум, ему нужно быть как можно дальше от меня. Он выслушал меня молча.

Чуть позже, на очередном заключении пакта его я уже не видела. Его клуб был выставлен на продажу.

Мама пришла в себя и выяснилось, что тот врач, который её лечил, учился с ней в одной школе, только в параллельном классе. И был влюблен в неё многие годы. У них закрутился роман, а после, его дети вызвали его в Канаду, и он позвал её уехать с ним.

На каждый праздник она посылает мне открытки из новых городов. Несмотря на свой очень немолодой возраст, она по-прежнему ещё резвая и активная. Мне даже кажется, что она зажила настоящей жизнью только после того, как встретила

своего доктора.

Оля ушла от нас через несколько лет после тех событий. Макс дал ей хорошие отступные, и она купила себе небольшой бизнес – магазинчик простых вещей. И вроде как, она чувствует себя вполне счастливо. Встретила симпатичного немолодого вдовца и занялась больше своей жизнью чем жизнью Карины.

А моя жизнь пусть еще и не прошла полностью, но я уже могу дать ей оценку: она удивительная. Яркая, эмоциональная и очень счастливая, а главное наполненная любовью. Во всех ее видах во всех ее проявлениях.

И это, наверное, лучшее, что я могла бы попросить.